

НОВАЯ ПОЛЬША 2/2017

Выпуск изображений

Писатель, альпинист, общественный деятель, защитник прав национальных меньшинств. Родился в 1941 г. в подкарпатской деревне Яниковка. Полонист, выпускник Ягеллонского университета. После университета долгое время работал в Добровольном обществе горных спасателей в Татрах, одновременно печатался в изданиях, посвященных культуре и искусству. Работал в отделе культуры ЦК ПОПР, но после введения военного положения в декабре 1981 года покинул ряды партии. Сотрудничал с редакцией католического журнала «Пшеглэнд повшехный».

В 1989–1997 гг. занимал пост замминистра культуры, концентрируясь на проблемах национальных меньшинств в Польше. Курировал многочисленные культурные проекты и издательскую деятельность меньшинств. С 1998 по 2006 год был директором Национальной библиотеки в Варшаве. В этот период активно занимался историческими исследованиями связей между народами, проживающими на восточных землях бывшей Речи Посполитой, кроме того, публиковал очерки о польской религиозной прессе межвоенного периода.

Огромной популярностью пользовались у читателей его книги о Татрах, культуре польских горцев и особенностях работы горных спасателей. В последние годы он публиковал очень интересные стихи и поэмы, основанные прежде всего на автобиографическом материале.

Михал Ягелло был награжден Командорским крестом ордена Возрождения Польши, золотой медалью заслуженного деятеля культуры «Gloria Artis», литовским орденом великого князя Гедиминаса IV степени, украинским крестом «За заслуги» III степени и «Золотой плакеткой» МВД Словакии, а также орденом св. Марии Магdalены, который польская автокефальная православная Церковь присуждает за охрану памятников и церковных достопримечательностей. Умер год тому назад. Фото: К. Дубель

Содержание

1. Прощание с Ежи Помяновским
2. In memoriam
3. Соболезнования
4. Лица Ежи Помяновского
5. Ежи, Георгий Победоносец
6. Катастрофа нам не грозит, но мы упускаем шанс
7. Экономическая жизнь
8. Хроника (некоторых) текущих событий
9. Встречи с Конрадом (2)
10. Фундаментальный труд
11. Судьбы поляков в России
12. Выписки из культурной периодики
13. Стихотворения
14. Императив независимого бытия
15. Культурная хроника
16. Лицо
17. Русские цыганские романсы в «Завороженном танцзале»
поэзии Галчинского

Прощание с Ежи Помяновским

Фото: К. Дубель

В январе ему исполнилось бы 96 лет. В принципе, он жил проблемами современности и ближайшего будущего, однако, когда вспоминал о временах своей молодости, остро ощущалась атмосфера тридцатых годов, сотканная из встреч «юноши со школьной скамьи» с Виткевичем, Гомбровичем и Шульцем, а также жестоких нападений боевых отрядов «Фаланги», которые он испытал на собственной шкуре.

Он уехал из ПНР после 1968 года, но даже когда его не было, по Польше ходили его каламбуры и рассказы о забавных ситуациях, в которые он ставил угрюмых чиновников сталинских времен своими шутками. Ведь юмор всегда был его оружием.

Однако оно не было бы столь эффективным, если бы не твердые принципы, которых он придерживался, не пряча их за излишними аргументами или сентиментальностью. В этом смысле он напоминал Ежи Гедройца.

Так, в политических вопросах для обоих важнее всего были польские государственные интересы, основанные на мудрой восточной политике, излеченной от комплексов и национальной мегаломании. Когда в начале 90-х годов он, после долгого перерыва, собирался в Москву, то сказал, что намерен разговаривать там не только с демократами, но также с твердолобыми коммунистами и националистами, чтобы

понять Россию, возникающую из руин империи, и искать в ней людей, дружественных Польше.

Диалог Ежи Помяновского с Россией был основан не на расточении комплиментов, тем более что он довольно быстро и твердо ставил вопрос о независимости и безопасности Украины.

Те, кого интересует его аргументация, могут обратиться к нескольким томам его статей, вышедших после 1989 года, и к подшивкам ежемесячника «Новая Польша», который он основал в 1999 году и которым руководил как главный редактор.

В первых сообщениях о смерти Ежи Помяновского чаще всего писали (и справедливо) о его крупных переводческих достижениях: переводах рассказов Исаака Бабеля и произведений Александра Солженицына, прежде всего «Архипелага ГУЛАГ». Однако мне хотелось бы обратить внимание на его переводы русской и немецкой поэзии, частично собранные в книге «Контрабанда».

Ежи Помяновский, дебютировавший в прессе некрологом Болеслава Лесьмяна, несомненно, сам был выдающимся поэтом. Его поэзия состояла не всегда из стихов и не только из слов.

In memoriam

Фото: К. Дубель

Юзеф Хен, писатель

Познакомились мы, наверное, лет семьдесят тому назад. Я — уже после дебюта, он — после работы в медицине, но с явной литературной страстью. И эта страсть у него, как я догадался, со школьных лет. Мечислав Яструн, выдающийся поэт, его учитель по довоенной гимназии в Лодзи, признался мне, что боялся этого ученика: он все знал лучше. Не как „besserwisser”, самодовольный всезнайка — он на самом деле знал лучше. Нас сближало трудное прошлое, запутанные военные приключения (если это можно назвать «приключениями»), познание России, опыт, который остался у нас в памяти, близость с людьми — у него, естественно, по большей части из интеллигентских кругов, у меня с выходцами из низов. Ну и зародившиеся в те времена сходные читательские увлечения. И наконец — кино. В шестидесятые годы Ежи Помяновский был литературным руководителем киностудии, на которой по моему сценарию снимали фильм «Два ребра Адама». Сотрудничество — профессиональное, но обращение тактичное (что редкость в этой среде).

Помню, что в качестве театрального критика он защищал приехавший в Польшу театр Брехта, на который у нас, с подачи товарищей из ГДР, пытались нападать. Защита была весьма эмоциональной и, насколько я помню, эффективной. Он не сразу сообщил, что переводит Бабея. Эти переводы, когда они

наконец вышли, были сразу признаны мастерскими. Я старался, насколько мог, читать русскую литературу в оригинале. Как-то раз, один в доме у дочери, я открыл «Одесские рассказы» Бабеля, тонкую книжечку в переводе Помяновского. Меня восхитил этот плотный, чувственный и необыкновенно изобретательный польский язык. Я невольно задумывался, как то или иное предложение могло звучать по-русски. Как с этим справился Бабель. Такой извращенный мыслительный процесс: как будто Бабель переводил Помяновского.

Когда в Париже начали выходить по-польски произведения Солженицына в отличных переводах какого-то Михала Канёвского, у меня не было сомнений, что эту работу выполняет Ежи Помяновский, как раз тогда преподававший в итальянских университетах. Ведь помимо прекрасного пера, требуется еще знание реалий. А его иногда явно не хватало переводчикам-эмигрантам.

Не могу опустить здесь одну личную заметку — именно благодаря синьору профессору во Флоренции вышли две мои книги: «Via Nowolipie» и «L'occhio di Dayan»^[1]. Именно он убедил владельца издательства «La Giuntina», что перевод моих книг — дело стоящее.

Точно так же он понимал свои обязанности перед польской литературой в качестве автора и главного редактора «Новой Польши». Читал всё, что, по его мнению, было этого достойно. Речь ведь о том, чтобы сделать доступным для русского читателя то, что достойно его внимания. Однако, читая, выбирая, нужно уметь позволить себе некоторую толерантность — помнить, что произведение, которое нам не совсем по вкусу, может заинтересовать читателя, быть для него ценным.

«Чтение — это большое искусство!» — с сожалением признавался Адольф Рудницкий^[2]. в своих воспоминаниях, озаглавленных «Запоздалая ветка сирени», когда, перечитывая Юлиана Тувима после его смерти, убедился, что не сумел в свое время прочувствовать эту поэзию.

Он считал себя счастливым человеком. В книге монологов, записанных для польского радио, он признался в том, в чем редко признаются в нашей юдоли, в нашей схватке с жизнью. Ведь и его жизнь вовсе не была легкой, в ней было немало драматических моментов. Эту его жизнь обогащал восторг, который он выказывал по отношению к тем, чьим искусством — он, мастер пера — восхищался. Как будто чувствовал благодарность за прекрасно написанную фразу. За мысль, которая его тронула. Поистине, необычно его высказывание о Тадеуше Канторе, неординарном художнике, драматурге и

смелом постановщике. Прочитую: «Я считаю себя человеком, счастливым уже тем, что видел, знал и наблюдал вблизи таких людей, как Тадеуш Кантор».

Богумила Бердыховская, специалист в области украинской проблематики

С того момента, когда в конце прошлого года пришло известие о смерти проф. Ежи Помяновского, в СМИ появилось много информации о его заслугах в популяризации в Польше русской литературы, а также в области польской культуры в целом. Напоминалось о переводах (подписанных, в том числе, псевдонимом Михал Канёвский) из Александра Солженицына, Исаака Бабеля, Варлама Шаламова, Андрея Сахарова, Евгения Шварца и Михаила Булгакова. Особое место в этих воспоминаниях занимает последнее дело жизни Профессора — создание журнала «Новая Польша», редакцию которого он возглавлял.

Все это правда, но тем не менее образ проф. Ежи Помяновского будет неполным, если не упомянуть его «украинской» деятельности, поскольку Профессор принадлежал к числу тех друзей России, для которых любовь к этой великой стране не заслонила существование Киева, Минска или Вильнюса.

Неудивительно, что после смерти Профессора соболезнования в Варшаву прислали, среди прочих, глава украинского ПЕН-клуба Микола Рябчук и Лявон Барщевский из белорусского ПЕН-клуба.

Профессор считал особенно важным поддерживать независимость Украины. На вопрос, в чем состоит первоочередной интерес Польши, он неизменно отвечал: «Им является независимая Украина. Это необходимое и достаточное условие для нашей безопасности» [«Жечпосполита», 29.04.2010]. В другом месте он писал: «Жизненно важный вопрос — это сохранение Украиной независимости» [«Салон24», 13.01.2009]. Не раз он призывал нас не допустить, чтобы наши украинские соседи остались в одиночестве, так как это станет драмой и для Польши, и для самой... России: «Если мы позволим Украине остаться одинокой, а тем самым обреченной на милость и немилость великого соседа — то для Польши это неизбежно станет возвращением к прежней геополитической ситуации. А для России? Стимулом вести ту же, ненужную самой России имперскую политику, которая может привести ее к пропасти, над которой уже стоял Советский Союз в конце своего существования. Имперская политика всегда приводит к конфликту с ближними и дальними соседями. Я не только не желаю этого русским,

напротив — я считаю, это пагубным как для Польши, так и для России! Так что поощрять их к этому, отдавая Украину на их милость и немилость, кажется мне нонсенсом не только с польской, но и с российской точки зрения» [«Газета wyborча», Люблин, 17.03.2011].

Особое место в его размышлениях занимали польско-украинские исторические взаимоотношения, в особенности антипольская акция ОУН-УПА на Волыни и в Восточной Галиции. У него не было сомнений, что часть людей, упоминая эту трагедию, поступает так не во имя уважения к памяти погибших, а ради разжигания антиукраинских фобий: «В течение всего прошлого года 65-я годовщина ужасной волынской резни отмечалась в форме кампании, порой принимавшей тон травли по отношению к Украине и украинцам в целом. Словно — даже в 1943 году — все украинцы были в УПА. Бандеровцем был объявлен Богдан Осадчук, наш верный друг, а коллаборационистом и ренегатом — патриарх Шептицкий, автор призыва «Не убий!». В сеанс ненависти — без защитников и обвиняемых — превратился очередной выпуск программы «Стоит поговорить» на канале TVP». В то же время Профессор однозначно противился замалчиванию волынской резни. «В волынской резне была повинна УПА, и об этом нельзя забывать. Но с кем заключают мир? Именно с вчерашним врагом. А здесь речь идет не просто о мире, а о стратегическом союзе с соседом, которому хорошо известно, что это не Польша хочет господствовать над ним. Шовинистов на Украине сегодня не больше, чем у нас. И раздувание горького пепла прошлого лишь затемняет нам виды на будущее» [«Салон24», 13.01.2009].

Ежи Помяновский также был участником одной из важнейших дискуссий, посвященных восточной политике, состоявшейся в 2001 году. Когда Бартломей Сенкевич, уважаемый аналитик, будущий министр внутренних дел в кабинете Дональда Туска, написал свою «Похвалу минимализму», которая де-факто была манифестом лагеря противников польской восточной политики, соответствовавшей концепции Гедройца, Профессор ответил острым и блестящим текстом под знаменательным заголовком «Все ошибки уже совершены» [«Тыгодник повшехны», 25.03.2001].

Помимо публицистики важное место в его жизни занимала редакторская деятельность в «Новой Польше». По инициативе Профессора вышло три украинских номера этого журнала. Я имела удовольствие лично заниматься подготовкой одного из них. Постоянно возникали планы запуска украиноязычной версии журнала. Эти планы уже не удалось осуществить... Профессор прожил долгую и плодотворную жизнь. Его роль как переводчика в том, чтобы сделать часть наиболее важных

произведений русской литературы XX века ближе полякам, нельзя переоценить. Любя русскую литературу, он был в то же время одним из самых последовательных друзей Украины в нашей стране. Он хорошо послужил Польше. Почтим его память!

Андрей Базилевский, переводчик

Ежи Помяновский — силой своей энергии, опыта, крепких связей с миром — создал интересный журнал, придав ему именно то направление, которого внутренне придерживался как литератор и общественный деятель. Не всем удастся воплотить свои замыслы столь полно и объемно. Благодаря широте эстетических взглядов основателя журнала, его точному подбору профессиональных сотрудников русский читатель с каждым номером пополняет свое знание о польской культуре. Делая выводы, уточняя свою позицию. Для того и существует подлинная журналистика, чтобы побуждать к размышлениям и добросовестному, бескорыстному созиданию — «поверх барьеров», вопреки сиюминутной конъюнктуре. Помяновский, с его бесспорной приверженностью классу интеллигенции, действовал в жизни как неутомимый поборник интересов этого многоликого класса, представляющего спектр очень разных взглядов на историю и перспективы бытия человека. Я рад, что не только политика определяет облик «Новой Польши».

Войцех Сикора, директор архива Литературного института в Мезон-Лаффите

Ежи Помяновский более тридцати лет принадлежал к числу ближайших сотрудников Редактора Ежи Гедройца, прежде всего как переводчик (в т.ч. «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына) и публицист, специализирующийся в российской проблематике.

Сам Ежи Помяновский так писал о своем сотрудничестве с «Культурой» в одном из писем Редактору в начале 80-х годов: «Среди многочисленных примеров серьезности и значимости Вашего журнала, привожу Вам и этот: я еще раз осознал, что то, что я написал и перевел для Вас за прошедшие годы, заняло место важнейшего нравственного мотива моего здешнего существования. Как писатель я замолчал на многие годы, отстранил искушение какой-либо известностью, чтобы исполнить то, что казалось мне некоей миссией, и принимать скромное участие в Ваших столь важных усилиях».

Ежи Гедройц высоко ценил Ежи Помяновского и его знание

России. Они вместе разработали концепцию русскоязычного ежемесячника «Новая Польша», неутомимым редактором и *spiritus movens*^[3] которого был Ежи Помяновский.

Даниэль Ольбрыхский, актер

По понятным причинам мои воспоминания о Ежи Помяновском будут особыми, неполными, очень личными, а значит далекими от профессионального совершенства. Всего через несколько месяцев после Анджея Вайды ушел один из самых значительных людей, которых мне довелось узнать на протяжении последнего полувека. Об Анджее Вайде я писал и говорил в бесчисленных интервью на многих языках. Меня спрашивали о Нем на каждой географической широте. Я сделал с Ним тринадцать фильмов. Мы приступали к следующему. Встреча с этим человеком была для меня важнейшей в моей профессиональной жизни. Это очевидно. А Юрек Помяновский...

В течение десятилетий нашей, могу смело сказать, Дружбы я сознавал, что бесценным сокровищем в жизни является возможность узнать незаурядных людей и умение воспользоваться этой незаурядностью. Я не буду распространяться о том, как много дал всем нам Ежи своими гениальными переводами прозы Бабеля, Солженицына, своими эссе, фельетонами, которые я проглатывал на страницах парижской «Культуры». Мне повезло дружить и иметь возможность регулярно встречаться с Ним на протяжении более двадцати лет пребывания Юрека с Олей в Риме, куда, сначала из Варшавы, а потом из Парижа, я приезжал на съемки. Не все эти фильмы ясно запечатлелись в моей памяти. Настоящим богатством тех лет были регулярные встречи с Ними и бесконечные разговоры, а главное, выслушивание чудесных монологов Юрека на любую тему, от наслаждения, со знанием дела, итальянской кухни до открывания чудес римской архитектуры, музеев, и все это в контексте мировой истории, необыкновенных людей, с которыми этот великолепный человек был знаком, либо, по крайней мере, так много о них знал.

Как мы знаем, писал он прекрасно. Я, очарованный зритель и слушатель, мог еще и восхищаться красочностью и сочностью его бесед. Выразительным польским языком с красивым, слегка грациозным «р». Со временем разница в поколение, разделявшая нас, начала стираться. И у меня даже возникало ощущение, что я, с осознанной радостью, общаюсь с каким-то более мудрым сверстником. Я понимал абсолютно очарованную своим мужем Олю, которая познакомилась с

Юреком молоденькой женщиной, когда он был уже весьма зрелым мужчиной. Впрочем, для меня он всегда выглядел одинаково; и тогда, когда много лет тому назад я ночевал у них в Риме, потому что мне не хотелось возвращаться в отель, и несколько лет назад в моем Дрохичине, где, одетый в розовые плавки, он без колебаний сел со мной в качавшуюся на Буге лодку, и за столом в сочельник два или три года тому назад у нас в Подкове-Лесной, где он с серьезным видом кормил фаршированной рыбой сидевшего рядом с ним на стуле гигантского кота Максимилиана, или, наконец, несколько месяцев тому назад, когда я видел Юрека в последний раз на прощании с Анджеем Вайдой в Кракове. И хотя и Оля, и Он очень любили Рим и прекрасную Италию, это хорошо, что они вернулись в, конечно, несовершенную, но свою страну, и что именно здесь мы прощаемся с Юреком, сознавая, насколько значительный человек польской мысли и культуры только что ушел от нас.

Из речи бывшего министра иностранных дел РП Даниэля Ротфельда на похоронах Ежи Помяновского

Он был представителем польской интеллигенции, считавшей культуру носителем тех ценностей, благодаря которым даже в период, когда люди не могли говорить в полный голос, можно было передать следующим поколениям лучшие традиции и образ мышления. [...] Его главная мысль звучала так — наша основная задача в том, чтобы убирать окаменелости с поля культуры и не позволять этому полю зарастать сорняками.

Анджей Новак, историк (Ягеллонский университет)

О профессоре Ежи Помяновском я впервые узнал из титров, сопровождавших каждый отрывок сериалов «Ставка больше, чем жизнь» и «Четыре танкиста и собака». Он фигурировал в них в качестве литературного руководителя киностудии «Сирена», производившей эти, жадно впитываемые мной (и миллионами других детей в 60-е годы) сериалы. Потом, уже несколько более зрело, я восхищался талантом Ежи Помяновского как конгениального переводчика Солженицына и Бабея. Так что в середине 90-х годов, когда он переехал на постоянное жительство в Краков, я счел большой честью возможность личной встречи с ним. Профессор заинтересовался моими исследованиями восточной политики Юзефа Пилсудского в 1919–1920 годах, а особенно ролью одного из доверенных проводников этой политики, поручика Мечислава Бирнбаума — как оказалось — дяди Профессора. Я

сразу же поддался обаянию подлинных чар доброжелательности, элегантности, эрудиции и мудрости Профессора. Я узнал человека иной эпохи, открытого для окружающих, в том числе для людей с другими взглядами. Его увлекательные воспоминания о военном времени, о пережитом в донбасской шахте, о своеобразном медицинском образовании, полученном в прозекторской в Таджикистане, или демонстрируемое с гордостью письмо от Виткация, поощряющее адресата к дальнейшим литературным дерзаниям — это незабываемые впечатления от бесед с Профессором, которых я удостоился в его только что обставленной квартире на улице Грамматика в Кракове. Он также охотно посещал редакцию журнала «Аркана», где его особенно интересовали тексты, посвященные России, а точнее, их авторы (в том числе особенно Им ценимый Влодзимеж Марциняк, нынешний посол Польши в Москве). Он и меня убеждал публиковаться в «Новой Польше» — я принимал это приглашение с благодарностью и пользой для себя.

Он был верным наследником идеи Ежи Гедройца, может быть, вернейшим из тех, кого я имел возможность узнать. Это не антироссийская идея, как некоторые неумно ее интерпретируют, но идея неутомимого поиска «третьей» России, не царско-имперской и не коммунистической, а такой, которая найдет свою свободу среди свободных соседей. Он делился этой идеей не как вдохновенный пророк, а скорее как — прошу прощения за такое сравнение, но Профессор, наверное, не обиделся бы — ее мудрый слуга. Ведь служение Речи Посполитой, а так в разговорах со мной он определял смысл своей работы в «Новой Польше», было для него величайшей честью. А упорный поиск свободной России и установление (постоянно прерывающегося) диалога с ней — он считал своим участком этой службы. За последние несколько десятков лет никто другой на этом участке не трудился лучше, трудолюбивее, умнее, чем Он.

Михал Сутовский, публицист журнала «Крытыка polityчна»

(...) Хотя лучше всего Помяновский запомнился в русско-советских контекстах, он на самом деле хорошо знал Запад, куда эмигрировал после мартовских чисток. Итальянцам, которым он преподавал польскую литературу, он показывал, что на Висле есть какая-то цивилизация — а при случае знакомился с тамошним интеллектуально-политическим ферментом. Со свойственным ему ироничным весельем, не лишенным сожаления о временах его второй (третьей? четвертой?) — в то время шестидесятилетней — молодости, он

жаловался как-то, что очень давно не видел своего итальянского друга, лидера движения «Lotta Continua», Адриано Софри^[4]: «В последний раз... это было, кажется, за год до того, как его приговорили за заказ на убийство Калабреззи». От радикальных идеологий он держался на расстоянии, но без антиутопической и антикоммунистической истерии, которой, бывало, страдали многие новообращенные из числа коммунистов — сложность человеческих мотиваций и трагедий истории он понимал благодаря чтению своего любимого Бабея, а еще встречаю с великими людьми, сломленными историей — именно ему пришлось констатировать смерть от отравления газом в собственной кухне Тадеуша Боровского.

История дружбы с осужденным за политический терроризм (заметим, несправедливо) итальянским интеллектуалом — это лишь один из забавных рассказов, которыми он более шести лет тому назад потчевал меня в краковской квартире — мой единственный долгий разговор с ним, по причине многоярусных отступлений и пугающей эрудиции профессора, для интервью совершенно не годился (оно планировалось как материал для номера журнала «Крытыка политычна» под заголовком «К востоку от Эдема»), но зато оставил мне личный, а потому бесценный опыт. Он позволил мне встретиться с человеком формации, корни которой (родом еще из XIX века) давали надежду на то, что процессы модернизации — со всем их трагизмом — имеют какой-то смысл, и что стоит, как говорит Мария Янион^[5], толкать в гору этот камень Сизифа.

«Krytyka Polityczna»

Станислав Обирек, теолог
о юбилее Ежи Помяновского

Он не совсем круглый, но все же исключительный — 95-летний, а юбилейные торжества состоялись 25 апреля в Варшавском университете, в Бальном зале Дворца Потоцких. Главным пунктом программы было вручение Памятной книги, озаглавленной «Русский связной. Разговор о Ежи Помяновском». Прекрасно изданный том, иллюстрированный фотографиями, редактировала профессор Ивона Хофман из Университета Марии Склодовской-Кюри, *spiritus movens* всего мероприятия.

Том разделен на две части. В первую, озаглавленную «О Нём», включены воспоминания, во вторую — «Посвящено Профессору» — статьи, связанные с деятельностью и

творчеством юбиляра.

В первой части оказался и мой текст. Позволю себе привести фрагмент, в котором я вспоминаю, как познакомился с профессором Ежи Помяновским: «Не помню, в каком году это было, но точно был вечер пятницы, потому что я участвовал в богослужении по случаю шабата в синагоге Рему. Как обычно, мы сидели вместе с Хенриком Халковским на одной скамье, и я расспрашивал его о различных деталях встречи шабата. В какой-то момент мы обернулись и поприветствовали наступающий шабат — декламируя песнь «Кабалат-Шабат». А потом тогдашний раввин Шаша Пекарич попросил пожилого мужчину спрятать свиток торы в святом месте — в «Арон ха-кодеш». Хенрик, конечно, знал, кто это. Это был Ежи Помяновский. Так мы познакомились. Мы немного поговорили, и я, конечно, воспользовался приглашением, став гостем Профессора в его краковской квартире. Во время визита он говорил не о себе, а о литературе, по большей части русской. На память мне досталась книга рассказов Бабея, кажется, это была «Конармия и другие произведения».

«Studio Opinii»

Ксендз Адам Бонецкий, заслуженный редактор журнала «Тыгодник повшехны»

Мы все его должники. Перевод произведений Александра Солженицына — это невероятная заслуга, о достижениях такого ранга следует помнить. Ежи Помяновский был эрудитом и хорошим человеком. Мы были знакомы со времени моего пребывания в Риме. Он часто повторял: «Всегда к вашим услугам».

Кристина Курчаб-Редлих, журналистка, репортер

Мои воспоминания о Ежи Помяновском очень личные. С его творчеством я столкнулась еще до того, как познакомилась с ним лично. Когда я была ребенком, в нашем доме появился Войтек Семион^[6] и начал читать вслух рассказы Исаака Бабея. До сих пор помню, как это меня восхитило. Оказалось, что это были переводы Ежи Помяновского.

Во взрослой жизни я обнаружила, что канон русской литературы существует по-польски в его переводе. Позже, когда я посетила Ежи и мою сестру в Риме, то увидела у них на полке только что изданный «Архипелаг ГУЛАГ» в переводе Михала Канёвского. Вхождение в мир Солженицына стало для меня сильным переживанием. А потом оказалось, что

Канёвский — это на самом деле Ежи Помяновский. И я, и моя сестра [Александра Курчаб, режиссер, актриса и переводчица, жена Ежи Помяновского] вышли замуж за людей, имманентно связанных с Россией, поэтому мне было легко найти с ним общий язык. Он мог казаться принципиальным, но был невероятно отзывчивым человеком. Помогал, где только мог. И еще одно — он ни о ком никогда не говорил плохо. Встреча с ним была для меня первым контактом с интеллектуалом крупного формата. Благодаря ему я поняла, что это значит: болеть Польшей. Это значительно больше, чем быть патриотом, это патриотизм слова, культуры, ответственности. Он вернулся в Польшу, как только появилась возможность, ведь Ежи Помяновский и сердцем, и мыслью оставался на родине.

Гжегож Гауден, бывший директор Института книги

Меня очень расстроила весть о смерти Ежи Помяновского. Это была необыкновенная, легендарная личность, его вклад в польскую культуру огромен. Он был писателем, переводчиком, организатором культурной жизни, столпом парижской «Культуры». Подростком я читал переведенные им рассказы Бабея, в его исполнении это были переводческие шедевры. Ежи Помяновский перевел «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, познакомив с этим трехтомным трудом польского читателя. Знакомство и возможность работать с ним были для меня огромной честью. Он умер в возрасте 95 лет. До последней минуты руководил основанным им ежемесячником «Новая Польша», выходящим на русском языке и адресованным русской интеллигенции. В этот печальный момент стоит присмотреться к его биографии и задуматься о временах — необычных и страшных — в которые ему довелось жить. Ведь его судьба — это судьба польской интеллигенции XX века.

Адам Поморский, председатель польского ПЕН-клуба, переводчик

Ушел один из знаменитейших польских переводчиков. В основном, он переводил произведения классической и современной русской литературы, но изредка делал переводы и с других языков, например, с немецкого. Это он создал в польском языке канон сочинений Исаака Бабея. Еще он был отличным театральным критиком. В сталинские годы товарищи из ГДР отправили в Польшу театр Бертольта Брехта, рассчитывая на уничтожающую критику его творчества. Тем временем, план не удался — Ежи Помяновский опубликовал

воодушевляющую рецензию, вызвав в правящих кругах идейный ступор.

Вследствие антисемитской травли 1968 года, когда в Польше ему не давали работать, он с 1969 по 1994 год находился в Италии. Однако так и не отказался от польского паспорта. Именно тогда, в 70-е годы, Ежи Гедройц уговорил его взяться за перевод «Архипелага ГУЛАГ» и других произведений Солженицына для «Культуры». Он был знатоком польско-российских отношений, а также наших связей с другими народами бывшей советской империи, что нашло выражение в его обширной публицистике. В 1999 году как идейный наследник Гедройца (и с его благословения) он создал в Варшаве ежемесячник «Новая Польша», знакомящий русского читателя с результатами польской трансформации. Со временем в журнале все богаче становились разделы переводов польской литературы и исторических работ. Помяновский был выдающимся редактором и руководил журналом до последнего момента, пока позволяло здоровье.

**Хенрик Возняковский, публицист, переводчик, председатель
Общественного издательского института «Знак»**

Его биография содержит характерную формулу судьбы польского интеллигента с еврейскими корнями. Литературную инициацию он прошел еще до войны, потом — российский опыт, коммунизм и, наконец, март 1968 года. Но, в отличие от некоторых мартовских эмигрантов, Ежи Помяновский никогда не пренебрегал Польшей. Его можно назвать исполнителем идейного завещания Ежи Гедройца. Его большими делами были прекрасные переводы Солженицына, а затем «Новая Польша», журнал, основанный им после возвращения на родину. Так же, как сегодня Адам Михник, Адам Поморский или Гжегож Пшебинда, он принадлежал к всё более узкому кругу тех, кто не только действительно знает Россию, но и понимает, насколько ключевым является это знание для Польши. Он был источником несравненных и, к сожалению, в значительной части не записанных забавных историй о самых разных персонажах, в основном из литературного и театрального мира. В последний раз я видел его три недели тому назад на презентации писем Виславы Шимборской и Корнеля Филиповича «Лучше всех живется твоему коту». Это было частью его интеллигентского багажа и призвания — до конца, несмотря на слабость, он хотел быть среди друзей, участвовать в круговороте мысли, держать руку на пульсе польской культуры.

1. «Улица Новолипье» (итал.) — книга воспоминаний о жизни в довоенной Варшаве. «Глаз Даяна» (итал.) — сборник рассказов об антисемитской кампании в Польше в 1968 году.
2. Адольф Рудницкий (1909–1990) — польский писатель и эссеист
3. Движущий дух (лат.)
4. Адриано Соффи (р. 1942) — итальянский журналист и писатель, в 60-е годы лидер крайне левой организации «Lotta Continua» («Непрерывная борьба», итал.), в 1988 г. приговорен к длительному тюремному сроку за участие в убийстве офицера полиции.
5. Мария Янион — польская писательница, историк литературы.
6. Войцех Семион (1928–2010) — польский актер театра и кино.

Соболезнования

Фото: К. Дубель

Даниэль Бовуа, французский историк, специалист по проблемам Восточной Европы

Глубокоуважаемый г-н Президент,
Я хотел бы попросить, если это возможно, передать супруге г-на профессора и редактора Ежи Помяновского выражения моей глубокой скорби и искреннего соболезнования. Эта смерть для меня особо болезненный удар, ведь я имел честь познакомиться с Ежи Помяновским еще во времена его сотрудничества с парижской «Культурой», а впоследствии разделить его труды на ниве сближения лучших поляков с лучшими русскими, не говоря уже о наших общих усилиях, направленных на то, чтобы Украина заняла достойное место среди европейских народов. Польша потеряла в Его лице прекрасного борца за эти великие идеи и всестороннего гуманиста. Он останется жить в нашей благодарной памяти.

Лявон Барцевский, бывший президент белорусского ПЕН-Клуба, бывший председатель Белорусского народного фронта, переводчик польской литературы

Приношу свои соболезнования.

К сожалению, все меньше и меньше остается людей из этого круга и этого поколения...

Виктор Ярошенко, главный редактор «Вестника Европы»

Примите мои глубокие соболезнования в связи с кончиной Ежи Помяновского.

Мандельштамовское общество

29 декабря 2016 года в Кракове, на 96-м году жизни, скончался Ежи Помяновский (Бирнбаум), польский поэт, писатель, драматург и литературный критик, соратник, основатель и главный редактор журнала «Новая Польша», один из лучших переводчиков поэзии Осипа Мандельштама на польский язык.

Луиджи Маринелли, итальянский историк, специалист по проблемам Восточной Европы

Не будет его лишь физически. Он многое дал также итальянской полонистике и полонистам... Пусть земля будет ему пухом!

Мыкола Рябчук, президент украинского ПЕН-клуба, поэт, эссеист, публицист

От имени всего нашего ПЕН-клуба выражаю огромную скорбь об этом великом человеке, представляющем целую эпоху. Мы соболезнуем вместе с вами, с родными, со всеми друзьями как из Польши, так и из Украины.

Он был нашим общим героем, он — наша общая утрата. Світла йому пам'ять!

Лица Ежи Помяновского

Фото: К. Дубель

1.

О Ежи Помяновском не стоит рассказывать баек, поскольку байкой — одной сплошной, огромной и многосюжетной, байкой — является вся его жизнь. Эта многосюжетность — причиной тому, что перед нами предстает многоликая фигура, каждое лицо которой, хоть все они и схожи меж собой, обладает собственным выражением. О Помяновском можно говорить и писать как о человеке театра и кино, как о политологе, переводчике, литературоведе, писателе, наконец — хотя этим список далеко не исчерпывается — как о редакторе и, конечно, как об «анекдотчике» (здесь уместно именно русское слово). Богатая и длинная биография этого гуманиста, культивирующего дистанцию по отношению к миру и к себе самому, полна поворотов, иной раз ошеломительных, а портреты его друзей могли бы составить внушительную галерею выдающихся деятелей современности (в широком смысле): Помяновскому везло на встречи с людьми, а кроме того, он умел — как в случае с Виткацием или Тадеушем Котарбинским — такие встречи сознательно провоцировать, что, впрочем, порой оказывало влияние на ход событий. Не подлежит сомнению, что перед исследователями, которым предстоит пробираться по этим биографическим меандрам, порой обращающимся в настоящий лабиринт, найти выход из

которого — сродни чуду, встанет задача практически невыполнимая, поскольку судьба Помяновского подобна клубку, нитки которого никогда не удастся распутать до конца. Однако усилия биографов, возможно, будут вознаграждены живописными историями, как, например, та, что повествует о встрече Помяновского с одним крупным деятелем ПАКС (фамилию опустим) после 1956 года. Итак, во время какого-то относительно официального мероприятия их представили друг другу, и член ПАКС, согласно этикету, любезно заметил, мол, «очень приятно с вами познакомиться». Помяновский парировал: «Но отчего ты говоришь мне „вы”? Мы ведь давно на „ты”». И, заметив удивление собеседника, уточнил: «Неужели забыл? 1938 год, университетский дворик. Я лежу на земле, а вы с дружками с криком: „Жидовская морда!” — бьете меня ногами».

2.

Первое лицо Помяновского, которое обращает на себя внимание (хотя для многих оно, возможно, представляет меньший интерес) — это лицо политического писателя, сосредоточившего свое внимание на проблеме польско-российских и российско-польских отношений. Помяновский осознает, что они асимметричны, хотя знает также, что это асимметрия не односторонняя и что в поисках плоскости партнерских отношений нельзя ограничиваться лишь одной областью и замыкаться в мире одной среды. Здесь одинаково значимы сфера большой политики и пространство культурного и научного обмена.

Помяновский, вне всяких сомнений, принадлежит к числу польских интеллектуалов, образующих круг искателей «иной» России; это об их опыте пишет Тадеуш Сухарский: «Авторы важнейших литературных воплощений польского опыта советской России противостоят „бесплодной и бездумной идиосинкразии”, преодолевают национальные обиды. (...) Такая перспектива меняет восприятие России, существенным образом корректирует стереотипы, бытующие в польском сознании. „Иной” русский в польских свидетельствах — отнюдь не только *homo sovieticus*, что не означает, будто мы не обнаружим в этих текстах подобного персонажа. Это уже не вечный и безвольный раб, находящийся во власти „героизма неволи”. (...) Образ грядущей победы свободного русского духа в пространстве порабощения и закрепощения не умаляет тот факт, что в действительности эти зачатки новой России составляла лишь горсточка узников»^[1].

Неудивительно, что поиски «иной» России свели автора «Содома и Одессы» с создателями парижской «Культуры»: он стал одним из авторов (в то время под псевдонимом) второго

«русского» номера журнала. По инициативе Гедройца, который особенно заботился о польско-русских связях, уже в свободной Польше был создан журнал «Новая Польша», редакцию которого сформировал, действуя по рекомендации Редактора, Помяновский. Это издание, несмотря на наличие других рубрик, особенное внимание уделяет литературе — как наиболее значимой плоскости диалога с русской интеллигенцией. Речь при этом идет не о «художественной дидактике», а о ценностях, носителем которых является литература, становящаяся исходной точкой для рефлексии над собой и миром. Помяновский пишет: «Пайпс с весьма справедливым почтением цитирует Чехова, выступающего против вплетения проповедей в литературу. Однако именно в пространстве литературы состоялось подлинное рождение российского общественного мнения, именно за библиотечным столом удавалось вызвать его дух. И делала это русская интеллигенция. Напомню, что Пайпс называет ее единственным слоем, заинтересованным в общественных изменениях. В 1900 году в России выходило около тысячи периодических изданий. Однако влияние их читателей на центры власти в масштабах империи было минимальным, поскольку, в сущности, ограничивалось их собственным кругом. Обилие талантов и само существование феномена русской интеллигенции сделали литературу как субститут, так и рычагом общественного движения»^[2]. Поэтому неудивительно, что Помяновский совершенно сознательно адресовал свое издание в первую очередь — хотя и не исключительно — именно русской интеллигенции. Здесь, впрочем, Помяновский усматривает важную для себя и своего утопического видения будущего общность польского и русского опыта, внушающую ему веру в то, что рано или поздно она станет областью подлинного диалога и партнерского союза. Интеллигенция видится ему базовым слоем социальной структуры: «С моей точки зрения, Польша должна гордиться тем, что лишь в Польше и отчасти в России всем понятно, что такое интеллигенция, интеллигент. На Западе такого слова просто не существует. Итальянские или французские интеллигенты считают себя представителями мелкой буржуазии или интеллектуалами. Они не понимают, что являются классом будущего»^[3]. Итак, интеллигенция, наиболее громко и отчетливо изъясняющаяся голосом литературы, обречена, согласно концепции Помяновского, играть главную роль на пути к польско-российскому согласию или — если смотреть шире — в процессе формирования общественной и политической гармонии будущего. Такая позиция может показаться утопической, однако не следует

забывать, что она глубоко укоренена в опыте прошлого, как далекого, так и недавнего — достаточно вспомнить значение «Колокола» Александра Герцена или «Культуры» Ежи Гедройца, который, кстати, ориентировался именно на это русское издание.

В приведенном фрагменте обращает на себя внимание решительное противопоставление польской и русской интеллектуальной элиты западным интеллигентским кругам. Помяновский, в чьих размышлениях на общественные темы интеллигенция является ключевой категорией, определяет Польшу — именно по причине своеобразного родства русских и польских интеллектуальных элит, сформированных в XIX и XX столетиях схожим опытом имперской политики Кремля — роль посредника между Россией и Западом. Он, впрочем, подчеркивает — указывая при этом на различия между поляками и русскими — что в диалоге с последними следует избегать стереотипного подхода, выражающегося, в частности, в выборе в качестве партнеров исключительно русских западников: «Наивно искать в России союзников лишь среди убежденных демократов и западников. Это явление восходит к традиции попыток насаждения в России идей и систем, возросших на совершенно иной почве. (...) Следует находить взаимопонимание также с российским патриотом и даже с так называемым реакционером — при условии, что тот откажется от агрессии, идей колонизаторства и разделения „сфер влияния”»^[4]. Такая позиция — причиной тому, что Помяновский стал одним из представителей Польши в созданной в 2002 году польско-российской Группе по трудным вопросам.

Одной из фундаментальных проблем, очерчивающих область польско-российского диалога, является «украинский вопрос». Здесь Помяновский является продолжателем политического мышления Ежи Гедройца и Юлиуша Меровского, утверждавших, что суверенитет Польши тесно связан с независимостью Украины. В эссе «Русский „польский комплекс” и территория УЛБ» Меровский писал: «Если — простоты ради — обозначить территорию, охватывающую Украину, Литву и Беларусь, буквами УЛБ, мы заметим, что в прошлом — а отчасти и сегодня — область УЛБ представляла собой не просто „камень преткновения” между Польшей и Россией. Область УЛБ определяла польско-русские отношения, обрекая нас или на империализм, или на позицию страны-сателлита. Я бы хотел подчеркнуть два момента. Во-первых — нельзя говорить о польско-русских отношениях в отрыве от территории УЛБ — поскольку польско-русские отношения всегда являлись функцией ситуации, сложившейся в тот или иной исторический период на этих землях. (...) И второе. Мне

кажется, что насколько русские украинцев всегда недооценивали и продолжают недооценивать — настолько они всегда переоценивали и продолжают переоценивать поляков. Они неизменно видят в нас соперников, активных или только потенциальных, но непременно соперников»^[5].

Формирование корректных польско-русских отношений возможно лишь при условии признания обеими странами суверенитета Украины и отказа от борьбы за влияние на эту территорию.

Ситуация, разумеется, осложняется возрождением в России имперских устремлений. Анализируя положение дел, Помяновский писал в 2001 году, то есть за три года до вхождения Польши в состав Европейского союза, которое кардинальным образом изменило расклад сил в этой части континента: «Первая и главная преграда на пути возвращения к прошлому — Украина: с ее сырьем, оборонной промышленностью, человеческими ресурсами. И с ее независимостью. Преодоление этой преграды и поглощение Украины вызвало бы лавинообразный эффект. Итак, от Польши зависит, удастся ли остановить процесс. Важно не создавать искушение, не делать Украину легкой добычей. Я думаю, что это единственный способ помочь России и доказать, что есть лишь один путь к ее развитию и нашему покою»^[6]. Иначе говоря, Помяновский выражает убеждение, что в интересах России отказаться от имперских устремлений: это гарантировало бы ей — подобно европейским постколониальным державам — сохранение статуса империи. Поэтому он подчеркивает: «Первый шаг к серьезному разговору с российским общественным мнением, — это встреча влиятельных представителей России в области науки, политологии и политики со столь же авторитетными фигурами из тех стран, которые с обоюдной пользой уже отказались от своих колоний и захваченных территорий»^[7].

Этим проблемам в значительной степени — хоть, разумеется, не исключительно — подчинена деятельность Помяновского как члена Группы по трудным вопросам и как редактора «Новой Польши».

3.

Второе лицо Помяновского — лицо знатока и блестящего переводчика русской литературы. Причем особое место здесь занимает театр, прекрасным комментатором которого он является. В эссе об истории русского театра, написанном в 1970 году и опубликованном двадцать лет спустя, автор подчеркивает, указывая на политические цели, которых хотел достичь Петр I, используя публичный театр для борьбы с

боярской олигархией: «Кажется парадоксом (вовсе таковым не являясь), что абсолютный монарх, стремясь к безраздельной, тотальной власти, обращается к плебсу для ликвидации остатков свобод (...). Но в интересующей нас области шаг царя вызвал обратную реакцию. Он положил начало антагонизму, который для судеб русского театра представляется более важным, нежели оппозиция „западничество / национальные традиции”. Назовем это противопоставление его подлинным именем. Это конфликт между стремлением власти к полному контролю, формированию материального и духовного бытия подданных — и стремлением народа к свободному выражению собственных склонностей, культурных устремлений и собственного мнения. Мы говорим — народа, однако отдаем себе отчет в том, что, в сущности, до сих пор от его лица всегда говорила та или иная группа, осознающая это положение и этот конфликт. В России — уже более столетия — такой группой является интеллигенция»^[8].

Неслучайно Помяновский в очередной раз называет интеллигенцию социальной группой, которая определяет — не непосредственно, а в долгосрочной перспективе — состояние российского общества, которая представляет собой чаще всего негативную, но значимую точку отсчета для действий власти, использующей методы управления, унаследованные от татаро-монгольского ига. Начиная с Радищева и вплоть до Солженицына именно в литературе — творцы которой, в сущности, обречены были на более или менее изощренные репрессии или гибель, подобно Пушкину и Лермонтову, на спровоцированных дуэлях — мы обнаруживаем то течение русской мысли, которое Адам Поморский метко обозначил в названии своей книги «Скептик в аду». В предисловии к ней он пишет: «Нигде общественное бытие не определяет сознание так неумолимо, как в аду. В культурной среде современной Европы, пожалуй, уникальным явлением представляется русская традиция воспринимать собственное государство как ад. Причем традиция это стойкая, существующая вне поколений, вне строя, являющаяся, вероятно, ровесницей России нового времени»^[9].

На эту преемственность в опыте русской литературы обращали внимание такие ее знатоки, как Юзеф Чапский или Густав Херлинг-Грудзиньский, анализировавшие — главным образом на страницах парижской «Культуры» — факты ее истории XX столетия, особое внимание уделяя творчеству писателей-диссидентов. Подобным образом поступает Помяновский, который — формируя таким образом мощный фундамент для диалога с Россией — дарит польскому читателю русскую литературу в своих переводах; причем будучи выдающимся

переводчиком прозы Исаака Бабеля и Александра Солженицына, он имеет в своем наследии также произведения Льва Толстого, Михаила Булгакова или Осипа Мандельштама. Помяновский, вне всяких сомнений, принадлежит к числу тех русистов — увы, немногочисленных — которые отдают себе отчет в том, что знание и понимание России находится в прямой зависимости от знания ее литературы, ибо это наиболее действенный способ избавления от стереотипов, обременяющих видение этой страны. Литература воплощает образ России разной, не сводимой лишь к политическим структурам, полной страстей и реально существующих идейных конфликтов. Но прежде всего она извлекает из хаоса повседневности те реалии, которые определяют в этой стране человеческую судьбу. И именно горький реализм русской литературы — в силу художественного совершенства произведений, представляющих это направление — оказывается для Помяновского-переводчика как предметом восхищения, так и профессиональным вызовом. Плоды его трудов подкупают не только филологической тонкостью, но и точностью в распознавании значений и смыслов мельчайших деталей, что было бы невозможно без дара эмпатии и глубокого знания мира, реконструируемого в этих текстах.

Помяновский — создатель польского Бабеля и польского Солженицына, но помимо этого он выполнял функции, которые призван выполнять подлинный переводчик — возводил мосты. Произведения русских авторов в его переложении на польский язык, с одной стороны, являются фактами польской литературы, с другой, остаются носителями русской культуры. Переводческая стратегия Помяновского нацелена прежде всего на диалог, на создание пространства соприкосновения с Другим и понимания Другого, который из чужого становится знакомым, что, разумеется, не всегда означает — близким. Миссия, которую взял на себя автор «Русского месяца с гаком», принадлежит — учитывая бремя исторических событий и разрушительную мощь закрепившихся стереотипов — к числу исключительно деликатных, требующих специфической интуиции, чтобы не сказать: нежности. В работе переводчика это прежде всего нежность по отношению к литературе, но ее трудно отделить от нежности по отношению к авторам переводимых произведений, даже тогда, когда переводчик не вполне согласен с их мировосприятием.

Главной точкой отсчета, вне зависимости от художественной ценности переводимых текстов, является для Помяновского правда повествования: «Правда Бабеля честна, однако она скрывает его личные эмоции. Наблюдаемая жадным взором, подмеченная в борозде поля, в лихорадке смерти жертвы,

пленника, товарища. Он нагляделся на палачей и подчеркивал, что не способен убивать; и буденовец Афонька устраивает повествователю разнос, потому что тот отправился в битву, не зарядив наган. Это правда — повторяю — более честная, нежели правда хроники. Необыкновенные события Бабель рассказывает нам без восклицательных знаков, лаконично^[10]. Это та самая правда, которую в своем знаменитом пассаже Александр Солженицын определил как требование жить не по лжи. Применительно к литературе это означает очищение от лжи повествования. И именно эту правду Помяновский переносит в пространство польского языка — затем, в частности, чтобы очистить польский дискурс о России и русских от лжи, которую заключают в себе стереотипы — осознавая одновременно, что правда эта зачастую трудна и болезненна. Но именно в способности принимать такую правду заключается смысл труда, который брал на себя переводчик «Архипелага ГУЛАГ». Таким именно образом Помяновский позволяет своим читателям приблизиться к «иной» России, в чьем существовании он не просто глубоко убежден, но чьи трудноуловимые реалии обнаруживает в области русской литературы. В заключении книги, провокационно названной «Это просто», он говорит: «А ведь труд художника заключается, в сущности, лишь в том, чтобы пробуждать удивление по отношению к вещам уже не раз виденным, делам и явлениям, которые мы переживаем ежедневно и о красоте которых попросту забываем. Задача художника — вызывать это чувство удивления, восхищения, порой даже восторга. Можно даже сказать, что это его призвание и единственная причина, по которой мы аплодируем ему или читаем с той жадностью, с которой я вгрызался в книги»^[11]. Свидетельство тому, что и его собственный переводческий труд пробуждает подобные чувства — фрагмент интервью, которое Помяновский дал Тересе Тораньской: «Я держу в руке саблю. Не ту, что висит тут на стене, та от митрополита Жицинского. Архиепископ подарил мне ее со словами: „Сабля за Бабеля”»^[12].

-
1. Tadeusz Sucharski. Polskie poszukiwania „innej” Rosji. O nurcie rosyjskim w literaturze Drugiej Emigracji. Gdańsk, 2008, s. 29–30.
 2. Jerzy Pomianowski. Na wschód od Zachodu. Jak być z Rosją? Warszawa 2004, s. 139.
 3. Jerzy Pomianowski. To proste. Opowieści Jerzego Pomianowskiego nagrane przez Joannę Szwedowską dla Programu II Polskiego Radia. Red. Elżbieta Jogała. Kraków–Budapeszt, 2015, s. 54.
 4. Jerzy Pomianowski. Na wschód..., op. cit., s. 198.
 5. Juliusz Mieroszewski. Materiały do refleksji i zadumy. Paryż, 1976,

s. 179–81.

6. Jerzy Pomianowski. Na wschód..., op. cit., s. 63.
7. Op. cit., s. 197.
8. Jerzy Pomianowski. Wybór wrażeń. Lublin, 2006, s. 249.
9. Adam Pomorski. Sceptyk w piekle. Z dziejów ideowych literatury rosyjskiej. Warszawa, 2004, s. 9.
10. »Izaak Babel. Utwory zebrane. Wstęp Jerzego Pomianowskiego. Warszawa, 2012, s. 31.
11. Jerzy Pomianowski. To proste.... op. cit., s. 252.
12. Eryka Torańska. Oni. Aneks. Przedmowa Andrzej Friszke, Warszawa 2015, s. 231.

Ежи, Георгий Победоносец

Фото: К. Дубель

Сразу после ухода такого гиганта, каким был Ежи Помяновский (1921–2016) — писатель, переводчик, редактор, университетский преподаватель, а также политический визионер — попытка нарисовать его портрет представляется задачей просто-таки головоломной. Благодаря ему у нас возникало непреодолимое убеждение, будто это мы повстречали на своем пути такие блистательные фигуры, как Гомбрович, Виткевич, Шульц, Ахматова, Солженицын. Он и сам принадлежал к их числу.

Ежи Помяновский родился 13 января 1921 года в ассимилированной еврейской семье в Лодзи, там же окончил гимназию, причем польский и основы философии преподавал ему Мечислав Яструн. Он еще успел поучиться на философском факультете Варшавского университета, в частности у Тадеуша Котарбиньского, однако в сентябре 1939 года был мобилизован в 36-й полк Академического легиона «Дети Варшавы» и отправлен на восточный фронт. Раненый, попал в госпиталь в Луцке, на Волыни. Там его после 17 сентября подобрала Красная Армия, в результате чего Помяновский оказался в госпитале в Донецке. Затем была работа на донбасской шахте «Краснополье», жизнь в Сталинабаде (Душанбе), в Таджикистане, где он служил на «скорой помощи» и начал изучать медицину, чтобы в 1947 году

с отличием окончить Первый Московский медицинский институт. В 1944–1946 гг. Помяновский был московским корреспондентом Польского агентства печати, в 1947 ему удалось перебраться из Страны Советов в Польшу. Там — подобно Антону Чехову и Михаилу Булгакову — он делает выбор между искусством врачевания и литературой — в пользу последней: «Обручился я с медициной, однако детей имел от литературы», — любил повторять профессор. После такого основательного курса русского языка он занялся также художественным переводом. В частности, переводил обоих упомянутых выше русских докторов — «Смешные рассказы» Чехова и «Багровый остров», «Мольера» и «Дон Кихота» Булгакова. В своем позднем эссе «Чем литература обязана медицине» Помяновский писал: «Нас учили — и мы выучили это назубок — что все люди равны. Во врачебной деонтологии эта заповедь звучит иначе и заключается в долге никому не отказывать в помощи, вне зависимости от происхождения, вероисповедания, цвета кожи... (...) принцип — без которого не может быть свободы и братства. В книгах, принадлежащих перу врачей, этот принцип обычно ощутим (...) Чехов сказал когда-то: “Веровать в бога нетрудно. В него веровали и инквизиторы. Нет, вы в человека уверуйте!”».

От Санкт-Петербурга до Рима

Он прижился и на Западе, прежде всего в Италии, куда был вынужден эмигрировать после 1968 года и где четверть века преподавал польскую литературу в университетах Бари, Флоренции и Пизы. Чувствовал себя как дома в Париже, где регулярно навещал Гедройца, встречался с Ириной Иловой-Альберти и Натальей Горбаневской в редакции еженедельника «Русская мысль». Бывал также в Мюнхене, где в 1970 году беседовал с Эрихом Кестнером, которого переводил еще в ранней юности.

Уже после окончательного возвращения в Польшу в 1993–1994 гг., поселившись в изысканном довоенном особняке на улице Грамматика в Кракове, он курсировал между Малопольшей и Варшавой, ездил в Сараево на встречи боснийского и польского ПЕН-клубов, в Триест на конференцию, посвященную Шульцу — с которым, разумеется, также познакомился до войны, кстати, при посредничестве Станислава Игнация Виткевича. Любимым городом Помяновского был Рим, но приезжал он в девяностые годы и в Санкт-Петербург — с лекцией, посвященной восточной политике парижской «Культуры», а в июне 1995 года встретился в Москве с Александром Солженицыным, чей «Архипелаг ГУЛАГ» конгениально перевел для Гедройца, тогда еще скрываясь под псевдонимом Михал Канёвский. Он также перевел — под тем же псевдонимом — «О

стране и мире» Андрея Сахарова и «Концентрационный мир и советскую литературу» Михаила Геллера. Все это я с волнением читал во время учебы в Кракове в 1978–1983 гг., опосредованно учась у Помяновского — как и у Анджея Дравича — что «русский» не означает «советский», а врагом Польши является империя, а не конкретные люди.

В своей жизни Ежи Помяновский не только преодолевал огромные географические пространства, но также успешно сражался с жестоким временем — он поистине прожил несколько исторических эпох. В миновавшем XX веке — семьдесят девять лет, в веке XXI — шестнадцать... Всего на полгода моложе Иоанна Павла II, он был ровесником — с точностью до месяца — Кшиштофа Камиля Бачиньского, а также Тадеуша Ружевича. Ежи Помяновский с гордостью вспоминал свои русские встречи во время войны и после нее с Анной Ахматовой в Ташкенте и Москве, с Борисом Пастернаком, Юрием Олешей, поляком по происхождению, автором на шумевшей тогда «Зависти», с гениальной актрисой Фаиной Раневской и Евгением Шварцем, незаслуженно забытым ныне автором драматургических «Сказок для взрослых», таких как «Дракон», «Дон Кихот» или «Тень». Помяновский встретился со Шварцем в среднеазиатском Сталинабаде — в сорок втором или сорок третьем, это было «самое дно военного времени», как он потом говорил. Спустя двадцать пять лет — в 1967 году — он еще успел до своего отъезда опубликовать в краковском «Литературном издательстве» блестящий сборник Шварца «Сказки для взрослых» и способствовал мировой премьере в Народном театре в Новой Гуте его «Дракона». В этой пьесе Шварц блестяще описал процесс гниения человеческой души в тоталитарном обществе — не только души тирана, но и души подданного.

Искусство перевода

Помяновский также перевел с русского языка семь стихотворений Мандельштама, с поэзией которого познакомился на донбасской шахте «Краснополье»: «“Tristia”, — вспоминал он, — я обнаружил в библиотеке лазарета. Фамилия автора на шмуц-титule была предусмотрительно вырезана («Из поэзии Мандельштама. Семь стихотворений»)). Два стихотворения Мандельштама в переводе Помяновского — «Еще далеко мне до патриарха» и «Сегодня ночью не солгу...» — были напечатаны в журналах «Кузница» и «Одродzene» в 1946 году, когда в Стране Советов не полагалось произносить даже имя убитого Сталиным поэта. Второе стихотворение спустя годы снискало в Польше популярность под названием «Цыганка», его мастерски исполняла Эва Демарчик под

скрипичный аккомпанемент Збигнева Водецкого. Характерно, что оригиналы этих стихотворений Помяновский получил из рук вдовы поэта — нестигаемой Надежды Мандельштам. Интересно, что уже в свободной Польше Помяновскому пришлось защищать поэта от... Милоша, который осудил Мандельштама за написание — во имя спасения жизни, а может, и поэзии — хвалебного стихотворения о Сталине: «Мерить мерой абсолютной, — справедливо возражал Помяновский, — невзирая на время, место, условия, окружение — занятие бесчеловечное и к тому же бесплодное, поскольку судья не знает, как бы сам себя повел в пограничной ситуации» («На тему свержения памятников», «Газета wyborча», 30.11–1.12.1996).

Он также переводил Ахматову, которую считал «прекраснейшей из поэтесс шестого континента, которым является и являлась Россия», конгениально перевел «Архипелаг ГУЛАГ» и «В круге первом» Александра Солженицына. Однако главным достижением творческой жизни Помяновского навсегда останутся переводы Бабеля: польскоязычные «Конармия», «Одесские рассказы», «Дневник 1920 года», драма «Закат» — это жемчужины на вес золота. Художественный перевод был для него не просто ремеслом, но высоким искусством, призванным к тому же способствовать примирению наций в Европе — от Атлантики до Урала. Из личных разговоров я знаю, что Ежи Помяновскому была очень близка идея двух «легких» христианства — католичества и православия — которую вслед за русским поэтом Вячеславом Ивановым гласил Иоанн Павел II.

Переводом Помяновский стал заниматься еще в тридцатые годы, начав с «Lyrische Hausapotheke» («Лирической домашней аптечки») доктора Эриха Кестнера. Уже в наши дни Карл Дедедиус, описывая в книге «Deutsche und Polen» («Немцы и поляки») необычные, уникальные случаи дружбы, объединяющей немцев и поляков в сложном XX веке, вспоминал «некоего Помяновского, который всю войну носил в солдатском ранце, а позже в ранце военнопленного томик Эриха Кестнера, как раз эту “Lyrische Hausapotheke”, из-за которой у него возникли определенные проблемы» (из книги 2015 года «Это просто», в которую вошли гениальные рассказы Ежи Помяновского, записанные Иоанной Шведовской для Второй программы Польского радио). Эти проблемы возникли еще в сентябре 1939 года, в вышеупомянутом польском госпитале в Луцке, когда Помяновскому пришлось объясняться по поводу немецкой книжки; к счастью, под рукой оказалась — в качестве алиби — вырезка из довоенных «Шпилек» с его собственным переводом «Аптечки». Хуже было после 17 сентября, когда он попал в лапы СССР: «При досмотре перед

первым спуском в шахту «Краснополье», еще до того, как нас разместили в близлежащем лагере, у меня обнаружили эту книгу. Мне, однако, повезло, рядом оказался врач — спасибо ему — доктор Устименко, украинец, знавший немецкий язык. Сидел он не первый год (...) Устименко сказал: «Это всякая ерунда, сатирические антигитлеровские стишки»». Это сработало, потому что донбасское НКВД — хотя дело было уже после пакта Риббентроп-Молотов — еще, видимо, не забыло антифашистскую пропаганду, которой полна была советская пресса до союза Сталина с Гитлером.

После 1968 года, во время своей преподавательской деятельности в университетах в Пизе, Флоренции и Бари, Ежи Помяновский способствовал появлению в Италии профессиональных переводов Фредры, его студенты и друзья переводили также Казимежа Брандыса, Юзефа Хена, Тадеуша Жихевича. В это время на итальянском языке вышли Виткаций, Гомбрович, Шульц, Мрожек. Помяновский с гордостью подчеркивал успех театра Кантора на итальянской земле, а жена профессора — Александра Курчаб-Помяновская — успешно переводила на итальянский поэзию Войтылы и Милоша.

Интеллигент читает книги

Неудивительно, что он любил похвастаться знакомством «с такими блистательными фигурами, как Яструн или Гомбрович, Виткевич или Тувим, Ахматова или Солженицын». Помяновский был также щедр на похвалы современным соотечественникам, которых ценил чрезвычайно высоко: «Мы здесь, в Польше, живем в чудесную, великолепную эпоху, эпоху невиданного расцвета нашей литературы, причем литературы на редкость важной и серьезной. Я очень горжусь тем, что являюсь хотя и скромным, но все же современником таких людей, как Милош, Мрожек, Херлинг-Грудзинский, Конвицкий, Херберт, Лем, Брандыс — и один, и другой, Шимборская, Щепаньский, Щипёрский, Фицовский, Кралль, Хюлле, Кесьлевский, Ворошильский. Ведь это поистине блестящая плеяда огромных талантов. И все они — прибавлю к этому ряду также публицистов, таких, как мой светлой памяти друг Стефан Киселевский, как Братковский, Кусьмерек, Комар, Щенсна или Парадовская — феномены! Феномены, то есть личности, сохранившие трезвый взгляд и острое перо в то время, как огромные массы умных людей дали себя оглупить» («Это просто»).

Представитель интеллигенции — тот, кто читает книги. Ежи Помяновский любил рассказывать байку о том, как русский царь боролся с печатным словом: «Как-то в тридцатые годы XIX века граф Бенкендорф, начальник Третьего отделения

Собственной Е.И.В. канцелярии, то есть позднейшей охранки, был вызван к милостиво царствующему царю Николаю I. Царь спрашивает: — Я слышал, граф, что вы собираетесь в путешествие по Германии. — Это так (...) — отвечает граф Бенкендорф. — У меня к вам просьба. Прошу вас посетить город Нюрнберг и отыскать там памятник некоему Гуттенбергу, тому, что изобрел книгопечатание. Если вы его разыщете, то, пожалуйста, плюньте ему в лицо» («Это просто»).

Литература была для него «совестью, исповедью народа, и к исповеди этой следует прислушиваться». «Нет иных элит, — говорил Помяновский, — кроме элиты людей образованных и опытных». Он не верил в сколько-нибудь значительную роль с трудом нарождающегося в Польше среднего класса.

Предостерегал соотечественников от того, «что греки именуют охлократией, то есть властью толпы, чтобы не воспользоваться тут грубым словом “чернь” и не навлечь на себя упреки в идиосинкразии к демократии». Главной чертой интеллигента (не врожденной, а приобретенной, то есть выработанной) Помяновский считал способность к бескорыстной службе на общее благо.

Новая Польша

Ровно шестнадцать лет назад я писал для журнала «Тыгодник повшехны» текст к восьмидесятилетию Ежи Помяновского, который пророчески озаглавил «Человек XXI века». На тот момент я был знаком с юбиларом уже семь лет, с тех пор, как в 1994 году — в то самое время, когда в Россию после двадцати лет вынужденной эмиграции возвращался великий Александр Солженицын — Ежи Помяновский репатриировался с итальянской земли в Польшу. Вместе с женой Александрой он решил поселиться в Кракове, в доме семь по улице Грамматика. В 1994 году я уже жил на углу улиц Лео и Хоцимской, к счастью, в двух шагах от пана Ежи. На протяжении двадцати лет (1994 – 2014) я навестил его бесчисленное количество раз, тем более, что уже в 1999 году он предложил мне стать членом редакции основанного им — по инициативе Гедройца — журнала «Новая Польша». В состав редакции до самой смерти в ноябре 2013 года входила также Наталия Горбаневская, с которой мы оба были давнишними друзьями.

Сразу после похорон Гедройца Помяновский говорил о своем новом издании так: «Журнал выходит уже год. Он достигает дальних концов огромной России, ее интеллектуального авангарда. (...) Наконец наступило время, когда мы можем говорить с русскими как равный с равным. Ведь только так можно понять друг друга». С тех пор и на сегодняшний день вышло сто девяносто номеров журнала, который создается в Варшаве и Кракове, печатается — для удобства — в Москве, а

распространяется как по библиотекам Российской Федерации, так и по домам русской интеллигенции. Не всем в России это по душе — например, редактор «Нашего современника» Станислав Куняев в пасквиле «Шляхта и мы» (2002) выступил с нападка на Помяновского и Польшу в целом, да и ваш покорный слуга был сурово осужден в интернете за статью об Александре Вате (свой текст мои оппоненты озаглавили, о ужас, «Поляки атакуют Сталина»). В конце 2009 года господин Куняев, также сталинист, даже подал в московскую прокуратуру жалобу на «экстремистскую “Новую Польшу”», завели дело, но сразу после смоленской катастрофы спустили на тормозах. Тот, кто знал Ежи Помяновского, понимает, что все это его только подзадоривало.

Ближайший Восток

Ежи Помяновский — таково еще одно мое непреодолимое убеждение — принадлежал к польской интеллигенции, был ее неотъемлемым элементом. Навсегда осев в 1993–1994 в Кракове, он мог бы спокойно принимать заслуженные почести, дипломы и кресты заслуги, вести ученые диспуты на вечные темы. Однако его влекла к себе прежде всего большая история, то есть сегодняшняя день, кроме того, он был неизлечимо болен Польшей. Помяновский, подобно Гедройцу, жаждал воздействовать на развитие событий в нашей части Европы — на Родине и на Ближайшем Востоке. В 2000 году он сказал: «Я присутствовал на похоронах Гедройца в Мезон-Лаффитте, но я не хочу пережить, не хочу присутствовать на похоронах его концепции». Он описывал эту концепцию многократно, в частности на страницах еженедельника «Тыгодник повсехны» в сентябре 2000 г. в статье памяти Гедройца, озаглавленной «Хлеб из Мейшаголы»: «Он был уверен, что распад Советского Союза неизбежен. (...) Именно Гедройц с Меровским сформулировали те принципы восточной политики Польши, которые являются для нас залогом прочной независимости. Одновременно они являются и решением вечной дилеммы — как иметь дело с суверенной Украиной, не наживая себе при этом врага в лице России? Гедройц не считал свою концепцию инструментом воздействия на Россию и русских. Он разделял мнение, согласно которому независимость наших общих соседей — это условие развития самой России, важнейшим же тормозом необходимых в России реформ является искушение отвоевать Украину».

Не стоит добавлять, что сегодня ответы на эти вопросы уже не столь очевидны, как это было сразу после смерти Гедройца. Россия отвоевала крымский кусок Украины и дестабилизировала ее восточные области, а на Украине после второго Майдана — по причине беспримерной коррупции и

беспомощности нынешних властей — существует опасность третьего взрыва. Поляки в России стали дежурным врагом, а в Польше русофобия, как никогда прежде, оказывается фактором, влияющим на голоса избирателей. Серьезный подход ко всему близлежащему Востоку, не ограничивающийся лишь Беларусью, Россией и Украиной, исчезает на наших глазах.

Помяновская память

В этой одной личности соединилось столько поразительных качеств, что хватило бы на легион. В минуту прощания мне в голову приходит лирическая фраза Мандельштама о двух сестрах — «тяжести и нежности». О да! Ежи Помяновский умел говорить и писать о вещах фундаментальных языком элегантным и легким, точно птица, ритмичным и на слух, и на бумаге, он обращался к метафорам и фразеологизмам, каких было не встретить нигде больше, оставаясь при этом до боли точным и конкретным. Прибавьте к этому юмор и иронию, способность осмыслять — словно «мальчики» у Достоевского — вечные проблемы, и одновременно — радость от этой единственной, неповторимой жизни, чувственность, восхищение природой и прекрасным. Кроме того, Профессор обладал еще одним удивительным даром — необыкновенной памятью, которую я осмелюсь назвать «помяновской памятью». Благодаря ей и у нас в XXI веке могло возникать непреодолимое убеждение, будто мы встретили на своем пути такие блистательные фигуры, как Виткевич или Шульц, благодаря ей мы вместе с повествователем могли углубиться в меандры политики Пилсудского или слушать интригующие истории об итальянской политике восьмидесятых годов XX века.

Придя к нам из давней эпохи, профессор Ежи Помяновский был максимально погружен в сегодняшний день, а покоя ему не давало прежде всего будущее Польши. Утром того дня, когда он умер, я, еще не зная о его смерти, взял в руки «В круге первом» в его переводе и вглядывался в сделанную 8 июня 1995 года в Москве фотографию на четвертой стороне обложки. На ней — рядом — два прекрасных, чуть улыбающихся лица двух гигантов духа и разума XX и XXI века — русского Александра и польского Ежи. Когда в августе 2008 года Солженицын умер, Помяновский опубликовал в «Политике» прощальное эссе — «Прощай, великий Александр». Прощай и ты, великий Ежи-Георгий, и пусть тот дракон, с которым ты столь мужественно и доблестно сражался всю свою долгую жизнь, не получит больше ничего, сверх того, что отвоевал в последние два года. Да и это пускай утратит.

Катастрофа нам не грозит, но мы упускаем шанс

С экономистом Гжегожем Колодко, бывшим вице-премьером Польши, беседовал Агатон Козинский

— Вы публично хвалили план нынешнего вице-преьера, министра развития и финансов Матеуша Моравецкого, но, с другой стороны, для польской экономики последние два квартала были не самыми лучшими. Выходит, вы поторопились с комплиментами?

— Да, в октябре 2016 г. во время «Дебатов вице-премьеров», которые мы организовали в нашей Академии Леона Козьминского, я говорил об этом плане в доброжелательном ключе, поскольку он того заслуживает. Впрочем, я по-прежнему считаю вице-преьера Моравецкого самой яркой личностью в сегодняшней правящей команде.

— За что вы его хвалите?

— Не столько хвалю, сколько обнаруживаю в том, что он предлагает, больше позитивных сторон, чем негативных, на которых концентрируют внимание другие. Предложенная им «Стратегия ответственного развития» выгодно отличается тем, что представляет собой редкую в польских реалиях попытку долгосрочного взгляда на обусловленности и перспективы экономического и хозяйственного развития нашей страны. И данное обстоятельство я оцениваю положительно, хотя это не означает, что по некоторым вопросам, причем отнюдь не только второстепенным, я не придерживаюсь иного мнения.

— Что вам не нравится в вышеназванном плане?

— Критически я отношусь прежде всего к чрезмерной вере разработчиков в могущество государства и в его возможности предрешать направления развития, хотя я сам принадлежу к сторонникам разумной вовлеченности государства в хозяйственно-экономические процессы. Считаю также, что вице-премьер недооценивает угрозу, которую для его

политики представляет бюрократия, — в то время как он весьма сильно на нее рассчитывает, она может подрезать ему крылья. Помимо сказанного, многое из того, что власть в настоящее время делает, не соответствует принципиальным предпосылкам «Стратегии».

— Вы, видимо, имеете в виду, что правительство не в состоянии «довезти» до конца года те бюджетные показатели, которые закладывались в его начале? ВВП должен был вырасти на 3,4%, а фактический его рост, наверно, не превысит 3%.

— Как раз расхождения в величине ВВП между тем, что предусматривалось и что получилось, не особенно меня беспокоят. Ведь точно таким же образом ошибалось решительное большинство предыдущих правительств, хотя, надо сказать, вовсе не те, в которых экономическую политику координировал я^[1]. Так происходило хотя бы во времена Дональда Туска, когда правительство тоже регулярно не добивалось заложенных показателей, причем одновременно с этим правительственная пропаганда с неизменным упрямством «уходила в несознанию», внушая нам, будто мы живем на «зеленом острове»^[2].

— Служат ли промашки предшественников каким-то оправданием для нынешнего правительства?

— Ничуть. Дело вот в чем: сегодня проблемой является не столько то обстоятельство, что у нас рост ниже предусмотренного, сколько факт, что наш рост ниже того, который мы имели год назад.

— Ежи Квецинский, зам. министра развития, неделю назад в интервью для журнала «Польша» объяснял это чрезвычайно высокой базой, имевшей место годом ранее, — мол, она мешает простому сравнению.

— В этом немало правды, но, тем не менее, все-таки имеет смысл задаться вопросом, произошло ли в польской экономике изменение тенденции на противоположную или нет. По-прежнему всё еще существует возможность, чтобы в будущем году мы вернулись на траекторию роста, которая способна вывести нас в последующий период на уровень, колеблющийся где-то на уровне 4%.

— Правительство заложило на 2017 год рост 3,6% — меньше, чем вы.

— Нет, я говорил о возможностях, о потенциале польской экономики, который сегодняшнее правительство, с одной стороны, переоценивает, а с другой — не в состоянии использовать. В длительной перспективе Польша способна достичь динамики роста около 4%. Пока что нет продвижения к такому темпу, а правительство, невзирая на это, смотрит в будущее более чем оптимистически. У подобного взгляда есть некий привкус волюнтаризма, проявления которого я вижу и в «Стратегии ответственного развития». Вдобавок на упомянутые калькуляции опирается весь бюджет. Это рискованно, потому что в ситуации, когда заложенные показатели не удастся реализовать, возникнут финансовые проблемы.

— *Насколько серьезен риск того, что правительство и в 2017 г. тоже не «довезет» до его конца заложенные показатели?*

— Я исхожу из того, что бюджет в текущем году «сойдется». Иными словами, дефицит будет колебаться вокруг 3% ВВП, а дальше креативная бухгалтерия и мелкие ухищрения из сферы инженерии публичных финансов уж как-то помогут «подогнать» его до уровня 2,9%. Тем более что улучшается — и за это я как раз хвалю нынешнее правительство — собираемость налогов. Но раньше или позже публичные финансы станут расходиться в том смысле, что расходы будут расти быстрее, чем доходы, а должно быть наоборот.

— *Что станет причиной такого расхождения?*

— Правительство вписывает в бюджет всё больше «жестких» расходов, тогда как доходы не будут расти ожидаемым образом. Это приведет к тому, что бюджет перестанет закрываться при падающем дефиците, и он не будет сходиться при возрастании его величины — как абсолютной, так и относительной.

— *Вы утверждаете, что в 2017 г. бюджет сойдется. В таком случае, когда начнется расхождение?*

— Я утверждаю, что он может «сойтись» при официальном дефиците 2,9% ВВП, но может случиться и так, что уже в середине 2018 г. Европейская комиссия вновь наложит на Польшу санкции в рамках процедуры чрезмерного дефицита, если и в последующие кварталы нынешнего года экономическая динамика тоже станет ослабевать, а из-за суживающейся вследствие этого налоговой базы доходы окажутся меньше тех, что закладывались в бюджет. С 2018 г. всё сильнее будут накапливаться такие новые, дополнительные расходы, которые и политически, и законодательно уже

предрешены. Их насаждение в связи с программой 500+^[3], понижением пенсионного возраста, более высокими минимальными зарплатами (в том числе и в бюджетной сфере), повышением не облагаемой налогами суммы, введением целого ряда бесплатных лекарств для лиц старше 75 лет и другими подобными действиями — это уже не прогноз. Это обязанности государства, по которым правительство будет вынуждено расплатиться даже в том случае, если оно не получит более высоких доходов, поскольку отказаться от таких ошибочных программ, как 500+ либо снижение пенсионного возраста (или же хотя бы только модифицировать их) будет безумно трудно.

— Вы называете программу 500+ ошибкой? Но ведь это же крупнейший успех партии «Право и справедливость» (ПИС).

— Указанная программа в сочетании с понижением пенсионного возраста — это крупнейшие ошибки названной политической партии, так как, с одной стороны, они не способствуют достижению тех целей, которые ПИС провозглашает при каждом удобном случае, а с другой — на их реализацию не найдут твердого и неинфляционного финансирования. Эти решения отомстят правящей партии.

— Отомстят? Перечисленные программы дают ПИС шанс выиграть выборы в 2019 г.; без них это было бы невозможно.

— Наверняка оппозиция не может идти на выборы, говоря, что отменит 500+ или что снова поднимет пенсионный возраст. Такие лозунги были бы политическим самоубийством. Диковинное сочетание, не так ли? В социально-экономической политике совершается серьезная ошибка, но она связывает руки оппозиции, а вовсе не власти, которая является автором данной ошибки. Отмечу попутно, что это показывает, насколько большие задачи стоят в области экономического обучения нашего общества. При этом я не думаю, что программа 500+ действительно приведет к возрастанию рождаемости. Если даже оно произойдет, то на более многочисленное потомство будут решаться многодетные семьи, у которых и без того уже есть четверо или пятеро детей.

— В результате детей все равно станет больше.

— Но в самых бедных семьях — так как проблема бедности чаще всего затрагивает именно многодетные семьи, — а главная проблема заключается в том, чтобы первый ребенок рождался раньше, нежели теперь, когда возраст матери — 29 лет. Однако особенно важно — переломить доминирующие

ныне модели семьи: 2+1 и 2+2. А вот из-за дополнительных 500 злотых в месяц количество маленьких человечков в семьях с одним ребенком или вообще бездетных не увеличится, потому что для таких семейств самое важное — это стабильная работа. Многие женщины не в силах решиться на очередного ребенка, так как боятся выпасть с рынка труда. Таким образом, вместо того, чтобы пассивно и автоматически тратить 1,25% ВВП на программу 500+, лучше поискать продуманные способы обеспечения более качественной опеки над детьми дошкольного возраста и увеличить финансирование внешкольных занятий, чтобы дать родителям, особенно матерям, гарантию, что после рождения еще одного чада они не выпадут с рынка труда, поскольку на сегодняшний день именно тут их самое больное место. И на это есть смысл израсходовать даже несколько миллиардов злотых, а не давать ежемесячно по 500 злотых — в том числе и на детей из богатых семей. Это экономическая бессмыслица и политическая ошибка.

— Вы сказали, что со временем ВВП может расти даже на 4% в год. Откуда такое убеждение?

— Польше не грозит никакая ловушка среднего развития^[4]. Это еще один фетиш и устрашающая чушь, эдакое мумбо-юмбо, без всякой критики импортированное из-за океана. Нас не ждет экономическая катастрофа, мы не приговорены к неизбежному кризису или серьезному срыву, хотя есть люди, которые желают теперешней власти именно этого, так как считают подобный вариант единственным способом вернуть себе власть или же дорваться до нее впервые. Это правда, что ситуация отчасти непредсказуема, однако такая неопределенность обусловлена в большей степени внешними факторами, нежели внутренними. Но суть дела не в том, что произойдет в 2017 или 2018 годах — это годы, которые надо пережить. Игра идет за завтрашний день, а в сущности касается послезавтрашнего и еще более отдаленного будущего. Мы начали разговор с так называемого плана Моравецкого, но он распространяется не только на ближайшие несколько лет.

— Авторы вышеупомянутого плана рисуют в нем свое видение развития Польши на ближайшие 25 лет.

— Вот именно. Попытка сформулировать долговременную перспективу развития нашей страны, учитывающую и демографические процессы, и технологические изменения, и природную среду, а также и глобальный контекст, — это и есть сильная сторона указанного плана. Однако уже в среднесрочной

временной перспективе он расползается ввиду диссонанса экономических макропропорций и из-за нарастающей несбалансированности публичных финансов. Мы уже беседовали на сей счет.

— ПИС утверждает, что дополнительные расходы — как социальные, так и инвестиционные — будут финансироваться благодаря тому, что в налогообложении «законопатят щели». Ежегодно мы теряем на этом чуть ли не 90 млрд зл., т. е. почти 22 млрд долл. Разве нет шансов вернуть в казну хотя бы часть этих денег?

— Какие 90 миллиардов?! Если бы в этой мифической налоговой дыре действительно лежали такие огромные деньги, то основную их долю мы бы уже давным-давно нашли.

— Только в 2016 г. правительство с помощью «уплотнителей» в налоговой системе получило около 10 млрд зл., а оно продолжает и дальше шлифовать инструменты, которые должны повышать налоговую эффективность.

— Поддерживаю. Это радует, но я по-прежнему считаю, что посредством так называемого уплотнения налоговой системы нам не удастся увеличить доходы нашей общей кассы в масштабах, измеряемых десятками миллиардов злотых. Чем больше, тем лучше, но еще лучше сперва проверить, чего можно достигнуть, и лишь потом расходовать настоящие деньги, а не сперва решать, каким образом их потратить, и потом удостоверяться, что они отсутствуют. В смысле обещаний ПИС словно бы бегал наперегонки с Трампом — с той лишь разницей, что он после завоевания президентского поста отказывается от многих своих нелепых обещаний, которые дал в ходе избирательной кампании. Некрасиво до такой степени не держать слово — ведь коль скоро он поступает подобным образом, то либо раньше ошибался, либо врал, разве не так? — но это разумнее, чем упрямо и своенравно погрязать в попытках реализовать нереалистичные, а иногда и попросту вредные заверения. Этим трампизм отличается от ПИСизма.

— Вы ссылаетесь на Дональда Трампа?

— Да, и на его иррациональные обещания, что он построит стену на границе с Мексикой, что наложит 45-процентную пошлину на импорт из Китая или что распустит североамериканскую зону свободной торговли НАФТА. От преобладающего большинства таких посулов он откажется — и уже это делает. ПИС тоже наобещал множество вещей, которые дали ему возможность прийти к власти, но, невзирая на их

нерациональность, партия упорно стоит на своем и, к сожалению, пробует форсированно реализовывать обещанное.

— Когда мы заплатим по счетам?

— Не сразу, но уже в 2019–20 гг. начнет выявляться и может нарастать глубокий и структурный бюджетный дефицит, при котором не удастся удержать экономическую динамику на уровне выше среднего. При таком фоне ошибка «Стратегии» Моравецкого состоит в принятии крайне оптимистических предположений о том, что уже в 2030 г. потребление в польских домашних хозяйствах сравняется со средним показателем по Евросоюзу.

— В Польше должно быть так же, как в Италии, — таково предсказание.

— Чтобы достичь подобного результата, темпы экономического развития Польши должны были бы значительно ускориться и осциллировать где-то в районе 4–5% в год, а не на уровне 2–3%. Игра идет именно за то; чтобы Польша развивалась в более быстром темпе, нежели богатая часть Европы, ибо только таким способом мы ощутимо уменьшим различия, отделяющие нас от нее.

— Каким образом ускорить темп развития страны? Предположим, что нет ни программы 500+, ни снижения пенсионного возраста. Как в таком случае поступали бы вы сами?

— Первым делом я задался бы вопросом о причинах недавнего замедления. Их две. Первая — это меньшая, чем ранее, динамика инвестиций, вторая — относительно медленный рост потребительского спроса, а это явление представляет собой прежде всего следствие того, что рост вознаграждений за труд на протяжении многих лет не поспевал за ростом его производительности. Прибыли увеличивались быстрее, чем зарплаты, но из-за дестабилизации, в том числе и политической, а также из-за неуверенности в нашем будущем они инвестировались лишь частично.

— Как это изменить?

— Стабилизировать ожидания. Потребительские расходы оживляют экономику на короткий период, тогда как в долгосрочной перспективе ключевыми факторами являются сбережения и инвестиции. У нас хромают некоторые публичные инвестиции, пользующиеся евросоюзными

средствами, но и частные предприятия не увеличивают свои инвестиции, потому что располагают неиспользованными производственными мощностями и не знают, в каких условиях им придется действовать в ближайшие годы. Этого не удастся изменить без окончания польско-польской войны.

— *Выходит, источник проблем лежит в политике?*

— Текущая политическая ситуация — гадкая, и она не способствует ни аккумуляции капитала, ни его оптимальной локализации. Я отнюдь не считаю, что мы приговорены к этой гадости, но пока дела обстоят именно так, как обстоят. Что же тогда делать? Следить, чтобы власть совершала как можно меньше ошибок, а также всячески помогать предприимчивости и местному самоуправлению. Что же касается экономической политики, то стоило бы организовать мозговой штурм и спросить у нескольких хороших экономистов, сохранится ли зона евро или она рухнет. Верный ответ на этот вопрос имеет огромные последствия для польской экономической политики.

— *Действительно, с 2008 г. евро не в состоянии уверенно стоять на ногах.*

— Уже вскоре вернется дискуссия о Грекзите, появляются также вопросы о последствиях референдума в Италии.

— *Италия может оказаться для общей валюты некой бомбой с тикающим часовым механизмом.*

— Тем более вопрос о будущем зоны евро настолько важен. И именно по этой причине как раз сейчас есть смысл задать себе вопрос, не должна ли Польша принять евро.

— *Сейчас? Когда у этой общей валюты такое количество проблем?*

— Да. Ее принятие Польшей очень укрепило бы евро, а вместе с тем, устраняя спекуляции вокруг курса злотого, существенным образом стабилизировало бы ожидания и вслед за этим повышало бы конкурентоспособность нашей экономики. Мы удовлетворяем критериям вхождения в зону евро, так что могли бы уже сейчас приступить к переговорам с Европейской комиссией о том, по какому курсу надлежало бы менять злотый на евро. Разумеется, этот курс должен быть выше теперешнего, потому что злотый недооценен, как минимум, на 10%. Польская экономика обладает немалым набором козырей — особенно надо отметить производительность труда, растущую быстрее, чем в зоне евро. По ходу дела можно было бы

значительную долю наших валютных резервов, достигающих в эквиваленте 100 млрд евро, предназначить на погашение части внешнего долга. Если бы из Варшавы поступил однозначный сигнал, что мы хотим иметь у себя евро, то наша экономика выиграла бы на этом, а позиция Польши в Европейском союзе качественно укрепилась, особенно в контексте Брекзита. Польша стала бы страной, находящейся не на периферии Евросоюза, а в его ядре, к чему она и стремится.

— Не ввергло ли бы это Евросоюз в еще большее состояние неуверенности, чем теперь?

— Такой шаг Польши облегчил бы стабилизацию зоны евро, а заодно поддержал весь Евросоюз, который сегодня столь ослаблен кризисом. Наряду с этим польские предприниматели попутно обрели бы прочные «якоря» и не должны были бы беспокоиться по поводу постоянно меняющегося валютного курса, — а ведь торговля в евро составляет три четверти нашего зарубежного торгового обмена. Подобное чувство стабилизации в сочетании с более высокой предугадываемостью того, насколько окупаемы такие наши проекты, которые ориентированы на границу, тоже помогло бы динамизировать инвестиции. ПИС располагает сегодня всеми инструментами, необходимыми для выполнения данного шага: правительством, сеймом, сенатом, президентом, Национальным банком Польши. Но не сделает этого.

— Потому что видит риски — и экономические, и политические.

— Риск есть, но неиспользование такого варианта означает несомненный отказ от выгод, которых можно тем самым достичь. Разве что мы принимаем, что евро не сохранится.

— Где решатся судьбы евро, его будущего? В Афинах и Риме либо скорее в Берлине и Франкфурте? А может, в Пекине и Вашингтоне?

— Прежде всего в Берлине. Нельзя исключить, что в какой-то момент за пределами зоны евро очутится Греция, но это не обязательно должно означать конец самого евро. Зато, если бы единая валюта перестала интересовать Германию, это означало бы ее конец.

— В состоянии ли валютный союз выдержать и сохраниться в ситуации, когда начала бы рушиться экономика Италии? Или же если итальянцы на референдуме решили бы выйти из него? Это ведь все-таки гораздо большая страна, нежели маленькая Греция.

— Выход Италии из зоны евро маловероятен. Но даже такой шок не означал бы конца евро. Это могло бы случиться в том случае, если Германия сочла бы, что за продолжение проекта общей европейской валюты она платит больше, чем получает. А до этого по-прежнему далеко.

— *Вы уговариваете входить в зону евро, но сегодня в мире просматривается скорее противоположный климат. Всё чаще говорится о протекционистских действиях; их обещал хотя бы тот же Трамп. В общем и целом, на политической сцене звучит всё больше антиглобалистской риторики. Это что, сиюминутный тренд, а спустя какое-то короткое время экономика и политика потекут по старому руслу? Или, быть может, мы говорим об устойчивом изменении?*

— Глобализация, если определять ее как можно короче, — это наднациональная либерализация и интеграция. Безусловно, она имеет гораздо больше достоинств, чем недостатков, и пользу из нее извлекает вся мировая экономика, в том числе и польская. Считаю, что, несмотря на множащиеся проблемы, глобализация неотвратима, но не в существующей до сих пор форме. Попытки упорно держаться за эту форму привели бы к тому, что в книге «Странствующий мир» я назвал Еще Большим Кризисом. Это, к сожалению, не исключено, но вместе с тем и не является неизбежным.

— *Сегодня оба эти процесса всё чаще ставятся под сомнение, нам предоставляется выбор — действовать так, как Трамп или пойти по пути Брежнев.*

— Это нечто кратковременное, оно пройдет. Глобализация необратима по двум принципиальным причинам. Во-первых, за ней стоят мощные интересы сделавшихся сетевыми наднациональных корпораций. Во-вторых, глобализация — это, кроме всего, еще и мощное технологическое изменение, а также способ культивировать предприимчивость. И потому надо искать такую стратегию, которая позволит нам включиться в данную стадию глобализации, причем максимально выгодным для нас способом.

— *Как вы в этом смысле оцениваете план Моравецкого?*

— В нем много разумных предложений по данной проблематике, но я бы предостерег от так называемого экономического патриотизма, к которому так стремятся некоторые, потому что при усиливающемся политическом и культурном национализме этот подход может пахнуть ксенофобией, а она была бы убийственной для польской

экономики. Мы непременно должны реализовать стратегию роста, движимого экспортом, а это требует от нас всё более широкой открытости и более глубокой интеграции с мировой экономикой. Необходимо помнить, что важным элементом глобализации являются механизмы региональной интеграции. Перед лицом доминирования американского доллара и в связи с китайским планом построения нового шелкового пути ослабление Европейского союза было бы роковой ошибкой.

— Трамп указал в ходе своей кампании на один из побочных эффектов глобализации, который никем ранее не затрагивался, — на то обстоятельство, что от глобализации благодаря более низкой цене товаров выигрывают все, но какая-то часть людей теряет доходы. В самих США таких оказалось настолько много, что они привели Трампа к власти. Как минимизировать указанный побочный эффект?

— Только через «бегство вперед». Наверняка нет никакой возможности повернуть колесо истории вспять. Поэтому необходимо и дальше продвигаться по пути глобализации, в растущей мере опираясь, однако, в ней на атрибуты общественной рыночной экономики, а не на неолиберализм, который обогащает немногих за счет большинства. Одновременно следует усиливать процессы региональной интеграции, так как это не противоречит глобализации, но зато может облегчать управление последнею через посредство наднациональной и общемировой координации хозяйственно-экономической политики.

— Стало быть, вы хотите еще больше того самого, что породило кризис, который вынес Трампа во власть.

— Да откуда вы это взяли? Как раз наоборот. Необходимо бороться с новым национализмом. Необходимо противопоставить ему концепцию, которую я называю новым прагматизмом. Трампизм — это продукт своеобразного, прямо-таки небывалого скрещивания неолиберализма с популизмом. Данный гибрид обречен на катастрофическое поражение, хотя сегодня еще неизвестно, во что это обойдется и как распределятся соответствующие затраты. Трамп говорит, что в результате глобализации многие люди в США потеряли работу, но ведь где-то в других местах еще большее число тамошних жителей ее нашли, да и в самих Соединенных Штатах показатель безработицы находится теперь на одном из самых низких уровней за всю историю, потому что он составляет всего лишь 4,8%. Конечно же и в этой стране имеются территории со структурной, а не конъюнктурной безработицей, ибо где лес рубят, там и щепки летят. Такие

ситуации надлежит корректировать, и ровно для этого существует государство, поскольку сам по себе рынок подобную проблему не решает.

— Пока что оно нигде не вносит никаких коррективов — отсюда и этот наблюдаемый нами своеобразный «бунт» избирателей во всём западном мире.

— Не надо перебарщивать с этими «нигде» и «никаких», потому что делается много разного, но, конечно же, я скажу «да» — можно делать больше и лучше, причем как раз новый прагматизм и показывает, каким именно образом следует действовать. Но не вопреки глобализации, не против хода истории, не борясь с ее течением, а надлежащим образом корректируя направленность исторического потока. Крах глобализации стал бы катаклизмом, а посему надо выстраивать ее иначе, поскольку, если этого не делать, то вместо нового прагматизма и цивилизационного прогресса случится катастрофа, до которой может довести новый национализм. В современном мире его нарастание видно в столь разных странах, как США и Россия, Турция и Польша, Голландия и Мьянма, Франция и Зимбабве, Венгрия и Боливия, Австралия и Армения. И из данного явления может произтекать только несчастье. Именно поэтому я убеждаю в необходимости бегства вперед по пути, который нам указывает новый прагматизм.

POLSKA

1. Г. Колодко занимал пост вице-премьера и министра финансов в социал-демократических правительствах Вальдемара Павляка, Юзефа Олексы, Влодзимежа Цимошевича (с апреля 1994 до февраля 1996 гг.) и Лешека Миллера (с июля 2002 по июнь 2003 гг.).
2. «Зеленым островом» назвал Польшу Д. Туск на одной из своих пресс-конференций кризисного 2010 г., выступая на фоне большой карты Западной Европы, где все страны были закрашены красным цветом, означавшим падение ВВП, и только Польша была зеленой, где ВВП вырос.
3. Программа 500+ предусматривает ежемесячное пособие в

размере 500 злотых (ок. 120 долл.) на каждого ребенка, начиная со второго.

4. Так называют вхождение экономики развивающихся стран в цикл перегрева, вызывающий экономическую стагнацию или даже рецессию. Из-за роста зарплаты и снижения ценовой конкурентоспособности такие страны не в состоянии состязаться ни с развитыми экономиками с их высокой квалификацией и инновациями, ни с неразвитыми, где низкая оплата труда и дешевое производство.

Экономическая жизнь

Будущее уже не пугает, — пишет Гжегож Семёнчик в газете «Жечпосполита». Рынок подает все больше сигналов, что замедление хозяйственного роста в последние месяцы минувшего года было преходящим. Предполагалось, что к концу 2016 года рост валового национального продукта-брутто приблизится к 4%. Этого, однако, не произошло. В третьем квартале рост приостановился перед показателем 2,5%, а четвертый квартал мог оказаться еще слабее. И все же опасения были преждевременными. В декабре польская обрабатывающая промышленность показала самую высокую динамику за полтора года. Многие эксперты утверждают, однако, что в текущем году польская экономика едва ли возрастет более чем на 2,7%, то есть немногим более, чем в 2016 году. Главная причина — это спад инвестиций почти на 8%.

Удачный хозяйственный старт в Польше должен стать доступнее, — утверждает министерство развития. Шеф ведомства, вице-премьер Матеуш Моравецкий заявляет, что общественная власть должна помогать начинающим предпринимателям, а не мешать им. Как сообщает «Дзенник. Газета правна», многие главы фирм, являющихся сегодня польской визитной карточкой в мире, таких, например, как быдгощский вагоностроительный завод «Песа» или тракторостроительный «Урсус», одной из главных проблем малых фирм, недавно приступивших к работе, считают недостаточный доступ к капиталу. Большинство банков скупится на кредиты для начинающих предпринимателей, которые до недавнего времени не могли также рассчитывать и на помощь государства. В настоящее время все чаще слышны голоса, что власти и общественность должны всячески поддерживать нарождающиеся польские инициативы. Формой такой поддержки стала программа «Start in Poland». С ее помощью почти 3 млрд злотых будут направлены на развитие вновь открывающихся предприятий. Это самая крупная такого рода программа в Центральной и Восточной Европе. Благодаря программе в течение ближайших семи лет должно возникнуть около 1500 новых фирм. Поддержку получают те предприниматели, которые делают ставку на инновационные

технологии, позволяющие конкурировать на зарубежных рынках.

Раскрылся рог изобилия зарубежных инвестиций в автомобильную промышленность, — пишет Адам Гжещак в еженедельнике «Политика». «Фольксваген» открыл автозавод. «Мерседес» будет производить двигатели, свои предприятия строят «Фиат», «Тойота», «Дженерал Моторс». Символом автомобильного успеха стал Явор — в этом небольшом городке Нижней Силезии концерн «Даймлер AG» построит завод по производству двигателей для легковых «Мерседесов». «Бизнес-проект «Даймлера» свидетельствует о том, что Польша — это привлекательный рынок для заграничных инвесторов», — сказал вице-премьер и министр развития Матеуш Моравецкий. Он также добавил, что автомобильная отрасль становится примером инновационности польской экономики. Благодаря этому в стране создаются рабочие места, требующие высокой квалификации. Инвестиция объемом в 0,5 млрд евро осуществляется в особой экономической зоне, и это будет первый завод по выпуску двигателей для «Мерседесов» вне Германии, что следует считать серьезным достижением, ибо концерн из Штутгарта с большой осторожностью размещает свои заводы за границей. На заводе в Яворе будет работать 500 человек, а еще три тысячи могут быть заняты у субподрядчиков.

Польские фирмы идут на штурм космоса, — пишет Катажина Кухарчик в газете «Жечпосполита». Правительство приняло проект Польской космической стратегии. Предполагается, что космический сегмент может стать одним из столпов современной экономики.

В Польше действуют около 100 фирм, применяющих космические технологии. Среднегодовой оборот этой отрасли оценивается на уровне 100 млн злотых. У фирм космической отрасли непростые задачи, поскольку инвестиционная отдача здесь хотя и весьма высока, но требует терпения. На таких рынках, как США или Западная Европа, инвестиции частных фирм в космический сектор в порядке вещей, в Польше пока лишь ожидаются. Козырь польских фирм космического сектора — прекрасные программисты и инженеры. Большинство предприятий уже добились успехов. Детекторы, разработанные и произведенные «Vigo System», работают на марсоходе «Curiosity» на красной планете. Фирма получили также статус

официального поставщика комплектующих для NASA. А искусственный спутник, направленный в сторону Марса, который в октябре прошлого года вышел на марсианскую орбиту, несет на борту электронные элементы, созданные фирмой «Creotech». Вроцлавская фирма «Sat Revolution» работает над первым польским частным спутником «Святовит» и двумя наноспутниками в классе PhotoSat (Русалка 1 и Русалка 2). Создание «Святовита» уже находится на последней стадии постройки рабочей модели.

Грузовой автотранспорт — это один из немногих секторов польского бизнеса, который в течение последних 25 лет использовал свои шансы на развитие, став заметной силой в европейском масштабе, — пишет Марцин Пясецкий в газете «Жечпосполита».

Каждый четвертый грузовик, пересекающий в Кале пролив Ла-Манш, имеет польскую регистрацию (2 тысячи в день), так же как оказывается каждым шестым на дорогах Германии и каждым седьмым в Бельгии. Польские перевозчики завоевали почти четверть рынка международных грузовых автоперевозок в Евросоюзе и с 2007 года занимают первую позицию на рынке. В автотранспорте в Польше действует свыше 160 тыс. предприятий с доходом около 100 млрд злотых, что составляет 5,5% валового внутреннего продукта. В отрасли занято около полумиллиона работников, и она стала одной из крупнейших в стране после сельского хозяйства и строительства.

Транспортная отрасль, однако, сталкивается с трудными вызовами. Наиболее сложная проблема связана с вопросами, касающимися работников. В Польше начинает ощущаться драматичная нехватка водителей, так что руководству предприятий приходится особо о них заботиться, предлагая максимально высокие заработки и другие привлекательные условия. А также необходимо постараться, чтобы подготовить как можно больше квалифицированных водителей, чего нынешняя система образования обеспечить не может.

Польша подслащивает жизнь европейцам, — пишет Беата Древновская в газете «Жечпосполита». С объемом продукции на уровне 700 тыс. тонн в год Польша оказывается в первой десятке производителей сладостей в Евросоюзе. Опережают Польшу только Германия, Италия, Франция, Великобритания и Испания. Сладости стали не только одним из экспортных хитов

Польши, но и занимают первое место среди сельскохозяйственной и пищевой продукции глубокой переработки, продаваемой за границей. Польскому производству кондитерских изделий нелегко было достичь нынешнего успеха. Примером может быть судьба варшавских предприятий «Ведель» — иконы польского кондитерского дела. Приватизация «Веделя» в начале девяностых годов была шоком для многих; общественное мнение задавалось вопросом: зачем продавать иностранцам успешное производство? Да, фабрика, возможно, и была неплохой, имела богатые традиции, легендарные марки продукции, но был один фундаментальный изъян: производство старилось, поскольку не было денег на модернизацию. Только после приобретения фабрики японской фирмой «Lotte» «Ведель» обрел вторую жизнь и сейчас занимает все более видное место как на отечественном, так и зарубежных рынках.

Е.Р.

Хроника (некоторых) текущих событий

• «13 декабря (в годовщину введения в 1981 году военного положения с целью ликвидации “Солидарности”) (...) на улицы Варшавы одновременно вышли представители двух противоборствующих лагерей. Лозунг “Хватит уничтожать Польшу!” объединил 5 тыс. человек, что на 3 тыс. превысило количество тех, кто митинговал в поддержку Ярослава Качинского, Беаты Шидло и Анджея Гвязды (данные столичной полиции). (...) По инициативе сторонников Комитета защиты демократии, ужасы минувшей эпохи были символически реконструированы и на улицах других городов. (...) В Лодзи штаб-квартиру ПИС пикетировали ок. 2 тыс. человек, развернувших транспарант “Ползучее военное положение”. На наших глазах происходит раскол общества на два враждующих лагеря. Интересы страны отступают на второй план». (Гжегож Урбанек, «Жечпосполита», 29 дек.)

• «13 декабря я смотрела трансляцию варшавских митингов с некоторым удивлением. (...) Каково же было мое изумление, когда за спиной Ярослава Качинского я увидела священника со столой на шее, а за ним кто-то жег портрет Леха Валенсы», — Данута Поляк. («Пшеглэнд», 19–26 дек.)

• «Маршал Сейма ограничивает права журналистов. (...) Только постоянно аккредитованные при Сейме журналисты (два от каждой редакции) будут иметь право доступа в пресс-ложу, но даже они не смогут делать аудио- и видеозаписи. По телевизору и в интернете можно будет увидеть только лишь официальную “картинку”, записанную камерами Сейма. (...) Изменения, предложенные маршалом Сейма Мареком Кухцинским, нарушают статью 61 Конституции. (...) Мы призываем парламентское руководство отказаться от вредоносных проектов», — 24 редакции различных СМИ присоединились к этому протестному письму. («Газета выборча», 16 дек.)

• «Раньше журналисты не мешали политикам. Камеры всегда стояли тут и там, в соответствии с регламентом и сложившейся практикой. Если журналистов не пускают в пленарный зал заседаний Сейма, это является ограничением права на информацию. (...) Будучи маршалом Сейма, я бы никогда не запретил журналистам присутствовать в зале во

время голосования», — Юзеф Зых, судья Государственного трибунала, бывший маршал Сейма. («Жечпосполита», 22 дек.)

• «Десятки людей говорили маршалу Кухцинскому, что он должен отказаться от попыток ограничить свободную работу журналистов в парламенте. Он не послушал. Возражающего против таких действий депутата “Гражданской платформы” Михала Щербу Кухцинский отстранил от участия в заседании. Без всяких на то оснований. (...) Маршал Сейма, вместо того, чтобы отказаться от своих планов, принял очередное скандальное решение, вообще запретив журналистам доступ в парламент. Это беспрецедентный шаг — не могу припомнить, чтобы подобное происходило в свободной Польше после 1989 года», — Павел Сенницкий, главный редактор. («Польска», 19 дек.)

• «Всё началось с выступления депутата “Гражданской платформы” Михала Щербы, которого за демонстрацию листка с надписью “Свободные СМИ в Сейме” маршал Марек Кухцинский после нескольких напоминаний отстранил от участия в заседании. Тогда трибуну заблокировали депутаты оппозиции, которые пели национальный гимн и скандировали лозунги, требующие отменить ограничения для масс-медиа и вернуть Щербе право участвовать в заседании. “Блокирование доступа к трибуне — это просто хулиганство”, — говорит Ярослав Качинский». (Мачей Дея, «Польска», 19 дек.)

• «В Польше существует пагубная традиция национальной измены. (...) Это словно закодировано в генах у некоторых людей, у тех самых поляков худшего сорта. И этот худший сорт сейчас проявляет неслыханную активность, поскольку чувствует, что он — в опасности», — Ярослав Качинский. («Ньюсуик Польска», 2-8 янв.)

• «Депутаты от оппозиции подготовили манифест “Декалог свободы”. В десяти пунктах оппозиция требует, чтобы власть не ограничивала следующих свобод: слова, печати, интернета, совести, самоуправления, культуры, хозяйственной деятельности, парламента, науки, гражданских собраний. Гарантацией же свободы, подчеркивает оппозиция, является независимость судов и трибуналов. (...) С критикой протеста выступили церковные иерархи. Кардинал Дзивиш (...) призвал депутатов покинуть парламент и провести рождественские праздники со своими семьями. Архиепископ Хенрик Хосер (...) заявил: конфликт очень серьезен. (...) Это спектакль, у которого есть свои режиссеры и актеры. Глава варшавско-пражской епархии осудил тех, кто протестует в Сейме во время

рождественских праздников». (Яцек Низинкевич, «Жечпосполита», 27 дек.)

- «В условиях блокады парламентской трибуны частью депутатов от оппозиции маршал Кухцинский принял решение о переносе заседания Сейма в Колонный зал. Там был принят закон о бюджете, а также (при 235 голосах “за” и одном воздержавшимся) закон, ограничивающий размер пенсий бывших сотрудников госбезопасности до размера средней пенсии». (Артур Ковальский, «Наш дзенник», 19 дек.)

- «ПИС считает, что бюджет принят. Однако, по мнению оппозиции, голосование было незаконным, поскольку к участию в нем были допущены не все депутаты. Оппозиция также настаивает, что количество депутатов, находившихся в зале заседания, было подсчитано неправильно, а часть парламентариев включило себя в список присутствующих уже после голосования». (Анна Попёлек, «Газета wyborcza», 20 дек.)

- Среди церковных иерархов «критиковать ПИС отважился только находящийся на пенсии епископ Тадеуш Перонек, бывший генеральный секретарь Епископата Польши, заявивший: “Нельзя творить добро дикими методами. Ночные заседания, законы, принимаемые один за другим без всякого обсуждения, лишение голоса оппозиции — не говоря уже о том, что ни одно из ее предложений так и не было принято. Это диктатура, а диктатура ужасна в любом случае”». (Михал Вильгоцкий, «Газета wyborcza», 27 дек.)

- «Опасный прецедент: впервые партия, располагающая большинством в несколько мандатов, собралась на отдельное заседание без участия оппозиции, чтобы принять закон от лица всего Сейма Республики Польша. (...) Исключение оппозиции из обсуждения и голосования нарушает основные принципы парламентской демократии, и, по сути своей, означает свержение демократического строя», — проф. Кароль Модзелевский. («Газета wyborcza», 7-8 янв.)

- «Протесты по всей Польше против ПИС и ограничения работы журналистов в парламенте, взвинченные депутаты Сейма и депутат Йоанна Муха, потрепанная варшавской полицией — и всё это из-за бесцеремонного решения маршала Кухцинского в отношении журналистов». («Суперэкспресс», 19 дек.)

- «На улицу высыпали сторонники “того, как было раньше”. Защитники старого уклада, которые в пятницу вместе с подпитыми вандалами напали на парламентариев». (Войцех Муха, «Газета Польска цодзенне», 19 дек.)

- «Демонстранты силой оттеснены от здания Сейма. Забор, ограждающий парламент. Сотни полицейских вокруг Сейма и десятки полицейских машин (а также водометов — В.К.) в окрестностях парламента. Так выглядят новые порядки, установленные ПИС, чтобы вернуть мир и покой». (Магдалена Рубай, «Факт», 21 дек.)

- «В демонстрациях участвовало несколько, может, несколько десятков тысяч человек в ряде городов Польши, что на фоне всей страны составляет ничтожный процент. Так что это нельзя назвать массовыми протестами. Обострение дискуссии между властью и организованной оппозицией в действительности обнаружило беспомощность как власти, так и оппозиции», — проф. Рафал Хведорук. («Трибуна», 21 дек.)

- «В субботу глава Независимого самоуправляющегося профсоюза полицейских Рафал Янковский сделал заявление: “В связи с последними событиями и вызовом полиции для защиты части парламентариев и охраны государственных объектов Варшавы, в частности, Сейма РП, выражаю свою негативную оценку попыткам использовать полицию в сиюминутных политических интересах”. (...) Янковский напоминает: “Мы — неполитическая структура, втягивать полицию в политическую игру — недопустимо, поскольку может привести к утрате доверия поляков к нашей системе”. (...) Полиция с пятницы охраняет вход на территорию Сейма. По всей Польше полицейские также взяли под защиту офисы ПИС, депутатские бюро правящей партии и даже жилища ее политиков. (...) В субботу полицейские отряды превенции со всей Польши были стянуты в Варшаву». (Войцех Чухновский, «Газета wyborcza», 19 дек.)

- «Это была попытка путча. (...) Это была серьезная попытка парализовать власть силовыми, недемократическими методами. В основе ее лежало стремление не дать нам принять бюджет. (...) Согласно этим планам, оккупация Сейма должна была помешать принять бюджет также в течение следующих недель. (...) Они были готовы к этим акциям. Заказали в Сейме бутерброды. (...) Масс-медиа опустили ниже некуда. (...) Они принимали непосредственное участие в путче. (...) Не будем также забывать о преступном характере действий оппозиции. (...) Это была серьезная попытка путча, предпринятая, однако, довольно узкой группой. Самые крупные демонстрации в эти дни собрали от силы 3 тыс. человек», — депутат Ярослав Качинский, председатель партии «Право и справедливость». («В Сети», 27 дек. — 8 дек.)

• «Был ли политический кризис спровоцирован намеренно или это случилось само собой? Ведь Ярослав Качинский пообещал недавно, что в конце года “что-то будет”. Имел ли он в виду именно эту переломную ситуацию? И если да, то с какой целью?», — Богуслав Хработа, главный редактор. («Жечпосполита», 19 дек.)

• На вопрос телекомпании «TNS Polska» «47% респондентов ответили, что не поддерживают деятельность “Гражданской платформы” и “Современной”, 28% — решительно не поддерживают, а 19% — скорее не поддерживают. Решительную поддержку оппозиции (...) выразили только 12% опрошенных, 14% ответили, что скорее поддерживают деятельность оппозиции. (...) На вопрос о том, добросовестны ли СМИ в освещении ситуации в Польше, 62% ответили утвердительно». («Жечпосполита», 23 дек.)

• «“Мы собрались здесь вместе с премьер-министром и маршалами, чтобы передать оппозиции некий позитивный сигнал, протянуть ей руку”, — так Ярослав Качинский говорил в начале пресс-конференции, состоявшейся в среду. (...) “На депутатов от оппозиции распространяются те же самые законы, что и на остальных, в том числе и нормы уголовного права! А нормы права здесь нарушаются! Мы наблюдаем действия, которые носят преступный характер”, — гремел председатель правящей партии». («Суперэкспрес», 22 дек.)

• «Опрос агентства “IPSOS” (...): 6% опрошенных были бы готовы выйти на улицы, чтобы защищать нынешнюю власть, а желание участвовать в протестах выразили 11% от 1003 респондентов. (...) Из этого следует, что в Польше: “1,8 млн активных защитников так наз. «перемен к лучшему» и 3,4 млн тех, кто готов протестовать и поддерживать протестное движение”. (...) В наступающем году поляков ждет целая серия повышений тарифов на газ, электричество, воду. Вырастут цены на продукты и, скорее всего, на бензин, уже не говоря о болезненном удорожании страхования ответственности. (...) Тем временем количество штатных единиц в полицейских отрядах превенции составляет 6801. Прочие полицейские, военная жандармерия, а также мифические войска территориальной обороны не обладают необходимыми навыками, позволяющими справиться с агрессивной толпой. (...) Во время военного положения моторизованные резервные отряды гражданской милиции насчитывали ок. 13 тыс. сотрудников и могли рассчитывать на поддержку армии. (...) С колеблющейся армией и деморализованной администрацией, а также симпатизирующими оппозиции

судами, правительство еще кое-как может удержать контроль над столицей. Что до остальных городов, то здесь ему останется лишь положиться на милость провидения. (...) На недавний марш независимости в Варшаве пришли всего ок. 100 тыс. человек. Молодые националисты с восторгом смотрят на Качинского, хотя тот относится к ним как к еще одному оружию в политической борьбе». (Анджей Краевский, «Дзенник газета правна», 30 дек. — 1 янв.)

• «Таких массовых протестов в Польше не было с 1981 года. Это говорит само за себя. К этому нужно добавить еще мнение таких авторитетных структур, как Европейская комиссия, Венецианская комиссия и Европейский парламент, однозначно поддерживающих позицию протестующих, а не властей, утверждающих, что всё в порядке. Польша вновь стала больным гражданином Европы. Ко всеобщему удивлению, бывший передовик демократизации и экономических реформ теперь дрейфует в сторону российской и белорусской политической системы. В европейском политическом контексте для нашей страны — это катастрофа. Достижения последних 25 лет выброшены на свалку. (...) Не будем забывать, что одновременно ведется работа над проектом, связанным с увольнением и понижением по службе офицерского состава. Это (...) подготовка к масштабной чистке высших руководящих кадров, которые будут заменены молодыми карьеристами, внезапно назначенными на высокие должности. Таким образом ПИС хочет сформировать кадры, полностью лояльные в отношении правящей партии, а не Польши. (...) Это путь к диктатуре», — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр, министр иностранных дел, министр юстиции и маршал Сейма. («Жечпосполита», 27 дек.)

• «Министр Мацеревич взял польские вооруженные силы под свой полный контроль. (...) Перемены в армии происходят в таком напряженном темпе, что министерство национальной обороны было вынуждено проводить генеральский курс в заочном режиме. (...) Люди, которые провели на этом курсе всего два месяца, не пройдя его и до половины, назначаются на генеральские должности. (...) Раньше, чтобы получить очередное звание, нужно было ждать не менее трех лет. Три года необходимы, чтобы офицер получил знания и опыт, а мы могли бы проверить, может ли он быть генералом. (...) Мы избавляемся от людей, добывавших свои погоны на войне, их заменят те, кто на войне никогда не был. Известно, что это значит». (Юлиуш Цвелюх, «Агора», 1 янв.)

• «Сегодня армия призвана не гарантировать безопасность государства, а обеспечивать политический тыл. Военные и их семьи — это солидный электорат. (...) Сегодня продвижение по службе зависит от совершенно иных факторов, нежели раньше — военные просто должны выполнять всё, что требуют от них политики. Генералов, у которых есть реальный опыт командования боевыми подразделениями, в армии осталось всего ничего», — ген. Вальдемар Скшипчак. («Дзенник газета правна», 19 дек.)

• «Два высших командующих в польской армии — генерал Адам Гоцул, начальник Генерального штаба, и генерал Адам Дуда, руководитель Инспектората вооружения — подают в отставку. Это очередной громкий уход после отставки генерала Мирослава Ружанского, главнокомандующего вооруженными силами. (...) “Армейские кадры сейчас находятся под таким сильным давлением непродуманных решений руководства минобороны, что люди, которым не безразлично собственное достоинство, не могут закрывать на это глаза”, — комментирует генерал Станислав Козей, бывший начальник Бюро национальной безопасности. “Это трагические решения. Если кто-то решается уйти из армии, у него должны быть на это серьезные причины. Однако мириться с тем, что происходит, можно лишь до определенных границ”, — добавляет Козей». (Мачей Орловский, «Газета wyborcza», 16 дек.)

• «26-летний бывший аптекарь Бартломей Мисевич (техник фармации — В.К.) вновь назначен пресс-секретарем министерства национальной обороны и директором политического кабинета министра обороны Антония Мацеревича. (...) Во вторник окружная прокуратура в Пётркуве-Трыбунальском прекратила следствие, в ходе которого пресс-секретарь минобороны обвинялся в том, что обещал муниципальным депутатам “Гражданской платформы” должности в компаниях государственного казначейства в обмен на их поддержку ПИС». («Газета wyborcza», 8 дек.)

• «Вот уже несколько месяцев остаются незанятыми должности военных атташе во многих ключевых дипломатических представительствах, к примеру, в США, Великобритании, Канаде». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 21 дек.)

• «Впервые за многие годы оборонное ведомство никак не обосновало положений одного из ключевых документов, связанных с покупкой вооружения — модифицированного “Плана технической модернизации вооруженных сил Республики Польша на 2013–2022 годы”. По этому вопросу нам приходится довольствоваться очень общей и обрывочной

информацией». (Михал Ликовский, «Рапорт войско техника обронносць», №11)

- «В настоящее время я не наблюдаю реальной военной угрозы нашей стране и в этом смысле могу сказать, что мы в безопасности. (...) Мы видим повышенную активность России по размещению в Калининградской области современного вооружения и организации маневров провокационного характера», — президент Республики Польша Анджей Дуда. («До жечи», 19-26 дек.)

- Как минимум четырежды «дроны подлетали со стороны Калининградской области. (...) В прошлом году пограничники также зафиксировали четыре таких случая. Беспилотники летали над польской территорией как в дневное время, так и с наступлением темноты. (...) Направляя свои летательные объекты за польскую границу, россияне тем самым проверяют нашу бдительность. С другой стороны, эти устройства могут служить им в разведывательных целях». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 9 дек.)

- «Польша была и остается безусловной целью российской активности, находящейся на стыке гибридной и информационной войн. Но за последние годы кое-что изменилось. Мы перестали быть всего лишь безусловной целью. Мы превратились в цель идеальную. Погрузившаяся в глубокий, тотальный политический конфликт, истерзанная комплексами и ксенофобией, всё более изолирующаяся от Европы Польша так и просится, чтобы кто-то раскачивал ее внутренние настроения снаружи, продолжая ослаблять польскую государственность, в том числе польскими руками. Пока ведущие политики публично обвиняют друг друга в том, что их оппоненты льют воду на мельницу российской гибридной агрессии, гибридная война на самом деле идет. (...) Продолжая оставаться неразумными детьми, легко позволяющими водить себя за нос, мы совершенно не можем быть уверены в своем очень недалеком будущем». (Витольд Гловацкий, «Польска», 5-8 янв.)

- «В Европе проведение совместной политики в сфере безопасности означает также сотрудничество в сфере военной промышленности. Как видим, Польша не хочет в этом участвовать. Об этом свидетельствует решение отказаться от предложений французов относительно вертолетов, то бишь от производства вертолетов на предприятии, которое французы построили бы в Польше вместе с бюро развития. (...) Польша это предложение отвергла, о чем прямо заявили министры обороны Франции и Германии в письме министру обороны.

У нас была возможность стать частью европейской оборонной промышленности, войти в своего рода элитарный клуб. Мы небрежно от этого отказались, что будет иметь для нас соответствующие последствия как экономического, так и политического характера. А всё потому, что мы окажемся вне того круга, который будет развивать совместную политику безопасности», — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр, министр иностранных дел, министр юстиции и маршал Сейма. («Пшеглэнд», 27 дек. — 1 янв.)

• «Если у нас по нашей собственной воле сложились напряженные отношения с Францией и Германией, (...) и это в ситуации, когда на востоке мы соседствуем с враждебно настроенной Россией и разочаровавшейся, неуверенной в собственном будущем Украиной — всё это трудно назвать зарубежной политикой. Это антиполитика. Это (...) политический абстракционизм, ведущий к маргинализации Польши и нарушающий ключевые интересы безопасности, результат, о котором враждебные нам политики еще недавно могли только мечтать». — Хенрик Шлайфер. («Дзенник газета правна», 23-26 дек.)

• «Я настоятельно подчеркиваю: мы будем править долго. Как минимум три срока. (...) Мы решили пересмотреть всю экономическую модель Третьей Речи Посполитой. (...) План во имя ответственного развития — это (...) поиск решений в контексте самых последних исследований и новейшей экономической мысли. (...) В Польшу сейчас приезжают люди из Международного валютного фонда, Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития, и все они говорят: у вас хорошая стратегия развития, реализуйте ее. Через 12 лет я начну свою четвертую каденцию на посту вице-премьера, празднуя реализацию 90% нашего “Плана ответственного развития”», — вице-премьер Матеуш Моравецкий. («Польска», 5-8 янв.)

• «Почти за 10,6 млн злотых Государственное управление социального страхования и Польский фонд развития выкупили у итальянцев второй по величине банк в Польше — “Pekao SA”. Это большой шаг в рамках обещанной ПИС реполонизации банковского сектора». («Газета выборча», 9 дек.)

• «Поляки довольны программой 500+, поскольку ни одно предыдущее правительство не давало им прямо в руки 500 злотых на ребенка, практически не заглядывая людям в бумажник и не спрашивая, на что они потратят эти деньги. В общей сложности в этом году 2,74 млн польских семей получают 17 млрд злотых, а в 2017 г. — 23 млрд злотых.

Поддержку получают 3,79 млн детей, то есть половина всех малышей, не достигших 18 лет. (...) С октября этого года зарегистрировано на 14,5 тыс. беременностей больше, чем за тот же самый период 2015 года. (...) По прогнозам Всемирного банка, количество детей, живущих в крайней нужде, уменьшилось на 70% и снизилось примерно до 187 тыс. с 623 тыс. в 2015 году. (...) Количество тех, кто не работает и занимается семьей, с января по сентябрь увеличилось на 144 тыс. человек». (Анна Цесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 28 дек.)

• «Согласно проведенному Главным управлением статистики (ГУС) «Исследованию экономической активности населения», с марта по сентябрь количество неработающих увеличилось на 150 тысяч человек. В качестве причины своей профессиональной бездеятельности эти люди называют «семейные обязательства, связанные с ведением домашнего хозяйства». Одновременно выросло количество неработающих в возрасте 25–44 лет, а единственной группой, в которой профессиональная активность снизилась, оказались женщины. (...) Всё это укладывается в логическую схему: то, что люди бросают свою профессиональную деятельность, напрямую вытекает из программы 500+, утверждает Ига Магда из Института структурных исследований». (Марек Хондзинский, Гжегож Осецкий, «Дзенник газета правна», 9 дек.)

• «Президент Анджей Дуда подписал в понедельник новую редакцию закона о пенсиях и пособиях, которая предусматривает, что с 1 октября 2017 г. на пенсию смогут выходить женщины в возрасте 60 лет и мужчины, достигшие 65 лет». («Жечпосполита», 20 дек.)

• Снижение пенсионного возраста — «это бомба с коротким фитилем, заложенная под всю социально-экономическую систему. Когда она взорвется, а она обязательно взорвется в течение нескольких лет, произойдет следующее. Сначала неплатежеспособным станет Управление социального страхования. А когда оно станет неплатежеспособным, правительству придется доплачивать людям из бюджета. Это, в свою очередь, будет означать катастрофу государственного бюджета, его банкротство. (...) Снижение пенсионного возраста (...) стремительно, буквально за несколько лет, приведет к чувству глубокого разочарования. (...) И поскольку к тому времени Качинский завершит построение полицейского государства, оно сможет очень даже пригодиться», — проф. Кароль Модзелевский. («Пшеглэнд», 9–15 нояб.)

- «В пятницу вечером рейтинговое агентство “Fitch” решило сохранить за Польшей оценку ее надежности на уровне А — “со стабильной перспективой”. Рейтинг Польши в пятницу должно было также проверить агентство “Moody’s”, но потом сообщило, что 13 января его не обновило (у Польши рейтинг А2). (...) Агентство “Fitch” также актуализировало прогнозы относительно экономического роста в Польше. По оценкам “Fitch” этот рост в прошлом году составил 2,7%, в текущем — 3%, а в 2018 г. экономический рост в нашей стране может ускориться до 3,2%». (Анна Попёлек, «Газета wyborcza», 14-15 янв.)

- «Опубликованные вчера данные демонстрируют ослабление наших экономических позиций среди других 28 стран ЕС. Если в июне по темпу экономического роста мы занимали 8-е место, то в сентябре опустились на 12-е». (Павел Яблонский, «Жечпосполита», 7 дек.)

- «Согласно последним данным ГУСа, за первые десять месяцев прошлого года мы экспортировали товары на сумму 150,9 млрд евро, что всего на 0,8% больше, чем за аналогичный период предыдущего года. Это означает, что наш экспорт рос в десять раз медленнее, чем в 2015 году. А темп его роста был самым низким с 2009 года, когда наша внешняя продажа уменьшилась на 15,5% в связи с мировым экономическим кризисом». (Януш К. Ковальский, «Дзенник газета правна», 2 янв.)

- «В ноябре впервые за два года цены перестали снижаться и остановились на уровне прошлого года, а по отношению к предыдущему месяцу — октябрю — выросли на 1%. (...) Согласно прогнозам Национального банка Польши, в следующие месяцы и годы инфляция будет расти. В 2017 г. она составит 1,3%, год спустя — 1,5%». (Адриана Розвадовская, «Газета wyborcza», 31 дек. — 1 янв.)

- «Даже не знаю, какие еще правила могут появиться, и уже сама эта неуверенность — большая проблема. Сегодня оппозиция не может влиять на содержание принимаемых законов, а конституция по большому счету перестала действовать. Это отчетливо повысило уровень тревоги. (...) Экономическая статистика говорит, что уровень инвестиций весьма снизился. (...) А раз предприниматели не инвестируют деньги, значит, они чувствуют себя неуверенно. И не знают, чего ожидать от законодателей», — Анджей Бликле, предприниматель. («Польска», 9-11 дек.)

- «“Не инвестируются деньги в страну, где политическая жизнь вынесена на улицы. И этим принципом руководствуются как

зарубежные, так и отечественные инвесторы”, — говорит Януш Янковяк, главный экономист Польского совета бизнеса. (...) “Неопределенность относительно легальности работы над ключевым законом, законом о госбюджете, вызывает сомнения по поводу легальности самого бюджета”, — говорит Гжегож Малишевский, главный экономист банка “Миллениум”. В свою очередь, по мнению Станислава Гомулки, главного экономиста “Business Center Club”, деятельность правительства в институциональной сфере рождает беспокойство относительно соблюдения законов. И всё это влияет на состояние экономики». (Анна Цесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 20 дек.)

• «У нынешнего экономического хаоса немало причин. Первая — слишком большое количество центров власти. С одной стороны — госпожа премьер-министр, реальная власть которой невелика, с другой — штаб-квартира ПИС, источник инструкций, новых назначений и конфликтных ситуаций. Такая практика санкционировала двойной характер власти: источником одной выступают формально занимаемые должности, источником другой — политические взгляды и сиюминутные настроения председателя ПИС. Поэтому некоторые министры (напр., Моравецкий, Мацеревич, Тхужевский, Шишко, Наимский) охотнее общаются непосредственно с Качинским, и в значительной мере на результатах этого общения выстраивают свою, независимую от премьера политику. Тем, кто как-то провинился перед председателем, пришлось уйти, как министру казначейства Давиду Яцкевичу и министру финансов Павлу Шаламахе. Премьер-министр Шидло простилась с ними с большим сожалением. (...) Как следствие (...) — противоречащие друг другу сигналы и высказывания по важным экономическим вопросам, исходящие из разных центров власти», — фрагмент отчета, подготовленного редакцией «Политики». («Политика», 7-13 дек.)

• «В январе государственный долг, показываемый счетчиком Форума гражданского развития в центре Варшавы, превысил символическую границу в миллиард злотых. Такова была стоимость целой польской экономики всего десять лет назад. Еще годом ранее, в конце 2015 г., наша задолженность составила 919,7 млрд злотых. (...) В конце 2017 г. долг возрастет до 1075 млрд злотых. (...) Долг растет и по отношению к ВВП. В конце 2015 г. он составил 51,5% ВВП (согласно методологии ЕС), а в конце этого года должен достигнуть 55% ВВП». (Анна Цесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 11 янв.)

- По данным Форума гражданского развития, так наз. скрытый долг, охватывающий прежде всего право на пенсии и пособия, превышает 3,2 биллиона злотых. («Дзенник газета правна», 11 янв.)

- «Наше величайшее поражение — демографическая катастрофа. (...) После 2020 года население Польши будет сокращаться на 150 тыс. человек в год. (...) Демографического краха, по-видимому, не удастся избежать, поскольку остается всё меньше женщин детородного возраста. (...) ПИС, к сожалению, как раз принял катастрофическое решение о снижении пенсионного возраста. (...) Вскоре мы столкнемся с проблемой нехватки рабочих рук. (...) В итоге будут введены гражданские пенсии, одинаковые для всех. Кончатся пенсии для военных, судей и пр., поскольку эти категории граждан просто не на что будет содержать. (...) Нехватка денег — это лишь вопрос времени. (...) У нас царит очень сильный политический раскол, который потихоньку начинает угрожать нашему цивилизационному развитию. (...) Последние десять лет мы развивались главным образом благодаря капельнице Евросоюза. Однако эти вливания скоро кончатся», — проф. Антоний Дудек. («Жечпосполита», 24-26 дек.)

- «Количество украинцев, которые платят взносы в Управление социального страхования (УСС), за год выросло на 70%. Приезжие с берегов Днепра тем самым уменьшают зазор, который появится в страховой системе после снижения пенсионного возраста. По данным самого УСС, в конце сентября управление страховало 172 тыс. украинцев, работающих в Польше. Среди всех иностранцев, платящих взносы в УСС, они составляют 64%. Это больше, чем в прошлом году, когда среди 188 тыс. застрахованных иностранцев была 101 тыс. украинцев. В 2015 г. владельцы паспортов с трезубцем составляли 0,7% всех застрахованных. В этом году это уже 1%». (Марек Хондзинский, Гжегож Осецкий, «Дзенник газета правна», 8 дек.)

- «Украинцы жалуются на грубость и унижения, которым они подвергаются на нашей границе. Количество жалоб за несколько месяцев существенно выросло. Факты хамского отношения к гостям подтверждают как польские туристы, пересекающие польско-украинскую границу, так и многочисленные польские журналисты, которые ездят на Украину. В конце концов сам украинский посол Андрий Дешица стал жертвой подобного недостойного обращения». (Анджей Ломановский, «Жечпосполита», 28 дек.)

- «Более 60 украинцев польского происхождения просят польский МИД эвакуировать их с Донбасса. Однако

правительство не намерено делать этого и только предлагает выплату скромного пособия». «После отказа МИДа организовать очередную эвакуационную акцию, поляки Донбасса несколько дней назад направили просьбу о вмешательстве президенту Польши, а также маршалам Сейма и Сената». (Михал Кокот, Петр Андрусечко-Киув, «Газета wyborcza», 13 дек.)

- «Председателем Союза поляков Беларуси (СПБ) стала Анжелика Борис, (...) избранная на тайном голосовании большинством делегатов IX съезда СПБ (...) в Гродно. (...) Независимый СПБ вот уже более десяти лет действует подпольно, (...) насчитывает свыше 6 тыс. активных членов, (...) имеет отделения почти во всех регионах Беларуси». (Руслан Шошин, «Жечпосполита», 12 дек.)

- «Польская делегация во главе с маршалом Сената проф. Станиславом Карчевским побывала с двухдневным визитом в Беларуси. (...) Впечатления маршала Сената РП от беседы с президентом Беларуси: (...) “Сердечная беседа продолжалась более часа. Лукашенко очень приветливый, мягкий человек. Это политик, для которого Беларусь важнее всего. Невооруженным взглядом видно, что страна меняется, развивается». («Пшеглэнд православны», янв.)

- «Промывание мозгов не проходит бесследно. Люди до того напуганы, что при одном только виде беженца начинают звать полицию. А некоторые просто лезут в драку. В Польше дебаты о мигрантах происходят на языке “Национально-радикального лагеря”. (...) Все эти слова о болезнях и эпидемиях, которые нам угрожают, о заразах, которые могут появиться вместе с беженцами, холере, дизентерии, паразитах, бактериях (...) произносит лидер правящей партии», — Хенрик Шлайфер. («Дзенник газета правна», 23–26 дек.)

- «С 1 января в Польше произошло не менее шести расистских нападений и избиений. “С ненавистью у нас всё в порядке”, — говорит министр внутренних дел и администрации Мариуш Блащак. («Газета wyborcza», 7–8 янв.)

- «С огромным удивлением и огорчением мы наблюдаем, как государственная власть упорно не реагирует на тот факт, что в Польше вот уже довольно продолжительное время усиливаются расистские настроения, в результате которых происходят инциденты вроде недавнего случая с нашим коллегой» с факультета востоковедения Варшавского университета. Нападение на аспиранта-нигерийца произошло в конце ноября. Письмо в адрес министра науки Ярослава

Говина подписали свыше 530 студентов и преподавателей Варшавского университета. (по материалам Войцеха Карпешука, «Газета выборча», 23 дек.)

• «Прошел еще один год, а Польша так и не приняла ни одного ребенка из Сирии. По радио об этом не сказали. А вот румыны приняли. И неотесанные литовцы, и безбожные чехи, и греки, и итальянцы — у этих что, другого выхода нет? Им приходится быть добрыми по причине своего географического положения? А немцы? Как получилось, что из народа, запятнавшего себя нацизмом и геноцидом, выросло самое альтруистическое общество Европы? (...) Что же они, все эти европейцы — неполяки, сделаны из другого теста? Исповедуют какую-то другую богочеловеческую религию?», — Войцех Тохман. («Газета выборча», 2 янв.)

• «Католическая религиозная республика, проект которой я бы одобрил, не отдавала бы предпочтения католикам, (...) но накладывала бы на них особые моральные обязательства. (...) В Католической религиозной республике государство следило бы, чтобы тот, кто нанес кому-либо обиду, испытывал бы муки совести. (...) Так что умники, издевающиеся над польским Епископатом, должны увидеть в проекте Католической религиозной республики свой жизненный интерес», — Филип Мемхес. («Жечпосполита», 26–27 янв.)

• «Когда я прочитал (...) текст Филипа Мемхеса “Пришло время Католической религиозной республики”, у меня было впечатление, что передо мной своего рода лакмус, цель которого — проверить, готова ли Польша полностью порвать с ценностями Просвещения и вернуться к автократической системе. Системе, в которой рамки того, что дозволено обществом, навязаны католической верхушкой при полном слиянии интересов государства и Церкви», — Збигнев П. Щенсный. («Жечпосполита», 13 дек.)

• «В минувшие выходные поклониться иконе Матери Божьей Ясногурской прибыли, согласно ежегодной традиции, футбольные фанаты. По дороге в Ченстохову полтора десятка этих “паломников” обокрали бензоколонку. (...) В специальном письме премьер-министру Шидло футбольные фанаты призвали “не останавливаться в деле преобразования отчизны”. (...) С теплыми словами также обратился к собравшимся заместитель приора о. Ян Потеральский: “Считаю вас поистине великими гражданами Польши (...) — ведь это вы так любите нашу страну, ведь это вы на стадионах вспоминаете наших несломленных солдат, ведь это вас можно встретить на улицах польских городов, где вы так ярко выступаете на

стороне Польши, на стороне тех, кто сражался за нее. (...) Вас по праву можно назвать великими героями XXI века”». (Станислав Тым, «Политика», 11–17 янв.)

• «Марек Ендрашевский. Церковный иерарх, не скрывающий своего восторга по поводу “Радио Мария”. Добрыми католиками, достойными того, чтобы с них брали пример, он считает националистов, которые в кафедральном соборе Лодзи скандируют: “Смерть врагам отчизны!”. Архиепископ Ендрашевский известен своей политической активностью, особенно борьбой с проявлениями так наз. “левых взглядов” — гендерными теориями, феминизмом, либерализмом». (Ярослав Маковский, «Газета wyborcza», 16 дек.)

• «Значительная часть Европы плохо относится к Польше. Но нечто подобное происходило и в XVIII веке. К нам тогда тоже плохо относились в Европе, особенно во Франции и других центрах европейского Просвещения. Почему? Потому, что Польша была католической», — архиепископ Марек Ендрашевский, краковский митрополит. («Жечпосполита», 24–26 дек.)

• «Европейский парламент вчера в четвертый раз за этот год обсуждал ситуацию с соблюдением законности в Польше. (...) Председатель Европейской комиссии Франс Тиммерманс (...) прямо заявил, что польское правительство не выполняет рекомендаций Европейской комиссии и Венецианской комиссии по разрешению кризиса вокруг Конституционного трибунала. (...) Бригит Сиппель, немецкий евродепутат от партии Социалистов и демократов, заявила, что в отношении Польши необходимо применить санкции, если она и дальше будет нарушать закон». (Михал Кокот, «Газета wyborcza», 15 дек.)

• «Впервые столь продолжительными были дебаты относительно ситуации в нашей стране на заседании комиссаров ЕС в среду. (...) Выступили 10–12 комиссаров, и все были очень критично настроены. Многие высказались за то, чтобы лишить Польшу денег ЕС». (из Брюсселя Анна Слосевская, «Жечпосполита», 22 дек.)

• «Президент подписал пакет законов о Конституционном трибунале. (...) А также привел к присяге нового судью вместо председателя Анджея Жеплинского». («Газета wyborcza», 21 дек.)

• «Президент назначил судью Юлию Пшилембскую новым председателем Конституционного трибунала. (...) Оппозиция

раскритиковала действия президента, расценив их как продолжение “уничтожения” трибунала и констатировав, что “конфликт, к сожалению, продолжается”. (Зенон Барановский, «Наш дзенник», 22 дек.)

- «Президент Конституционного трибунала Юлия Пшилембская: “Чрезмерный интерес СМИ не способствует спокойному рассмотрению дела. Поэтому журналистов теперь будут пускать не на все заседания”». («Дзенник газета правна», 11 янв.)

- «У судей, которые не согласятся применять в своей практике постановления Конституционного трибунала, могут возникнуть неприятности. Им грозит “дисциплинарная ответственность, а также последствия, связанные с несоблюдением правовых норм, которые четко указывают, что суды и конкретные судьи обязаны исполнять действующие в Польше законы”. Так на информацию о том, что суды могут отказаться применять постановления нового Конституционного трибунала, отреагировал Збигнев Зёбро». (Малгожата Крышкевич, «Дзенник газета правна», 27 дек.)

- «Анджей Дуда подписал вчера законы, реформирующие образование. (...) Гимназии будут поэтапно ликвидироваться, профессиональные школы заменят отраслевыми, а срок обучения в лицеях и техникумах продлят на один год». (Анна Вттенберг, «Дзенник газета правна», 10 янв.)

- «В качестве ректора горно-металлургической академии, я был одним из основателей Конференции ректоров академических школ Польши. (...) Сегодня министр образования Анна Залевская (...) заявляет, что ее реформы поддерживают ректоры, но это неправда. (...) Мне кажется, то, что делает министр Залевская, вредит нашей стране, и за это она должна предстать перед Государственным трибуналом. (...) Я знаю несколько депутатов от ПИС, которые критично настроены в отношении реформ Залевской, но не отваживаются голосовать против этого проекта. С политикой (...) в ее нынешнем виде не может мириться ни один человек, сохранивший хотя бы минимум порядочности. (...) Я симпатизировал ПИС и еще до конца не утратил этих симпатий. (...) К сожалению, случай (...) министра Залевской являет нам пример вопиющего лицемерия. (...) С парламентской трибуны она заявляла о существовании разработок, доказывающих, что гимназии не оправдывают своего существования. Но таких разработок нет. Что может быть более нехристианским, чем явная ложь? Мне трудно смириться с фактом, что достижения тысяч педагогов теперь уничтожаются министром Залевской. (...) Эту политику

нельзя назвать работой на общее благо», — проф. Мирослав Хандке, бывший министр образования. («Жечпосполита», 10–11 дек.)

• «Министр внутренних дел и администрации Мариуш Блащак, продвигающий законопроект, касающийся окладов сотрудников полиции, начавших службу до 1990 г., и премьер-министр Беата Шидло, предлагающая аналогичные изменения, только уже в отношении военных, не только рискуют нанести государству урон, но и — что самое важное — ставят под удар его безопасность. (...) Оба законопроекта распространяются на людей в форме (полицейских, военных, а также пожарных и сотрудников Бюро охраны правительства), которые во время ПНР хотя бы один день прослужили в одном из десятков “органов тоталитарного государства”. (...) Санкции этих двух законов (...) будут распространяться на тех, кто большую часть своей карьеры посвятил служению свободной Польше». (Мира Суходольская, «Дзенник газета правна», 9–11 дек.)

• «Маршал Сейма Марек Кухцинский заявил, что законопроект будет возвращен комиссии на доработку. (...) “Нет оснований для дисквалификации периода службы в государственных органах Польши после 31 июля 1990 г. в отношении позитивно зарекомендовавших себя лиц. Законопроект носит репрессивный характер”, — написала председатель Верховного суда Малгожата Герсдорф в заключении, которое парламентская комиссия внутренних дел получила уже после голосования за соответствующие изменения». (Войцех Чухновский, «Газета wyborча», 15 дек.)

• «Президент Анджей Дуда подписал закон об уменьшении пенсий и пособий бывшим сотрудникам военизированных служб, которые хотя бы один день прослужили в ПНР — в частности, полицейским, сотрудникам Агентства внутренней безопасности и Бюро охраны правительства, пограничникам, пожарным. С 2017 г. им будут выплачиваться суммы, не превышающие средних пенсий и пособий, начисляемых Управлением социального страхования. Предполагается, что закон коснется ок. 50 тыс. бывших сотрудников и членов их семей, а бюджет будет экономить ок. 546 млн злотых в год». («Газета wyborча», 31 дек. — 1 янв.)

• Депутат от ПИС Станислав Пётрович в годы ПНР «был усердным и заслуженным прокурором. Выслуживался перед властью. В 1984 г. получил бронзовый “Крест заслуги”. (...) ПИС выставляет себя партией, которая всячески клеймит “коммунистов”. При этом ее лицом стал человек, представлявший репрессивный аппарат ПНР. Прокурор времен

военного положения, нынче, как ни в чем не бывало, обслуживает власть, уничтожая Конституционный трибунал и всю систему разделения властей. Так же ревностно, как служил своим бывшим хозяевам». (Павел Рабей, «Польска», 12 дек.)

• «У меня чистые намерения, а они занимаются политикой. Они голосуют покорно, как овцы. Идут за пастухом, никто и не высунется. Кроме того, связанные с ПИС чиновники управляют связанными с ПИС депутатами. Хвост виляет собакой. Честных людей в Сейме найти нелегко, поскольку большинство депутатов рассматривают парламент как трамплин на доходные должности в различных компаниях», — Петр Лирой-Мажец, музыкант, депутат Сейма от движения Кукиз'15. («Дзенник газета правна», 9-11 дек.)

• «На последнем заседании Сейма в Колонном зале депутаты голосовали за новую редакцию закона об охране природы, подготовленную министром окружающей среды Яном Шишкой. (...) Экологические организации, в частности, Фонд дикой природы и “Greenpeace” бьют тревогу, поскольку, по их мнению, эти изменения нанесут огромный вред многим охраняемым в Польше видам животных. (...) Как утверждает Бюро парламентской аналитики, ст.3 закона содержит в себе потенциальное нарушение законодательства ЕС». (Себастьян Клаузинский, «Газета wyborcza», 22 дек.)

• «В самой Кнышинской пуще охотники до конца прошлого года убили ок. 20 зубров. В Борецкой пуще по-прежнему ежегодно отстреливают 10. (...) В Борецкой пуще живет 110 зубров, в Кнышинской — ок. 130. (...) В Беловежской пуще, где живет самое большое стадо зубров в мире (ок. 600 животных), в прошлом году застрелили только трех. (...) Популяция зубров в Беловежской пуще находится под контролем Беловежского национального парка, а не Государственных лесов. (...) В Беловежской пуще охотники не выкупают право на отстрел — его совершает специально обученный сотрудник парка. (...) В 2015 г. Государственный совет охраны природы обратил внимание, что к охраняемым и редким животным, каковым является зубр, нельзя относиться как к промысловым и убивать ради трофеев. Однако нынче от того совета и следа не осталось. ПИС внес свои коррективы в закон и сменил членов совета. (...) Поэтому мы присоединяемся к “Greenpeace”, который требует прекратить убивать зубров в коммерческих целях и собирает подписи под петицией к премьер-министру». (Адам Вайрак, «Газета wyborcza», 3 янв.)

• «7 октября 2016 г. (...) опубликован (...) проект распоряжений, разрешающих отстрел бобров (несмотря на то, что эти

животные охраняются — В.К.). (...) Опубликованные проекты предусматривают отстрел в общей сложности 25 313 бобров в течение трех лет. (...) В 2015 г. (...) была проведена “инвентаризация” бобров, согласно которой их популяция насчитывала 31 572 особи». (Лукаш Мисюна, «Дзике жиче», дек. 2016 и янв. 2017)

- «Новые правила вырубki деревьев и кустарников принял в пятницу Сейм. (...) Без разрешения можно будет вырубать деревья и кустарники на территории частного домовладения, если их вырубка не связана с осуществлением хозяйственной деятельности». («Жечпосполита», 19 дек.)

- «С разных концов Польши поступает информация о чрезвычайно загрязненном воздухе. (...) Хуже всего обстоят дела в Силезии, где нормы загрязнения превышены более чем на 3 тыс. процентов. Ранее, в декабре, в городе Скала в окрестностях Кракова эти нормы были превышены на 2 тыс. процентов. (...) Польшу отравляют угольные отходы, сжигаемые в устаревших печах. Такими печами оснащены более 5 млн домов. (...) Только Польша — одна из самых загрязненных стран ЕС — не располагает разработанными стандартами выпуска угольных котлов и нормами качества топлива». (Доминика Вантух, «Газета wyborча», 11 янв.)

- «Высокие премии, назначенные маршалу Сената и его заместителям, привели поляков в бешенство. (...) Маршал Сейма получил 33 400 злотых “брутто”, а каждый из вице-маршалов (...) — по 22 500 злотых. (...) Интернет-пользователи не оставили на чиновниках живого места». (Магдалена Рубай, «Факт», 16 дек.)

- «ПИС запретил выплачивать (...) высокие премии, которые выписали себе маршалы Сейма и Сената. В дело вмешался лично Ярослав Качинский». (Михал Шулджинский, «Жечпосполита», 19 дек.)

- «Сегодня власть предрежающие повторяют ошибки предыдущих правителей, ввергая государственные институты в самый тяжелый после 1989 г. кризис. (...) Не будучи в состоянии согласиться с такой политикой, я принял решение о выходе из партии “Право и справедливость”. (...) После отказа от членства в ПИС я планирую сохранять политическую независимость. Как депутат Европейского парламента, я сконцентрируюсь на вопросах реформирования ЕС и безопасности граждан», — Казимир Михал Уяздовский, евродепутат. («Газета wyborча», 4 янв.)

- Поддержка партий: «Право и справедливость» — 35%, «Современная» — 24%, «Гражданская платформа» — 15%, Кукиз'15 — 6%, крестьянская партия ПСЛ — 5%. Поддержка остальных партий и групп не достигла пятипроцентного избирательного порога. Опрос агентства “Millward Brown”, 21–22 дек. («Газета выбора», 23 дек.)

- «Что в первую очередь изменилось в польской политической системе за последние полтора года? Во-первых, власти бесцеремонно нарушали конституцию. Во-вторых, центр политической власти стал доминировать над государством. (...) По сути им является один человек: Ярослав Качинский. (...) В-третьих, были ограничены гражданские свободы. (...) С ноября 2015 г. идет процесс замены общественно-политического строя Польши на модель, в которой центральная политическая власть доминирует над другими ветвями власти и гражданским обществом, а также произвольно ограничивает права граждан. (...) ПИС по-прежнему пользуется значительной поддержкой общества, присутствует также фактор, с которым мы сталкиваемся с самых первых лет свободной Польши: равнодушие значительной части общества к политической жизни, о чем свидетельствует низкая явка на выборах. Социальная политика ПИС устраивает многих поляков, а ее долгосрочные негативные последствия пока не видны, равно как и последствия прогрессирующего ухудшения международного положения нашей страны. Изменения, которыми подвергается общественно-политический строй Польши, очевидны только для тех, кто прилагает усилия к тому, чтобы внимательно их проанализировать», — Александр Халль. («Жечпосполита», 29 дек.)

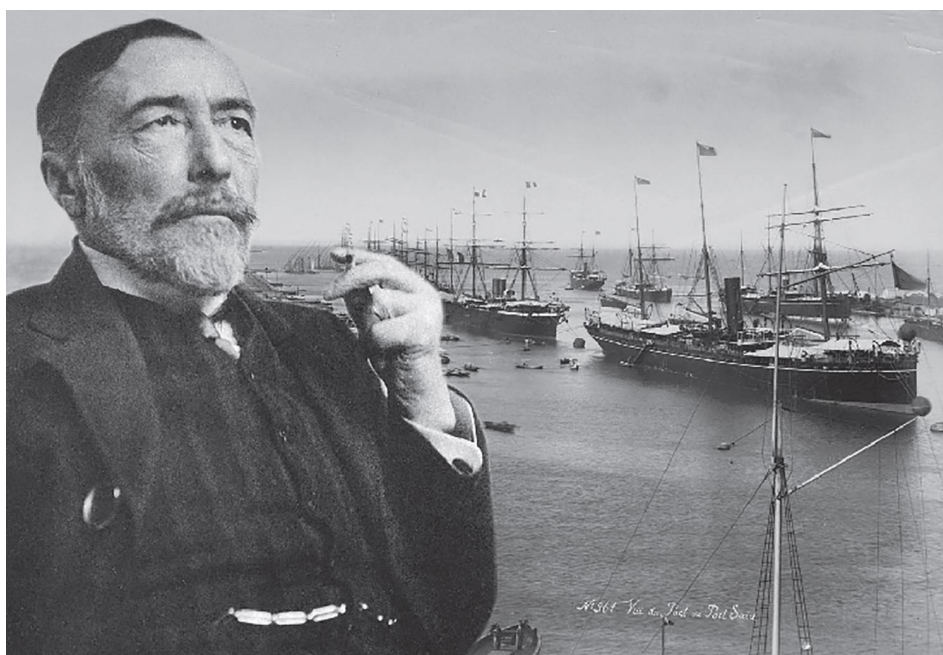
- «У нас создан лживый образ “Польши в руинах”, страны разоренной, до предела коррумпированной, разворованной и проданной немцам. Творцы этого образа ездят по нашим прекрасным городам, чтобы найти хотя бы один грязный сарай и на его фоне снять ролик с госпожой Шидло, заявляющей, что так выглядит вся Польша. Солгать! А ложь немедленно размножить! (...) Народ выбрал лжецов. Оппозиция нас не защитит. У нее нет лидеров. (...) И что нам остается? (...) Найти людей, которые смогут служить нам маяками, и держаться их курса. Изо всех сил поддерживать Ежи Овсяка и Янку Охойскую, ибо это настоящие столпы гуманизма. Не позволить кануть в забвение профессору Анджею Жеплинскому, настоящему польскому герою последних месяцев. Держаться людей большого масштаба. Вслушиваться в голос Кристины Янды, выдающейся личности, которая рискует имуществом и работой, говоря правду о лучшем устройстве мира. Ищите

таких людей везде, их много. Собирайтесь вокруг них, поддерживайте их и думайте о повседневных честных поступках», — Збигнев Холдыс. («Ньюсуик Польска», 19 дек. — 1 янв.)

• «Он еще жил, когда террорист направил машину в толпу людей. А когда понял, что тот собирается сделать, пытался ему помешать, толкал его, боролся, делал все, чтобы спасти как можно больше народу. Террористу пришлось отвлечься на поляка, он ударил его ножом, а потом застрелил. Но удалось спасти многих, может быть, очень многих. Они остались в живых, потому что тот польский водитель больше своей жизни ценил жизни других. Он отдал свою жизнь, чтобы их спасти. (...) Лукаш Урбан, водитель грузовика, прожил хорошую жизнь, поскольку был хорошо готов к этому последнему моменту. Он пал смертью героя, спасая жизни других», — Томаш П. Терликовский. («Жечпосполита», 24-26 дек.). Лукаш Урбан погиб 19 декабря в Берлине в кабине грузовика, угнанного террористом — В.К.

Встречи с Конрадом (2)

Типичный представитель или феномен? Мартирология и модернизм в биографии Конрада

Следует признать, что неоромантическая версия биографии Юзефа Теодора Конрада Наленч Коженёвского — или Джозефа Конрада — в польском конрадоведческом дискурсе является доминирующей. Ведь Конрад воплощает собой весь комплекс патриотически-мартиронологической парадигмы польской судьбы: его отец, Аполлон Коженёвский был поэтом, патриотом, организатором заговора против царя-оккупанта, мать — верной и активной соратницей мужа в его политической деятельности. За эту деятельность семья поплатилась репрессиями: отец был арестован и помещен в варшавскую цитадель, с которой и связаны первые детские воспоминания Конрада о Польше. В конце концов суд приговорил обоих родителей к ссылке в Сибирь. Имение, разумеется, было конфисковано, мать будущего писателя, не вынеся пережитого, а также климата и тяжелых бытовых условий, в Сибири умерла, отец после ее смерти погрузился в

депрессию с религиозным уклоном, а маленький осиротевший Юзеф заболел. Стараниями брата матери, Тадеуша Бобровского — безусловно не всегда укладывавшимися в рамки закона — Аполлона и Юзефа удалось перевезти в австро-венгерскую часть разделенной Польши, в Краков. Увы, там Аполлон Коженёвский умер, причем похороны его превратились в крупнейшую национальную демонстрацию высочайших патриотических чувств. Осиротевшего Юзефа опекал рациональный и прагматичный дядя Тадеуш Бобровский, симпатизировавший скорее краковским консерваторам и лоялистам, нежели заговорщикам-бунтовщикам, и сознательно искаживший некоторые факты из патриотического прошлого семьи. Его отношение к отцу Конрада было, мягко говоря, двойственным. Однако даже этих фактов, запечатленных Бобровским в дневниках, оказалось для литературных критиков достаточно, чтобы на их основе создать укладывающийся в рамки романтического стереотипа образ польского патриота испокон веку^[1]. Дополнительным интерпретационным ключом к этой биографии послужили имена, которые носил будущий писатель: Юзеф Теодор — в честь деда, и Конрад — в честь героя Адама Мицкевича.

Сам писатель во время своего пребывания в стране (июль-октябрь 1914) дал интервью Мариану Домбровскому для еженедельника «Тыгодник иллюстрованы», где признавался: «Польскость (...) я перенес в свои произведения из Мицкевича, Словацкого. «Пана Тадеуша» отец читал мне вслух и меня тоже заставлял читать вслух (...) Я больше любил «Конрада Валленрода», «Гражину». Позже предпочитал Словацкого»^[2].

Таким образом польский дух воплощался в области литературы, языка и системы ценностей. Учитывая эту проблему, следует заметить, что Конрад безусловно был типичным представителем своего поколения: он родился в уже разделенной Польше, которую знал как идею, ценность, бытие нематериальное, дополнительно идеализированное перенесенными страданиями, пронизывающее его отношения с близкими. Его патриотизм был наследственным — Конрад любил то, что любили его родители и что стоило им жизни. Если вспомнить написанную Аполлоном «Песенку в день крещения», становится очевидным, что акт крещения был для отца равнозначен наложению печати идентичности, долга героизма и бескомпромиссности. Подобным образом прочитывалось и творчество Конрада, в котором исследователи искали прежде всего воплощения польской проблематики. Наиболее типичным примером неоромантической трактовки наследия писателя является интерпретация «Лорда Джима»

Виктором Гомулицким на страницах петербургского «Края», в которой речь идет о двуплановой структуре текста и о том, что планы эти дополняют друг друга. Внешняя структура заслоняла подлинный смысл произведения, заключенный в структуре глубинной, уловить которую мог лишь соответствующим образом подготовленный читатель: применительно к прозе Конрада — читатель, знакомый с литературой Великой эмиграции и понятиями, сформировавшимися на почве польской культуры, например, отличным от западноевропейского понятием чести^[3].

По мнению Казимежа Выки, в польской критике доминировала перспектива неоромантизма и модернизма (или символизма)^[4]. Неоромантизм ставил своей целью воспроизведение образцов ангажированной литературы; модернизм, напротив, стремился освободить ее от служения национальным идеям. В период Молодой Польши можно говорить о восприятии Конрада в первую очередь читателем и критикой; 1895, год его дебюта — это также год издания первых опусов Жеромского. Такие критики, как Казимеж Валишевский, Мария Коморницкая, Мария Раковская, Станислав Бжозовский, воспринимали Конрада как художника прежде всего модернистского, противопоставляя его польской культурной традиции и рассматривая его творчество в контексте английской прозы.

«В современной английской литературе Джозеф Конрад принадлежит к числу фигур выдающихся. После смерти Мередита он, подобно Томасу Харди, Кипплингу и Г.Д. Уэллсу, чье творчество на наших глазах становится все масштабнее и словно бы глубже — является в области английского романа представителем направления, тесно связанного с тем, что составляет величайшую ценность современной английской литературы, что делает ее классикой нашего времени — в лучшем и редко употребляемом значении этого слова. Я имею в виду глубокую веру в то, что мыслительная структура, порождаемая в данном обществе различными классами, слоями, типами, личностями, составляет его глубинную реальность, что все современные трагедии разыгрываются в пространстве стихии, модифицируемой и определяемой разумом, что область, характер, сила, виды кризисов и ограничений мыслительных процессов, представляющих собой повседневность общественной жизни — и есть наиболее типичное, подлинно творческое в жизни общественной и личной»^[5].

В свете этих размышлений творчество Конрада предстает не столько типичным явлением, сколько неким образцом, феноменом, прокладывавшим новые пути в мировой литературе.

Модернистская трактовка биографии делала акцент на превратностях жизни человека, идущего к цели, невзирая на реакцию окружения и общепринятые модели поведения, нонконформиста, обладающего ницшеанской силой преодоления трудностей и разительно отличающегося от обычного человека. Примером может служить биография Конрада, как ее видит Остап Ортвин: «Молодой Джозеф Коженёвский (...) до пятнадцати лет не знал английского языка. После смерти отца, питаемый тягой к фантастическим приключениям, подстегиваемый неудержимым стремлением осуществить свои мечтания юного Робинзона, он бежит из Кракова в Марсель, где в 1873 году поступает на французское торговое судно. Из французского торгового флота через несколько лет переходит в английский, где после двадцати лет службы получает ранг капитана. Подчиняясь внезапно охватившему его творческому порыву — прежде сдерживаемому — он в 1895 году оставляет профессию моряка и, посетив родные края, оседает в деревенской местности на берегу моря близ Фолкстона, чтобы полностью посвятить себя плодотворной и активной литературной деятельности (...) В последнее время этому писателю стала уделять внимание также и французская критика. Его произведения переводят на французский язык. А следовательно — есть надежда, что таким опосредованным путем интерес к произведениям Конрада проникнет и к нам»^[6].

Уже само нагромождение в тексте Ортвина глаголов и их семантических полей создает совершенно другой образ. Это не печальная, одинокая жертва, для которой победа означает лишь героическую победу над самим собой, но... одинокий герой, для которого одиночество есть выбор свободы, а победа означает достижение поставленных целей. Это сила творчества, жертва, совершаемая посредством деятельности, оказание влияния, героизм поступка.

Примечательна интерпретация биографии Конрада: в английской критике акцентирование «морского периода» — получения британского гражданства, роли представителя империи в далеких уголках света; во французской — прослеживание влияния французского языка и литературы на формирование личности польского шляхтича; в польской — внимание к национальному дискурсу идентичности, вовсе не

столь очевидному. Биография Конрада типична для его поколения, но он эту типичность преодолевает. Биография эта одновременно является и феноменом — в силу того, что не воплощает некую модель, но определяет свою собственную. Джозеф Конрад, словно бы ведя сознательную игру с биографами, не оставил после себя записей о том «как жить?», а на страницах своих романов не раз доказывал, что биография героя больше говорит о его создателе, чем о персонаже. Многоплановость являющейся нам фигуры, которую я бы назвала «классически неполной», предоставляет ей свободу существования, в том числе потенциального и нереализованного. Быть может, задача литературного критика сегодня — не лишать этой свободы также и автора?

Перевод Ирины Адельгейм

-
1. Ср. Т. Bobrowski. Pamiętnik mojego życia. Warszawa, 1979, t. II; K. Waliszewski. Polski powieściopisarz w angielskiej literaturze, „Kraj”. Petersburg, 1904, nr 3–5, 7; M. Rakowska. Józef Conrad (Konrad Korzeniowski). „Biblioteka Warszawska”, 1908, s. 558–568.
 2. Цит. по: M. Dąbrowska. Polski wywiad prasowy z Conradem, [w:] Szkice o Conradzie. Wstęp, redakcja, przypisy Ewa Korzeniewska. Warszawa, 1974, s. 39–41.
 3. Ср.: W. Gomułicki. Polak czy Anglik, „Kraj”. Petersburg, 1905, nr 1.
 4. O jedności i różnorodności literatury polskiej [w:] K. Wyka. Nowe i dawne wędrówki po tematach. Warszawa, 1978, s. 37–41.
 5. St. Brzozowski, Józef Conrad [w:] S. Brzozowski. Głosy wśród nocy. Lwów, 1912, s. 369.
 6. Ostap Ortwin (Przypisek wydawcy) [w:] S. Brzozowski. Głosy wśród nocy. Lwów, 1912, s. 375–376.

Фундаментальный труд

Цель настоящей публикации: всесторонне проанализировать монографию Н.Н. Мезги «Между наукой и политикой: советско-польские отношения в историографии России и Польши 1918–1941 годов».

Актуальность темы любого исследования по историческим наукам связана с наличием схожих проблемных комплексов в современном мире. В данной ситуации научное сообщество призвано выполнять социальный заказ на поиск жизнеспособных инструментариев для снятия подобных комплексов.

Избрав в качестве предмета исследования «советско-польские отношения в историографии России и Польши 1918–1941 годов» (с. 17), декан исторического факультета Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины (ГГУ) Николай Николаевич Мезга обратился к теме, актуальность которой не вызывает сомнения. С автором монографии можно согласиться в том, что «изучение работ советских и польских историков межвоенного времени позволяет поставить важную проблему о связи исторической науки и политики, идеологии, особенно, если она изучает события, близкие к современности» (с. 3).

Предмет исследования монографической работы достаточно объёмен и из его содержания вытекала необходимость фундаментальной подготовки исследователя в ряде областей (история, политология, социология, экономика, право). Гомельский ученый продемонстрировал именно такую подготовку. Проявляя высокую исследовательскую культуру, Н.Н. Мезга скрупулезно проанализировал вклад коллег в освоение проблематики, связанной с монографией. Заслуживает самой высокой оценки то обстоятельство, что автор формулирует цель и задачи монографического исследования с учетом указанного обстоятельства, стремясь максимально глубоко освоить новые проблемные поля. Ознакомление с полным текстом монографии свидетельствует о том, что это стремление было доведено до логического конца и по существу освоено принципиально новое направление в

белорусской исторической науке. Это направление включает шесть позиций.

Первая позиция: фундаментальный анализ концептуального содержания советской и польской историографии польско-советской войны 1919–1920 гг. Данная война началась в конце февраля 1919 года, когда возглавляемые начальником польского государства Юзефом Пилсудским войска напали на Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику (РСФСР), Литовско-Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (ЛитБел) и Украинскую Советскую Социалистическую Республику (УССР). ЛитБел и УССР оборонялись силами Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), всецело подчиненной руководству Советской России. Формально они были независимыми государствами. Фактически же были полностью подконтрольны Москве.

Гомельский ученый показал, что представители обеих историографий при анализе причин войны на первое место ставили территориальный вопрос. Ознакомление с исследовательским трудом Н.Н. Мезги свидетельствует о намерении правящей политической элиты Второй Речи Посполитой восстановить территориальный массив, характерный для Первой Речи Посполитой с учетом предпочитаемой ею модели общественного развития. Стремясь захватить относившиеся к этому массиву украинские, белорусские, литовские земли, польская сторона ставила во главу угла их десоветизацию, демонтаж социально-экономических и политических реалий, утвердившихся после октябрьского переворота 1917 года в России. Автор показывает расхождения историографий по двум пунктам: правомерности восстановления исторических границ Польши и цивилизационному измерению указанных реалий. Советские историки рассматривали установление большевистского режима исключительно как исторический выбор всех народов России, называли агрессией то, что их польские коллеги считали правомерным. Польские историки указывали на абсолютную несовместимость большевистского режима с цивилизованными стандартами. Н.Н. Мезга обращает внимание на то, что это сильный аргумент для позиционирования Второй Речи Посполитой как идеологического антипода большевистского режима, носителя «цивилизаторской миссии». Благодаря именно такому позиционированию официальная Варшава набирала пропагандистские очки, обращая внимание международного сообщества на стремление большевиков экспортировать социалистическую революцию, на геополитическую

преемственность в политике Российской империи и Советской России на центральноевропейском направлении. Н.Н. Мезга — первый ученый на постсоветском пространстве, капитально исследовавший тезис о геополитической преемственности в политике Российской империи и Советской России на центральноевропейском направлении в польской историографии 1918–1941 гг.

Польско-советская война происходила в то время, когда Советская Россия противостояла «белому движению». Декан истфака ГГУ впервые в науке показал, что «при оценке политики Польши в отношении «белого» движения в 1920–е годы в советской и польской историографии имелись точки соприкосновения. Обе признавали наличие серьезных разногласий между Польшей и «белыми» генералами» (с. 82). Более того, гомельский ученый присоединился к этой точке зрения, приведя мощную аргументацию.

Пионерским является и анализ автором работ польских историков, посвященных политике польской оккупационной администрации на белорусских, украинских, литовских землях. Эти историки были едины в том, что творцы и исполнители данной политики строго придерживались цивилизованных стандартов. В польских работах постоянно утверждалось, что во взаимоотношениях польской оккупационной администрации и местного населения проблемные моменты отсутствовали. Николай Николаевич обращает внимание на то, что в реальной политике указанной администрации все было наоборот. Он доказывает, что она была антисемитской, антибелорусской, антилитовской и антиукраинской.

Вторая позиция: раскрытие сущности работ советских и польских авторов по проблеме Рижского договора и установления границы между Польшей и советскими республиками. Историки в обеих странах отмечали, что ключевые события войны Польши против РСФСР, ЛитБела и УССР совпали по времени с тем отрезком работы Парижской мирной конференции, который был посвящен обсуждению территориальных вопросов. Данные вопросы входили в компетенцию территориальной комиссии конференции. Соображения комиссии на предмет прохождения советско-польской границы в соответствии с этническим принципом нашли 8 декабря 1919 года поддержку со стороны Верховного совета Антанты. Именно эти моменты образовали базис соглашения от 10 июля 1920 года, скрепленного подписями представителей Польши, Великобритании, Франции. В данном

соглашении фигурировал указанный вариант советско-польской границы. Первым государственным деятелем высокого ранга, который официально донес до Москвы этот вариант, был министр иностранных дел Великобритании лорд Дж. Керзон. Поэтому она называется «линия Керзона». «Линию Керзона» можно однозначно характеризовать как пропольскую, что прослеживается в советской историографии в отличие от польской. Согласие с этой линией означало положительное отношение к включению в состав Польши немалой части исконных белорусских земель. Декан исторического факультета ГГУ впервые в исторической науке провел сравнительный анализ предыстории «линии Керзона» в советской и польской историографии 1918–1941 гг.

До Н.Н. Мезги никто из советских и постсоветских историков не обращал внимание на то, что польская историография периода парламентской республики считала «линию Керзона» оптимальным вариантом. Н.Н. Мезга приводит типичное утверждение этой историографии: Варшава, поддержанная 10 июля 1920 года Лондоном и Парижем, желала, чтобы войска Западного и Юго-Западного фронтов не продвинулись дальше за пространство протяженностью в 50 километров, которое примыкало с восточного направления к «линии Керзона». В таком случае Польша на уровне официальных заявлений была готова к следующему сценарию: обе стороны прекращают военные действия, начинают переговорный процесс, конечным результатом которого должно было оказаться установление «линии Керзона». В польской историографии периода парламентской республики преобладала точка зрения, что этот сценарий был реальным до «чуда на Висле», случившегося в середине августа 1920 года. После блестящей победы Пилсудского над войсками Западного фронта под Варшавой польская сторона захватила стратегическую инициативу, прочно ее удерживала и, естественно, ставила вопрос о значительно большем территориальном приращении на Востоке.

Новые реалии решающим образом отразились на ходе мирных переговоров, которые велись между Советской Россией и Советской Украиной с одной стороны и Польшей — с другой. Гомельскому ученому просто блестяще удалось показать общее и особенное в освещении Рижского мирного договора в советской и польской историографии. «Советские и польские историки сделали обоснованный вывод о желании России и Польши осенью 1920 г. идти на прекращение военных действий. Однако при определении причин такой позиции двух стран имелись серьезные расхождения. Историографии России

и Польши стремились показать искренность стремления к миру своей страны и обращали внимание на вынужденный характер переговоров для противоположной стороны. Общим для историографии двух стран было то, что исследователи не смогли провести научную детальную реконструкцию хода переговоров, особенно той их части, в ходе которой шла подготовка окончательного договора” (с. 197).

В монографии отмечаются положения, присутствующие в обеих историографиях, согласно которым центральной на переговорах была проблема границы. Исследуя ход ее обсуждения, советские и польские авторы пришли к выводу, подтвержденному современной историографией, о провале федералистских планов и реализации концепции инкорпорации в результате Рижского договора (с. 197).

Н.Н. Мезга констатирует, что и советская, и польская историография выносили за скобки следующее чрезвычайно важное обстоятельство. Касательно Рижского договора белорусская сторона не была в числе субъектов переговорного процесса. Этого не хотели ни Польша, ни Россия. Хорошо известно, что на момент начала переговорного процесса в зале заседаний было физическое присутствие белорусских представителей. Однако поляки и россияне отвергли саму возможность их непосредственного участия в переговорном процессе и им пришлось покинуть зал заседаний. Белорусские представители не подписывали Рижский договор и поэтому он был для нашей республики недействительным с самого начала.

Третья позиция: принципиально новая трактовка положений, выработанных советской и польской историографией отношений между СССР и Польшей от заключения Рижского мира до подписания договора о ненападении 1932 г. Предпринята весьма удачная попытка выяснить наличие корреляции организационно-правового, концептуального, практического аспектов двусторонних отношений в версиях обеих историографий. Гомельский ученый совершенно обоснованно выводит из данных историографий тезис об отсутствии подобной корреляции. Ядро нормативно-правового аспекта советско-польских отношений образовывал Рижский мирный договор. Польские авторы упрекали в его невыполнении советскую сторону, советские — польскую. По мнению автора монографии, основания для таких упреков были. Он обращает внимание на то, что, прибегая к идеализации внешней политики своего государства на соответствующем направлении, обе историографии сознательно упускали принципиально важные моменты. В

советской исторической литературе невозможно было прочесть о том, что Москва фактически заморозила процесс передачи Варшаве материальных ценностей, была заинтересована в территориальном приращении за счет Второй Речи Посполитой, поддерживала деньгами и оружием вооруженные отряды, действовавшие на суверенной польской территории. Историческое сообщество Второй Речи Посполитой вынесло за скобки три проблемных комплекса: 1) репрессии в отношении белорусского и украинского населения на территории Польши; 2) стремление правящих политических элит польского государства расширить его территорию за счет присоединения советских национальных окраин; 3) активное задействование официальной Варшавой организационных структур, связанных единым антисоветским знаменателем.

Н.Н. Мезга одновременно подчеркивает и наличие позитива в двусторонних отношениях в трактовке польских и советских авторов. Историки обеих стран сделали обоснованный вывод о наличии периодов, когда в советско-польских отношениях в указанный временной отрезок имелись объективные условия для их улучшения: накануне Генуэзской конференции, в середине 1920-х и начале 1930-х годов. В качестве причин этого указаны изменения в международной ситуации, что подтверждается современной историографией (с. 165). Конечно, в общем и целом преобладал негатив.

Четвертая позиция: исчерпывающая характеристика существовавших в советской и польской историографии концепций и подходов при изучении советско-польских отношений в условиях назревания и начала Второй мировой войны. Декан истфака ГГУ убедительно показал, что отношения между СССР и Польшей в 1933–1939 гг. рассматривались межвоенной историографией этих стран в контексте нарастания угрозы новой мировой войны (с. 194). Он выявил «большую долю совпадения тех проблем в двухсторонних отношениях, которые стали предметом исследования, как советских, так и польских историков» (с. 196). Обе историографии объединял и учет ими роли германского фактора в советско-польских отношениях.

Представляется вполне обоснованной критика, которой гомельский ученый подверг польскую историографию по части трактовки ею «политики Польши по сближению с Германией. Польская историография трактовала ее как «политику равновесия», направленную на обеспечение позиций Польши в Центральной и Восточной Европе, на сохранение статус-кво,

сложившегося в результате подписания Версальского и Рижского договоров» (с. 194). Указанная критика во многом перекликается с подходами советской историографии. С Н.Н. Мезгой можно согласиться в том, что «работы, посвященные отношениям между СССР и Польшей в преддверии Второй мировой войны, имели наименьшую научную достоверность и значимость» (с. 198).

Пятая позиция: выявление наиболее характерных черт историографии СССР и Польши 1918–1941 гг. по истории советско-польских отношений и осуществление их сравнительного анализа. В монографии выделены основные этапы развития соответствующей историографии. Четко систематизированы основные историографические направления. Охарактеризованы западное и восточное направления в польской историографии, доказано единство советской историографии советско-польских отношений.

Шестая позиция: определение общественно-политических и гносеологических факторов, которые оказали влияние на характер, направленность, научный уровень работ, созданных историками СССР и Польши в 1918–1941 гг. по истории отношений между двумя странами. Гомельский ученый убедительно доказал, что «влияние политического фактора проявилось в стремлении историков обосновать и оправдать политику «своего государства» в событиях, которые произошли недавно и не потеряли свою политическую злободневность, что вело к отказу от объективности в угоду политической целесообразности» (с. 12).

Автор опирался на широкий массив исторических источников. Их массив включает следующие сегменты: 1) труды историков периода 1918–1941 гг. Советской России / СССР и Польши, в которых рассматриваются проблемы советско-польских отношений; 2) документы внешней политики СССР и Польши в межвоенный период; 3) труды и мемуары политических деятелей данного периода. Источники использовались в строгой привязке к принципам объективности, историзма, системности и ценности в истории, с учетом как общенаучных, так и специальных исторических методов.

Перечисленные позиции дают все основания считать, что монография решает крупную научную проблему. В то же время ее автор обозначил важные проблемы, над которыми еще предстоит работать научному сообществу. Ряд выводов и оценок, содержащихся в монографии, дают основание для внесения корректив в разделы учебных пособий по новейшей истории стран Европы и Америки. Монография, несомненно,

способствует обогащению представлений о социокультурном аспекте при исследовании международных отношений, без адекватного понимания которого не может обойтись ни один исследователь политических процессов в новейшее время. Настоящий труд обязательно заинтересует практических работников, задействованных на польском направлении внешней политики Республики Беларусь.

Мезга, Н.Н. Между наукой и политикой: советско-польские отношения в историографии России и Польши 1918–1941 годов: монография / Н.Н. Мезга; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. – 236с.

Судьбы поляков в России

Рецензирование научного издания сопряжено с большой ответственностью. Самое трудное в процессе рецензирования — определить, вносят ли авторы вклад в науку. Как известно, науку делают те, кто, исследуя неосвоенные проблемные поля, формулирует принципиально новые концептуальные подходы, выводы и оценки. Четверть века тому назад постсоветские историки, сконцентрированные на советско-польских отношениях, стали осваивать одно из таких полей — «историю репрессий против поляков и польских граждан в период сталинизма» (с. 14). Жертвами подобных репрессий стали не менее 700 тысяч человек.

В указанное проблемное поле органически вписывается предмет исследования книги «Поляки в Вологодской области: репрессии, плен, спецпоселение (1937–1953 гг.)», написанной вологодскими учеными Александром Леонидовичем Кузьминых и Сергеем Игоревичем Старостиным. Главная цель настоящей рецензии: дать комплексный анализ этой книги. Логика дальнейшего изложения требует показать, что было конкретно сделано постсоветской историографией по исследованию репрессий против поляков и польских граждан в период сталинизма до выхода данной книги. При этом надо иметь в виду два параметра: общесоюзный и региональный.

По общесоюзному параметру капитально проработано несколько фундаментальных позиций.

Первая позиция: исследование репрессий, датируемых 1937–1938 гг. Квинтэссенция выводов и оценок по этой позиции такова. «В 1937–1938 гг. поляки стали одной из самых многочисленных национальных групп, на которую обрушился маховик "Большого террора". Эта репрессивная кампания получила наименование "польская операция". Любой советский гражданин, имевший польскую фамилию или польские корни, оказывался потенциальной жертвой карательной машины НКВД. Практически во всех регионах СССР, в столичных городах и глубокой провинции, проходили массовые аресты и допросы, выносились приговоры, содержание которых было заранее predetermined. В целом по польской операции было осуждено 139 835 чел., из которых 111 091 чел. был расстрелян и 28 744 чел. направлены в исправительно-трудовые лагеря» (с. 14).

Вторая позиция: выявлено влияние советско-германских договоренностей 1939 года на характер, цели и масштабы репрессий. В результате этих договоренностей СССР получил поддержку Германии на включение в свой состав Западной Беларуси и Западной Украины, которые до этого были частью территориального массива польского государства. В сентябре 1939 года Западная Беларусь и Западная Украина стали объектами советского военного присутствия. Вместе с Рабоче-Крестьянской Красной Армией (РККА) сюда пришли сталинские чекисты. Благодаря интенсивным изысканиям ученых-историков тезис о преступлениях сталинского режима был подкреплён следующими фактами по второй позиции. «Военнослужащие польской армии, захваченные на занятых территориях (248 тыс. чел.), были обезоружены, а половина из них (125 тыс. чел.) – направлена в лагеря НКВД. Большинство солдат вскоре были освобождены (42 тыс. чел.) или переданы германским властям (43 тыс. чел.). Остальные (около 25 тыс. чел.) удерживались в советском плену и привлекались к труду на советских предприятиях и стройках.

Наиболее трагическая судьба выпала на долю офицеров польской армии, сотрудников полиции, пограничной охраны (15 тыс. чел.), которые на основании секретного решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. были расстреляны под Калинином, Смоленском и Харьковом, как «заклятые враги советской власти». Та же участь постигла 11 тыс. польских узников тюрем УНКВД Западной Украины и Западной Белоруссии.

Массовой депортации подверглось польское население с присоединенных к СССР территорий. Около 320 тыс. чел. были высланы в северные и восточные регионы страны» (с. 14–15).

Третья позиция: решение учеными ряда проблемных вопросов касательно отрезка времени, относившегося к 1944–1945 гг. Стартовая точка этого отрезка — смена германского военного присутствия на польской земле советским. Несомненно, полное освобождение страны от германских агрессоров, для которых Вторая мировая война началась с польской земли, имело огромное историческое значение. У самих поляков сил и средств для этого не было. Конечно, эта констатация не умаляет роли польского Движения Сопротивления. Но факт остается фактом: РККА — главная освободительница Польши. Вместе с тем вслед за РККА по польской земле двигались представители советских спецслужб, которые отметились здесь многими зловещими страницами. «Органы военной контрразведки "Смерш" и НКГБ-НКВД арестовывали лиц, сотрудничавших с

немецкими оккупантами, членов польского движения Сопротивления и всех, кто представлял потенциальную опасность для советской власти. Главный удар был направлен против подпольной Армии Крайовой, напрямую подчинявшейся польскому правительству в Лондоне. По данным исследователей, от 39 до 48 тыс. поляков были арестованы и интернированы на территории СССР. В местах лишения свободы они содержались наравне с заключенными и военнопленными гитлеровской армии и были возвращены на родину спустя несколько лет после окончания войны, за исключением тех, кто был осужден и переведен в лагеря ГУЛАГа» (с. 15).

По региональному параметру прослеживается не меньшая продуктивность исследования. «В отличие от других регионов России, в Вологодской области история репрессивной политики советского государства в отношении польских граждан стала предметом специального исследования лишь недавно» (с. 19). Первая соответствующая публикация датируется 1994 годом. Она принадлежала В.Б. Конасову и В.В. Судакову. Указанная проблематика разрабатывалась также в трудах А.Л. Кузьминых, С.И. Старостина, А.Б. Сычева.

«Анализ региональной историографии позволяет сделать вывод, что, несмотря на активное изучение (в 1994–2014 гг. – М.С.) репрессий против поляков на вологодской земле, до 2014 года отсутствовал обобщающий труд по данной теме. Именно эту задачу и призвана решить рецензируемая книга. Авторы рассматривают подготовленное издание не только как дань памяти пострадавшим от сталинского террора польским гражданам, но и как попытку разобраться в собственном тоталитарном прошлом» (с. 21).

Главная научная ценность книги — системная реконструкция датируемого 1937–1953 гг. отрезка в жизни тысяч поляков и польских граждан, когда им пришлось пройти в Вологодской области через репрессии, плен, спецпоселение. Осуществляя системную реконструкцию, авторы одновременно выступали историками, политологами, правоведами, этнографами, культурологами, социологами, психологами. Для этого требуется колоссальнейшая работа над собой. А.Л. Кузьминых и С.И. Старостин весьма успешно прошли курс самообразования по тем из перечисленных отраслей, по которым у этих ученых нет базового образования. Чувствуется также, что они отлично разобрались в механизме функционирования пенитенциарной системы. Попутно заметим, что доктор исторических наук А.Л. Кузьминых преподает будущим сотрудникам этой

системы, работая профессором в Вологодском институте экономики и права Федеральной службы исполнения наказаний. Естественно, базисом исследовательского процесса выступил комплексный подход, который у А. Кузьминых и С. Старостина блестяще коррелируется с институциональным, системным, социокультурным, проблемно-хронологическим подходами. Перед нами образец реализации принципов историзма, объективности, всесторонности, системности, междисциплинарности научного анализа.

А.Л. Кузьминых и С.И. Старостин применяли как общенаучные, так и специальные исторические методы. Рецензент выявил мастерское применение следующих общенаучных методов: анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, абстрагирование, конкретизация. Весьма успешно сработал и тот сегмент методического арсенала, который включает историко-типологический, историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный, историко-культурный методы. В методический арсенал органически вписались три вспомогательных метода: сравнительно-правовой, текстологический, статистический.

Вооружившись солидным теоретико-методологическим инструментарием, авторы скрупулезно проштудировали весьма объемный круг источников.

Становой хребет книги — обобщение гигантского фактологического массива, впервые введенного в научный оборот. «Книга основана на комплексе документов из центральных и местных государственных и ведомственных архивов: Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, архива Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области, архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Вологодской области, Государственного архива Вологодской области, Государственного архива Кировской области, Вологодского областного архива новейшей политической истории, Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Наиболее ценные архивные документы, выявленные в процессе подготовки книги, авторы сочли необходимым опубликовать в оригинале.

Нашли отражение на страницах книги и документы личного происхождения — воспоминания и письма репрессированных. Они позволяют ощутить человеческое измерение жизни в

условиях несвободы, увидеть описываемые события глазами их непосредственных участников» (с. 21).

А сейчас обращаем внимание читателей на научную новизну, которая выявляется при внимательном ознакомлении с каждой из трех глав книги.

Первая глава называется «Большой террор» и «польская операция» (1937–1938 гг.) на территории Вологодской области».

И в этой, и в последующих главах авторы показывают, что в СССР был напрочь исключен из реальной практики принцип презумпции невиновности. Никак не стыковались с этим принципом два документа, которые предрешали судьбу многих тысяч людей. Эти документы существовали для сталинских чекистов в одной связке. Они датированы одним числом. «11 августа 1937 г. вышел оперативный приказ НКВД СССР № 00485, положивший начало массовым репрессиям в отношении поляков. Одновременно с приказом № 00485 за подписью Н.И. Ежова в местные органы НКВД было направлено "Закрытое письмо о фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР" (...)

В целом, Комиссия НКВД и Прокурора СССР в период с ноября 1937 г. по май 1938 г. рассмотрела 9 "альбомов" на лиц, обвиняемых в шпионской и диверсионной деятельности в пользу Польши на основании приказа № 00485 от 11 августа 1937 г., предоставленных УНКВД по Вологодской области, и 5 "альбомов", предоставленных ДТО ГУТБ НКВД СЖД.

Всего в ходе "национальных операций" по делам УНКВД по Вологодской области, представленным в Москву, были рассмотрены материалы по обвинению "в шпионской и диверсионной деятельности" в отношении 290 чел., из которых 221 чел. осужден к высшей мере наказания, 66 чел. — к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, в отношении 1 чел. дело передано на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР, в отношении 2 чел. — в суды общей юрисдикции, в том числе по "польской операции" — 133 чел. (ВМН — 104 чел., 10 лет ИТЛ — 29 чел.). (...)

В то же время по делам ДТО ГУТБ НКВД СЖД были рассмотрены материалы в отношении 239 чел., из которых 100 чел. были осуждены к ВМН, 112 чел. — к 10 годам ИТЛ, 9 чел. — к 8 годам ИТЛ, 3 чел. — к 5 годам ИТЛ. В отношении 7 чел. дела были переданы на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР, в отношении 2 чел. — в Линейный суд СЖД, в отношении

6 чел. — направлены на следствие. По "польской операции" сведения выглядят следующим образом: 119 чел. (ВМН — 49 чел., 10 лет ИТЛ — 55 чел., 8 лет ИТЛ — 5 чел., 5 лет ИТЛ — 2 чел., 4 чел. — в Военную коллегия Верховного суда СССР, 2 чел. — в Линейный суд СЖД, 2 чел. — на следствие) (...)

Репрессированные Комиссией НКВД и Прокурора СССР по «польской операции» составляли большинство: по делам УНКВД по Вологодской области — 45,9 % (133 из 290), по делам ДТО ГУГБ НКВД СЖД — 49,8 % (119 из 239). "Польская операция" стала третьей по количественному составу репрессированных» (с. 25, 28, 30–31).

Конечно, у репрессированных есть потомки, есть и поныне живущие родственники. Они крайне заинтересованы в точной информации об анализируемой категории лиц. Таковую заинтересованность удовлетворяет содержащийся в первой главе «поименный список граждан, репрессированных на территории Вологодской области в ходе «польской операции» 1937–1938 гг. В биограммах указаны фамилия, имя, отчество; год и место рождения; место жительства; национальность; сведения о датах ареста и осуждения; органе, принявшем решение о применении репрессии; дате приведения приговора в исполнение; дальнейшей судьбе или месте отбытия наказания; дате и органе, принявшем решение о реабилитации» (с. 33).

Предмет исследования второй главы – военнопленные и интернированные поляки в лагерях и спецгоспиталях Вологодской области (1939–1949 гг.). Это один из аспектов, который связывает Западную Беларусь и Западную Украину. Автор рецензии три десятилетия живет и работает в Западной Беларуси. Ему хорошо известен путь из Бреста до Вологодчины. Он трижды бывал здесь на солидных научных форумах. Скоро предстоит четвертый форум. После ознакомления со второй главой сразу же возникает желание совместить четвертое пребывание на Вологодчине с посещением зловещих мест, в которые направлялись из Западной Беларуси и Западной Украины военнопленные и интернированные поляки. К сожалению, сюжетная линия второй главы пока никак не отражена в экспозициях западнобелорусских музеев. Для восполнения этого пробела необходима кооперация усилий сотрудников музеев Западной Беларуси и Вологодчины.

Завязка сюжета общеизвестна. 17 сентября 1939 года РККА перешла советско-польскую границу. А уже «19 сентября нарком внутренних дел Л.П. Берия подписал приказ № 0308 "Об организации лагерей военнопленных". Этим приказом

учреждалось Управление НКВД СССР по военнопленным (УПВ НКВД СССР), а также разворачивалась сеть из 8 лагерей для военнопленных. Вскоре были сформированы еще два лагеря — Вологодский (Заоникиевский) и Грязовецкий, находившиеся на территории Вологодской области (...) Первые эшелоны с военнопленными прибыли на вокзалы Вологды и Грязовца 4–6 октября 1939 г.» (с. 101–102).

Эти лагеря не оставались неизменными в плане контингента военнопленных, отношения к ним советских компетентных органов. Авторы показывают, что Грязовецкий лагерь стоял особняком в союзном интерьере. «Несмотря на разницу в возрасте, воинском звании и национальности, пленников Грязовецкого лагеря объединяло одно обстоятельство: большинство из них представляли интерес для советских спецслужб и политорганов» (с. 105). Именно этим можно объяснить следующее обстоятельство. «Материально-бытовые условия в Грязовецком лагере отличались в лучшую сторону от других лагерей и тюрем НКВД. Здесь лучше кормили, не докучали обысками и допросами, внимательно относились к просьбам и ходатайствам» (с. 105).

Авторами проанализированы настроения среди польских военнопленных. Перед читателем предстает мозаичная картина. Среди польских военнопленных были и левые, и правые, и центристы. Дифференциация прослеживалась также по отношению к СССР. Преобладали те, кто оставался верен польскому эмигрантскому правительству во главе с Сикорским, которое до июля 1941 года придерживалось теории двух врагов: СССР и Германии. Без изъятий показаны межнациональные противоречия внутри исследуемого контингента.

В истории лагеря произошли серьезные изменения после нападения Германии на СССР. В июле 1941 года Кремль и правительство Сикорского стали союзниками. Грязовецкий лагерь был втянут в искусную игру Сталина в отношении своего союзника. А.Л. Кузьминых и С.И. Старостин показывают, что «Грязовецкому лагерю принадлежит важнейшая роль в формировании польской армии в СССР. Он стал местом концентрации уцелевшего в катынской бойне польского офицерства. Бывшие "грязовчане" составили костяк армии В. Андерса, формируемой на территории СССР для участия в боевых действиях на советско-германском фронте. Элита этой армии, по замыслу советских властей, должна была стать оплотом будущего польского государства просоветской ориентации. Увы, этим планам не суждено было сбыться. Армия Андерса на территории Советского Союза в сражениях

так и не участвовала, а летом 1942 г. по решению кабинета Сикорского была выведена на территорию Ирана» (с. 117).

Не секрет, что в годы Великой Отечественной войны часть уроженцев Польши воевала на стороне германцев, противостоявших РККА. В этой части были и те, кто оказался в советском плену. К ним надо приплюсовать тех уроженцев Польши, кто был интернирован. «Вологодская область стала одним из регионов СССР, где дислоцировались учреждения для военнопленных и интернированных. Через 6 лагерей с 35 лагерными отделениями и 9 спецгоспиталей прошло свыше 60 тыс. иностранных военнослужащих и гражданских лиц 30 различных национальностей. Среди них, согласно документам НКВД-МВД, было 1450 поляков (988 военнопленных и 462 интернированных). Возможно, эта цифра является неполной, так как документация не всех лагерей и спецгоспиталей содержит сведения о национальном составе контингента.

Одним из наиболее крупных в регионе являлся Череповецкий лагерь-распределитель № 158, сформированный на основании приказа НКВД СССР № 001156 от 5 июня 1942 г. для приема военнопленных с Карельского и Волховского фронтов» (с. 118).

Через два года в городе Сокол появился лагерь № 193. Здесь от военнопленных требовался рабский труд в целлюлозно-бумажной промышленности. Всего за годы существования лагеря через него прошли 363 поляка (с. 119).

Связанная с Великой Отечественной войной история военнопленных уроженцев Польши никак не подходила к финальной точке сразу после ее окончания. Более того, добавился еще один лагерь. «В октябре 1945 г. в окрестностях Череповца начал функционировать лагерь военнопленных под номером 437. Он располагался в селе Богородское, в полутора километрах западнее г. Череповца, и предназначался для содержания старшего и младшего командного состава германской армии. Через лагерь прошло 478 поляков. Наиболее крупный этап поляков (359 интернированных) поступил 12 июля 1947 г. из лагеря № 454 (г. Рязань). В 1947–1948 гг. 148 интернированных поляков (переведенных из лагерей № 158 и 437) содержались в Грязовецком лагере № 150. Рассредоточение поляков по разным лагерям, вероятно, было продиктовано стремлением руководства НКВД-МВД предотвратить групповые акции неповиновения, вызванные задержкой репатриации. Анализ статистики лагерей № 158 и 193 показывает, что поляки, служившие в вермахте, в

подавляющем большинстве были репатриированы осенью 1945 г.» (с. 120).

Глава третья посвящена польским спецпереселенцам на территории Вологодской области. Ее хронологические рамки охватывают 1940–1946 гг. Хорошо известно, что преступный сталинский режим осуществил многочисленные депортации. Сначала людей насильственно выселяли, затем содержали на принудительном поселении, которое называется в литературе спецпоселением. Стартовые точки первых трех депортаций поляков и польских граждан других национальностей из Западной Беларуси и Западной Украины после включения этих регионов в состав СССР были таковы. Первая депортация началась 10 февраля 1940 года, вторая — 13 апреля 1940 года, третья — 29 июня 1940 года. За месяц с небольшим до начала Великой Отечественной войны стартовала четвертая депортация. Каждая из перечисленных депортаций охватывала строго определенный круг лиц. В результате первой депортации на место назначения прибывали спецпереселенцы-осадники, второй — административно высланные "члены семей репрессированных", третьей — спецпереселенцы-беженцы, четвертой — ссыльнопоселенцы.

«К ноябрю 1940 г. в Вологодской области окончательно сформировалась система учреждений для польских спецпереселенцев, состоявшая из 34 спецпоселков (20 — для осадников и 14 — для беженцев) и одного инвалидного спецдома, находившихся в 17 из 43 существовавших тогда административных районов области...

К началу 1941 г. в Вологодской области находилось 13 262 спецпереселенца, из которых 13 139 (осадников — 9 270, беженцев — 3 869) проживали в 34 спецпоселках. Еще 103 чел. содержались в инвалидном доме и 20 — в детских домах (16 детей беженцев и 4 ребенка осадников). По числу польских спецпереселенцев Вологодская область находилась на шестом месте после Архангельской (53 021 чел.), Свердловской (26 819 чел.), Новосибирской (19 594 чел.) областей, Коми АССР (18 722 чел.) и Красноярского края (14 989 чел.). Польские спецпереселенцы продолжали прибывать в Вологодскую область и после 1 января 1941 г., однако новых спецпоселков уже не возникало. В Вологодской области доля поляков среди спецпереселенцев-осадников (71,4% согласно «пофамильным» данным) была заметно ниже, а доля белорусов (20,1%) значительно выше, чем в среднем по республикам, краям и областям расселения (81,7% и 8,1% соответственно]. Среди спецпереселенцев-беженцев же в Вологодской области доля

евреев (95,2% согласно «пофамильным» данным) была заметно выше, чем в остальных регионах расселения (84,3%). В целом среди польских спецпереселенцев обеих категорий в Вологодской области доля поляков составляла немногим более половины (51,8%), а доля евреев — больше четверти (28%). Весьма заметной была и доля белорусов (14,2%). Пребывание лиц, депортированных из западных областей УССР и БССР, на поселении в Вологодской области закончилось их освобождением на основании Указа ПВС СССР от 12 августа 1941 г. «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключении на территории СССР» (с. 306–308, 317).

Конечно, рецензент не может утверждать, что он разобрал все сюжетные линии книги вологодских ученых. Это обусловлено ограниченным объемом рецензии. Но и того, что изложено рецензентом, достаточно для итогового вывода: монографию следует оценить на «отлично».

Кузьминых А.Л. Поляки в Вологодской области: репрессии, плен, спецпоселение (1937–1953 гг.) / А.Л.Кузьминых, С.И.Старостин; Ген. консульство Республики Польша в Санкт–Петербурге [и др.]. – Вологда: Древности Севера, 2014. – 688 с.: илл.

Выписки из культурной периодики

«Газета выборча» (№ 305/2016–2017) опубликовала — под заголовком «Нынешний год — это приговор?» — ответы на вопросы своей анкеты, которая была направлена известным людям и касалась перспектив на 2017 год. В ряду респондентов были также писатели. В ряду литературских ответов мое внимание привлек голос Якуба Корнхаузера, ставшего лауреатом премии им. Виславы Шимборской за лучшую поэтическую книгу, изданную в 2015 году, — поэта и научного сотрудника Ягеллонского университета: «2017 год был провозглашен Годом Авангарда. Время покажет, будет ли патронат, который президент Республики Польша [между прочим, президент и Якуб Корнхаузер — свояки] принял над многими выставками, конференциями и образовательными программами, будет эту авангардность укреплять или, скорее, приведет к тому, что она окажется погребенной под грузом официальных празднеств. Власти приняли смелое решение: как известно, авангардные направления в искусстве сто лет назад были нацелены против буржуазных институтов, против знати с ее консервативным вкусом, против скуки и ожиданий большинства, против устоявшихся канонов и одномерности высказывания. Авангард — это бунт и борьба по всем направлениям, это отрицание традиции, примата разума, логики и миметизма, это действие вопреки сложившимся схемам, это, наконец, выход искусства на улицу. Конечно, куда польским авангардистам — формистам и футуристам — до радикальных экспериментов российского кубофутуризма, немецкого дадаизма или французского и центрально-европейского сюрреализма. Однако же в каждом авангардистском жесте присутствует огонь протеста и несогласия с наличным положением вещей. Даже если такой жест обречен остаться в своей нише. Поэтому я желаю нам всем, чтобы мы в Год Авангарда, глядя на работы и читая тексты Стшешинского, Кобро, Чижевского и Виткация, набирались сил для экспериментов с повседневной рутинной и смелости для выражения непопулярных и оригинальных суждений».

Что же, в этом ответе есть тонко поданная ирония, ведь хотя он является выражением политических убеждений, однако

амбивалентное отношение к участию властей в этом оживляющем дух авангарда предприятии представляется вполне выраженным. Сам Якуб Корнхаузер довольно глубоко погружен в исследования авангарда — недавно он опубликовал два тома, посвященных авангардистским исканиям в Центральной Европе, в которых представил обширный блок переведенных им манифестов румынских авангардистов. Авангард вообще должен сегодня пользоваться спросом — как в академических кругах, где соответствующие исследования в последние годы заметно оживились, так и в кругах литературных и издательских: вот уже можно увидеть анонс о подготовке специального, посвященного творчеству Велимира Хлебникова номера щецинского ежеквартального журнала «Элеватор».

А тем временем на экраны выходит последний фильм Анджея Вайды «Послеобразы», героем которого является один из ведущих творцов польского авангарда — Владислав Стшеминский. Главную роль сыграл там Богуслав Линда, рассказавший о своей работе на страницах журнала «Newsweek» (№ 3/2017): «Анджей несколько иначе, чем я, представлял себе Стшеминского, очень героично. Он не хотел согласиться с тем, что его герой может бояться, переживать минуты сомнений, а в отношениях с женой и дочерью может быть порядочным сукиным сыном. Анджей был из поколения романтиков кино, он предпочитал чистых, благородных героев с саблями в руке на белом коне, а не исковерканных жизнью алкоголиков. Он никогда не искал психологии, его творчество — это картины Мальчевского, пики из кос, все бело-черное. (...) Но при работе над «Послеобразами» мы в конце концов договорились, что я сделаю по-своему. Вайда сказал: «Богусь, играй как сам решил». У нас такая была неписанная договоренность. Я, правда, не особо верил, что он не станет вмешиваться. (...) Но он сдержал слово. (...) Лишь раз — в сцене в комиссариате, когда Стшеминский ждет допроса, а я робко попробовал сыграть страх — Анджей сказал: «Ничего такого, даже не думай, ты должен быть смелым, стоять с поднятой головой». (...) Это было единственное замечание за весь фильм. Я даже думал, что он должен страдать, так вот сидя и ничего не говоря. Но когда он увидел фильм на большом экране, уже после первого монтажа, позвонил мне и сказал: «Богусь, я приношу свои извинения. Ты мне сделал картину». Это, пожалуй, была самая главная фраза, которую я от него слышал. (...) Это был рассказ о художнике, который все время теоретизирует на тему искусства, произносит многословные, напыщенные, академические монологи. И нет здесь никакой психологии, не из чего делать роль. Вот только в самом сценарии был запах правды о тех

временах. А это редкость. Я все время думал, что должен забыть о плохих диалогах, о теории искусства, а должен сыграть безнадежность, так ярко прописанную в сценарии. И что мы делаем фильм не о художнике, а о человеке, который решил, что будет говорить «нет», пусть ценой будет рухнувший брак, ссоры с дочерью, потеря студентов, работы, крайняя бедность. Фильм о временах нищеты и безнадежности. И это мне было близко. (...) Мы делали фильм о творческой личности. Никто не заморачивался над тем, что будет дальше. Делали работу. И только когда занимались последними постсинхронами, я сказал: „Анджей, тебе снова удалось, ты снова сделал политический фильм”».

Владислав Стшеминский (1893–1952), создатель и теоретик унизма, один из самых интересных художников авангарда, в послевоенные годы в силу обстоятельств вступил в конфликт и насаждающей соцреализм властью. Фильм Вайды повествует о последних четырех годах его жизни. Из статьи Петра Сажинского «Видение Стшеминского» («Политика», № 1/2017) можно, в частности, узнать о судьбе художника и его жены, выдающегося скульптора Катажины Кобро, в военные и послевоенные годы: «Для Стшеминского и Кобро война означала тотальный крах. Сначала они решаются на потерпевший полную неудачу побег в Вильно. Когда через несколько месяцев возвращаются в Лодзь, то остаются ни с чем. Их квартиру заняли немцы, о работах никто не позаботился (Кобро выгребала свои скульптуры из помойной ямы, а картины Стшеминского едва удалось вызволить из рук новых владельцев квартиры). Жили в крайней бедности. (...) В порыве инстинкта самосохранения [Кобро] подписывает список привилегированных, так называемых белых русских. Стшеминский не может ей этого простить, путь от любви до ненависти оказался на удивление коротким. Наш герой регулярно избивает жену (костылем), психологически издевается над ней. Семейная драма не завершается и после войны. В 1947 году Стшеминский окончательно уходит из дома и подает на жену судебный иск о лишении ее родительских прав по причине того, что та не обеспечивает дочери воспитания в национальном духе. Процесс он проигрывает».

Именно с этого момента начинается действие фильма Вайды. Сажинский замечает по этому поводу: «Биографическому, художественному повествованию о Стшеминском, безусловно, должен сопутствовать, как минимум, трехчастный образовательный фильм, посвященный его творчеству. Это непростая задача, так как даже после многих десятилетий авангардное творчество и теоретические воззрения художника

довольно трудны для перевода на общепонятный язык. Это ощутимо даже в фильме Вайды, в котором любые попытки прояснить через главного героя его творческие концепции звучат искусственно и не особо вразумительно. Чтобы подчеркнуть, что вопрос серьезный, приведу слова из текста выдающегося историка искусства Анджея Туровского: „Пуристические тенденции нашего века, усвоенные Стшеминским, позволили ему передать акцидентные аспекты картины, а далее – выделить в ней примарные элементы”». Приходится признать, что для среднего человека это нечитабельное объяснение. Так что дополним его, приведя заключение статьи Сажинского: «В 1958 году, через несколько лет после смерти творца, вышла его «Теория видения», масштабный исторический анализ, в котором на примере конкретных художников и их произведений показано, как они воспринимали окружающий их мир и как переносили его на холст. Наиболее известным элементом стало понятие «послеобразы», которое послужило Вайде для названия фильма. «Послеобраз» — это такое изображение, которое остается на сетчатке глаза после внимательного, длительного взгляда на отражающий свет предмет или на сам источник света. И оно сохраняется еще на мгновение, когда мы перестаем смотреть. Этот фантом Стшеминский старался перенести на холст, называя свои произведения соляристическими картинами, с характерной волнистой линией и чистыми, контрастно сопоставленными пигментами. Была в теории видения главная мысль, которая могла бы послужить автору фильма эпиграфом и завязкой сюжета: важно рисовать не то, что ощущается, а то, что видится». Безусловно, одним из главных послеобразов в видении Вайдой мира было время сталинизма, чему свидетельством такие фильмы, как «Человек из мрамора» и последнее его произведение.

Оператор «Послеобразов», Павел Эдельман, рассказывает о своем сотрудничестве с режиссером в интервью «Газете выборчей» (№ 11/2017), опубликованном под заголовком «Я слышу, что ты говоришь, Павел»: «Мы долго раздумывали, как этот фильм должен выглядеть. В первом телефонном разговоре Вайда сказал, немного иронизируя: «Павел, я бы хотел, чтобы мы сделали глубоко художественный фильм». Мы перебирали в разговорах разные варианты, начиная с немецкого экспрессионизма, и в конечном итоге решили остановиться на статичной камере и довольно широких планах, которые давали бы композиционную замкнутость. Мы не опирались на конкретные картины. В сцене смерти сначала планировали секвенцию компьютерной анимации, инспирированной идей

послеобразов, но Анджей в последний момент этот замысел отбросил».

Наверное, имеет смысл сейчас напомнить, что Анджей Вайда был не только кинорежиссером, но и художником, — так что в этом фильме он объединил обе сферы своего творчества. Он принадлежал также к тому поколению, которое вступало на путь творчества в эпоху, когда коммунистическая система (подобно тому, как раньше нацисты) боролась с авангардом как с одним из видов «дегенеративного искусства». В таких обстоятельствах последовательно повторяемое Стшеминским «нет», его отказ сотрудничать с режимом, оказывались не просто бунтарским жестом, но были защитой свободы художественного поиска — свободы и бескорыстия, что, заметим, соответствует Кантовому пониманию искусства как свободной и бескорыстной игры вольного разума.

Ежи Гужанский

Стихотворения

Спектакль

Входят и выходят.
Выходят и входят.
По трое.
По восьмеро.
А то и по тринадцать кряду.
Кто-то принёс стулья.
Кто-то (вместе с семьёй)
Пару столов.
Два гроба.
Потом все сбежали.
Жалко гробов,
Они пустые.
А ведь пугали,
Как будто были набиты.
Форма страшит,
Идеи смешат.

Хотел подключиться
Какой-то тип с бакенбардами.
Вроде, порядочный.
Так его не пустили.
В конце концов
Вынесли гробы.
И пустили его.

Какой был финал!

Женский голос
Потоком с потолка,
По-бенгальски:
«Саб бхало».
Что значит:
«Всё в порядке!»
Голос пронзительный, безнадёжный.

Миракль

Такой миракль случается, когда хочешь выйти из дома, а ботинок нет.
Вот и ждешь (иногда целый месяц), чтоб ботинки вдруг сами тебе на ноги наделись.
А уж как наденутся — ну, тут и миракль.
Чудо, то есть.
Новёхонькие, носочек узкий, в пятках не жмут.
Сидят освободительно и безмозольно; порядочный-то башмак — он порядочному и впору (даже без распорок), точно сабля какая на генерале.

Читая в болезни «Доброе утро» Джона Донна
Я один из Семи Спящих Братьев:
юношей скрылся в пещере и сплю уже 77 лет,
значит, осталось 110, чтобы проснуться.

«Кто хочет, пусть плывёт на край земли
Миры златые открывать вдали —
А мы свои миры друг в друге обрели»^[1].

— Доброе утро, — однажды каждый ответит,
Но там, на далёкой планете,
Где никто не восстанет от сна,
Только зов пробудится в нас:
Мы ведь больше хотели знать,
Чем любить.

— Доброе утро — как тучу средь бури,
Свет откровения скроет напрасное рвенье,
Чтоб перед Богом
Остаться в долгу нам навеки.

Станислав Бараньчак пишет в комментариях
к поэтической антологии «От Чосера до Ларкина»:
«Семь Спящих Братьев, согласно христианской
легенде, — семь отроков из Эфеса
во времена гонений, устроенных

императором Децием, укрылись в пещере
и проспали там 187 лет».

Как я нашел и потерял друга

С улицы пришёл человек и сказал: «Я твой друг».
Но я не знал его, я дал ему по морде и спустил с лестницы.
Он явился снова и сказал, что отлично меня знает.
Что ж — пусть докажет.
Он велел мне раздеться догола и
Достал из кармана пальто длинные клещи.
Сперва содрал с меня кожу, потом по очереди
Выложил на стол мои легкие, сердце, желудок, печень.
Работал вроде беспорядочно,
Зато на совесть.
Когда от меня остался голый скелет и только голова
Была еще цела,
Человек, сунув руку мне в горло,
Ухватил меня за мозги и с силой рванул их к себе.
Я взвыл от боли.
Он с оскорблённым видом швырнул мои мозги мне в лицо
И, хлопнув дверью, вышел.
Так я лишился друга.

Биогра

Стихи доносятся сквозь сон.
Бормочут тихо,
Невнятно.

Синтаксический шум.
Беззвучное усечение
Приставок, суффиксов, окончаний:
Биогра,
Биогра,
Авто,
Фия.

Сонные стихи мои
Никогда не покидают
Первыми
Своих гнёзд,

Берлог,
Жилищ.

Покорно ждут,
Когда их разбудит
Дух-покровитель
Территории.

— Что ты делаешь?
— Охраняю твои границы.

Стихи, еще живые,
Не приходят днём.
Им больше по нраву ночь,
Свет фонариков.

Издали это похоже
На налёт светлячков:
Кружащиеся огоньки.
Вертикальная дрожь.
Узкая трасса
Всполохов и восторгов.

Они стремятся в небо,
Желая в нем затеряться.
А их тянет к земле,
Чтоб они воплотились в снах.

Слишком приблизившись — гаснут.
Метаморфозы вписаны в завещание.
О, знакомые формы.
Запахи вырываются из забвенья.
Внутренние ритмы поднимают голову.

— Что ты делаешь?
— Охраняю твои границы.

Ходьба

Сначала я делал вид, что меня это не касается,
Но вот я упал навзничь, и мне стало не по себе.
Лёжа, я вытянул правую руку вверх, зная, что где-то здесь
Должен быть крюк.
Действительно, крюк был на месте.
Он пробил мне ладонь.
Кое-как удалось встать на ноги, но природная лень

Помешала мне снять ладонь с крюка.
Я замер на месте, и пусть крюк причиняет немалую боль,
В сущности, я счастлив — для начала
Не так уж плохо.

1. Перевод Г. Кружкова.

Императив независимого бытия

Ежи Гужанский (фото: East News)

Ежи Гужанский (1938–2016) — поэт, прозаик, эссеист — в период дебюта был связан с группой «Поэтическая ориентация “Гибриды”», которая объединяла авторов, впервые выступивших в печати в начале 1960-х годов. Критика называла их «поколением ‘60». Первая книга стихов Гужанского — «Репетиция пространства» — была довольно доброжелательно принята критикой. Всего же он опубликовал семнадцать поэтических сборников; последний — «Представления» — вышел посмертно. Его завершает строка: «Любой конец — это начало», снабжённая припиской внизу страницы: «(как утверждают буддисты)».

Сборником «Вне этого мира» (2011) Гужанский подтвердил высокий ранг своей поэзии, опирающейся на опыт отечественного авангарда и на искания поэзии иноязычной, прежде всего французской, связанной с именами Андре Бретона, Блеза Сандрара, Анри Мишо. Его стихи, все более насыщенные интеллектуально, даже философски, часто

тяготеют к интеллектуальной игре. Таково, к примеру, стихотворение «Песнь капитана Немо» из сборника «Дебют с ангелом» (1997). Наряду с эхом юношеского чтения фантастики Жюль Верна мы обнаруживаем здесь отсылку к «Успокоению» Юлиуша Словацкого, где речь идет о «колонне в Варшаве», на которую садятся перелетные журавли:

Есть такая улица на Праге,
Над которой никогда не пролетали
Перелётные журавли,
А только стаи ворон
В декабрьской дымке.

Варшавская Прага и ее реалии возникают в поэзии Гужанского все чаще, что, несомненно, имеет автобиографическую подоплеку: именно там поэт провел детство и юность, а именно к этому периоду он возвращается в своих последних книгах, не только поэтических (упомянем том прозы «С чего-то надо начинать», вышедший в 2009 году).

В творчестве Гужанского все чаще происходит своего рода смешение жанров, начинает доминировать поэтическая проза и наконец — в последней книге — поэтическое эссе. Так Гужанский входит в круг авторов, ищущих для поэзии новую форму выражения, «форму более ёмкую», говоря словами Чеслава Милоша. На первый план выходит вопрос взаимозависимости языка и реальности. Не случайно последнюю книгу миниатюрных поэтических эссе Гужанского открывает аллюзия на тезис Людвига Витгенштейна: «Границы моего языка суть границы моего мира». Цитата из «Логико-философского трактата» венского мыслителя парирована утверждением поэта: «Мир и язык философа — не то же, что мир поэта, который занят более собственным языком, чем собственным миром. Ибо свой язык он соотносит со своим миром, в то же время помещая его вне этого мира».

Гужанский противопоставляет когнитивной функции языка его креативную функцию. На этом языке можно услышать «песнь капитана Немо» и открыть «мир подводного мореходства» в тусклой реальности варшавской Праги 50-х годов прошлого столетия. И вот в очередной картине его эссеизированной поэмы появляются:

Зашифрованный план детства (в том моём давнем пражском мире):

Берет (он мне велик)
Паркет (натёрт)

Костюмчик (тесноват)
Селёдка в сметане (что надо)

Возможно, этот шифр уже и не прочесть, как нельзя воспроизвести жизнь предвоенных городов по их планам: остались названия, навевающие образы, подобные сонным видениям, но выразить эти образы словами уже невозможно. Они существуют только в мире поэмы — в мире вне мира. Отсюда драматизм финального вопроса: «Могу ли я выйти из мира века сего и оказаться в мире, не готовом ни к какому бытию?» Ясно, что на этот вопрос нет ответа. Или годится любой ответ. В том числе молчание.

В очередном сборнике «Всё есть во всём» — очевидно: поэт диктаторски подчиняет себе мир, как бы нехотя завладевая словом. «В конце концов, поэт есть тот,/ Кто говорит, — то бишь диктатор», — читаем в закрывающем книгу стихотворений «Dictum factum», или: «сказано — сделано». Название заимствовано у римского комедиографа Теренция, и быть может, не случайно комедиография служит контекстом и главной мыслью не только одного произведения, но и всей книги. Естественно, комедия здесь — не фарс; шутки, которыми потчует Гужанский, — шутки весьма серьёзные.

Один из источников этого юмора, несомненно, — тип сюрреалистического видения, которое позволяет обрести по отношению к «реальному» ироническую дистанцию, что, быть может, полней всего выражено в своего рода поэтическом манифесте — стихотворении «Харизматическое обособление»:

Сделать внеличным,
Деперсонализировать процесс
Стихосложения. (...)
Обособившись от своей особы —
Вырвать из языка
Огненный столп грамматики.

Эти слова не удивляют на фоне декларации в «Покорной экзистенции сна»: «Безлюдья всего прекрасней». «Императив/ Независимого бытия» оказывается в мире непростительным («Тенденциозная работа рук»). А значит, от мира нет прощенья и поэзии, особенно той, что дистанцирована, погружена «Во тьму/ Неразличимой длительности» («Быстрее возвраты — медленней раздумья»), а именно такой стала поэзия Гужанского.

Философское измерение этой лирики, пожалуй, точнее всего можно выразить словами «иронический стоицизм». Сегодня

— а современность в этих стихах важная точка отсчета — во времена, когда (читаем в «Мудрёных революционных сюжетах») «Честь изгнана в Сибирь», невозможно без иронии наблюдать ход событий и оценивать позиции людей. В стихах автора «Священной грязи» (переломной для его творчества книги, вышедшей в 1985 году) мы имеем дело с сочетанием концентрированного жизненного опыта и читательской эрудиции. Признаюсь, давно я не читал сборника стихов, столь густо насыщенного сносками, составляющими неотъемлемую часть поэтического повествования, но и выполняющими дополнительную функцию. Сноски манифестируют снисходительность к читателю, не способному распознать литературные ассоциации.

Интертекстуальность лирики Гужанского очевидна, а демонстрация источников составляет существенный момент его писательской стратегии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что поэт для него — «Одиночка, возводящий грани своей вселенной» («Неизменная точка»). Однако важнее иное: этот одиночка стремится к другим — без надежды, что до них доберётся, но несмотря ни на что веря, что этот путь имеет смысл. Как гласит финал стихотворения «Дорога не исчезает» из последней книги Гужанского:

Идите за тем,
Что не кончается никогда.

Культурная хроника

Национальный музей в Варшаве предстал в новом блеске: 22 декабря 2016 года открылась значительно измененная и обновленная экспозиция Галереи старых мастеров. Музей славится знаменитыми произведениями европейских художников, таких как Сандро Боттичелли, Джованни Беллини, Якоб Йорданс, Лукас Кранах Старший, Тинторетто, художники круга Рембрандта. Однако в экспозиции нашли место также ценные объекты из коллекции декоративного искусства, в том числе коронационный плащ и инсигнии Августа III Саксонца, фарфор, стекло, горный хрусталь, изделия златокузнецов. В чем состоит «новизна» галереи, Национальный музей поясняет на своей интернет-странице: «Объединяя различные техники, мы хотим отойти от традиционного дискурса истории искусства, который отделял «высокое» изобразительное искусство — живопись, скульптуру, рисунок и графику — от художественного ремесла, полагая его прикладным. Но ведь в давние времена такого разделения не существовало. В принципе, все эти области искусства трактовались равноправно». Обновленная галерея демонстрирует дворцовую, религиозную, городскую культуру. Но это еще не все перемены в столичном Национальном музее. Директор Агнешка Моравинская во время официального открытия Галереи старых мастеров выразила надежду, что вскоре произойдет открытие постоянной Галереи дизайна, а через год или два Галереи искусства Древнего мира.

«Дама с горностаем» Леонардо да Винчи, одно из самых ценных произведений искусства на территории Польши, вместе со всей коллекцией Чарторыйских стала собственностью государства. Бесценное собрание в конце декабря 2016 года государство выкупило за 100 млн евро. В Бальном зале Королевского замка в Варшаве соответствующий документ подписали министр культуры Петр Глинский и князь Адам Кароль Чарторыйский. В собственность Государственного казначейства перешла вся коллекция вместе со зданиями Музея Чарторыйских в Кракове. Приобретенное собрание включает 85 тыс. музейных объектов и около 250 тыс. единиц библиотечного хранения. Вся коллекция попадет в Национальный музей в Кракове. Кроме «Дамы с горностаем» Леонардо да Винчи и «Пейзажа с добрым

самаритянином» Рембрандта, в собрании присутствует, в частности, графика Рембрандта, рисунки Огюста Ренуара, акт Прусской присяги 1525 года, рукописи «Ежегодников» Яна Длугоша.

Приобретение вызвало немало разнотолков. Эксперты спрашивают, имело ли смысл покупать то, что и так было в Польше. «Возможно, рассчитывали на спонтанную общественную поддержку для замысла под девизом «Дама для Суверена», — пишет Петр Сажинский в «Политике». — Если так, то все эти надежды оказались тщетными. (...) Затягивающую пояса общественность трудно убедить, что имеет смысл из государственной кассы выложить миллиард злотых на это приобретение. Сразу же с силой цунами пронесся традиционный аргумент о недофинансированном здравоохранении, нехватке детских садов и т.п. А также, конечно, о нищете в театрах, протекающих крышах музеев, коллапсе культурно-просветительной работы и т.д. Народу трудно понять, что власть, которая выпячивает свой плебейско-социальный облик, неожиданно так захотела набить кошелек потомкам аристократов. Вдобавок нужно ли для дела искусства? 60% граждан признаются, что не знают фамилии ни одного художника (даже Матейко), 53% — ни разу в жизни не побывали ни в одном музее или галерее, а только 1% заявляет, что бывают там регулярно. И даже те, кто особенно близко к сердцу принимают судьбы польской культуры, искусства и национального наследия, признают, что располагают намного лучшими идеями, на что направить такую сумму».

В прошлом году кинотеатры в Польше посетило 51,5 млн зрителей. Со времен общественной трансформации это абсолютный рекорд: почти на 7 млн больше, чем в предшествовавшем году и на 15 млн больше, чем в 1913-м. В этом успехе большая роль принадлежит польскому кино: отечественные фильмы посмотрели 12 млн зрителей. Кассовым рекордсменом стала картина «Питбуль. Опасные женщины» Патрика Веги — свыше 2,7 млн зрителей. Среди наиболее охотно посещаемых фильмов оказались также «Планета синглов» словенского режиссера Мити Окорна (1,9 млн зрителей), «Волынь» Войцеха Смажовского (1,4 млн) и «Семь вещей, которые вы не знаете о парнях» в режиссуре Кинги Левинской (1,1 млн).

Торжественная премьера «Послеобразов», последнего фильма умершего осенью прошлого года Анджея Вайды, прошла 12 декабря в Лодзи. В реконструированном машинном зале старой электростанции ЕС1 собралась многочисленная группа создателей фильма и игравших в нем актеров. Среди последних был Богуслав Линда, исполнитель главной роли — авангардного художника Владислава Стшеминского, подвергавшегося преследованиям коммунистических властей. Критики находят в последнем фильме Вайды некоторые слабости (например, недоработанный сценарий), однако солидарно подчеркивают, что картина несет важное послание для наших времен, показывая цену, которую надо платить за защиту свободы и демократических принципов.

«„Послеобразами“, своим кинематографическим завещанием, — пишет Януш Врублевский в „Политике“, — Вайда затрагивает и сообщает что-то потрясающе важное. 90-летний режиссер говорит о закручивании идеологических гаек, социальном контроле, бьющем по достоинству. Он внимательно присматривается к непокорному, выдающемуся художнику, у которого, словно у Иова, отнимают практически все. Фильм дополняет трагическая панорама польских судеб времен насилия и страха. Рядом с гибнущим на свалке бойцом Армии Крайовой Мацеком Хелмицким из «Пепла и алмаза» и строящим новый мир передовиком производства Матеушем Биркутом из «Человека из мрамора» режиссер ставит теперь одинокого художника, систематически лишаемого принадлежащих ему прав, но, несмотря на это, верного себе и своему искусству до самого конца».

Пришедшуюся на 8 января 50-ю годовщину трагической гибели Збигнева Цибульского почтили во Вроцлаве. В Центре аудиовизуальных технологий прошел просмотр фильмов, в которых он играл, и был открыт его бюст. Киноманы помнят Збышека Цибульского по таким фильмам, как «Пепел и алмаз» (незабываемый Мацек Хелмицкий), «Рукопись, найденная в Сарагосе», «Как быть любимой», «Джузеппе в Варшаве» (в советском прокате «Итальянец в Варшаве»), «Сальто». Любимый поклонниками польского кино актер погиб в возрасте 40 лет под колесами поезда, в который попробовал запрыгнуть с третьей платформы железнодорожного вокзала Вроцлав-Главный.

Уже 24-й раз талантливым молодым деятелям искусства присуждались «Паспорта Политики» за художественные достижения (по итогам 2016 года). Торжественная церемония вручения премий прошла 10 января в варшавском Большом театре — Национальной опере. И впервые ее транслировало не общественное телевидение, а частный канал TVN. Не было также представителей государственной власти.

— Когда-то было так, что художники бойкотировали власть, сегодня власть бойкотирует художников, — отметил Ежи Бачинский, главный редактор «Политики». — Так что, господа, мы сегодня салон отверженных. Но мы не плачем.

В числе лауреатов Ян П. Матушинский, режиссер «Последней семьи», киноповести о семье художника Здзислава Бексинского, а премию в области художественной прозы получила писательница Наталья Федорчук-Цесляк, автор книги «Как полюбить торговые центры». В категории «Театр» премией отмечена французско-польский режиссер Анна Смоляр, которая поставила, в частности, «Еврейских актеров» Михала Бушевича в Еврейском театре, и «Дибук» Игнация Карповича (по мотивам драмы Шимона Ан-ского) в «Театре польском» в Быдгоще. Принимая премию, Анна Смоляр напомнила о трудном положении, в котором оказался варшавский Еврейский театр, лишенный собственного помещения, а также о конфликте между труппой и Цезарием Моравским, директором «Театра польского» во Вроцлаве. В категории визуальных искусств «Паспорт» получил Даниэль Рыхарский, который прославился акциями в своей родной деревне Курувко в северной Мазовии. Автор «Памятника мужику» пояснил, что «хотел обратить внимание на проблемы деревни, которые мало интересуют варшавскую интеллигенцию». В области академической музыки отмечена дирижер Мажена Дякун, а в категории популярной музыки — саксофонист и композитор Вацлав Зимпель. Номенклатура премии расширилась: предусмотрена категория «Цифровая культура», включающая, в частности, компьютерные видеоигры, приложения и различные формы интернет-искусства. Первым лауреатом стал Михал Станишевский за компьютерную игру «Боунд».

Специальную премию «Творец культуры» получил один из крупнейших польских джазовых музыкантов Ян «Птаха» Врублевский как «добрый дух польской джазовой музыки от самых ее начал по нынешний день».

Новым директором Королевского замка в Варшаве стал Пшемислав Мрозовский, который почти год был исполняющим обязанности директора; он также был заместителем директора по музейной и научной работе. Доктор наук Пшемислав Мрозовский связан с Замком уже 30 лет; он историк искусства, автор около ста научных публикаций, преподаватель Университета кардинала Стефана Вышинского в Варшаве. Директорский контракт заключен на три года.

Вступил в должность также новый директор Национального центра культуры. Им стал кандидат социологических наук Рафал Висневский (р. 1977), связанный с факультетом исторических и общественных наук Университета кардинала Стефана Вышинского. Национальный центр культуры — это государственное культурное учреждение, задача которого, в соответствии со статутом, осуществление деятельности в пользу развития культуры в Польше.

Выставку «Эрвин Аксер. Столетний юбилей. 1917–2017» можно посмотреть в варшавской галерее «Кордегардия». Это первое из мероприятий, связанных со столетием выдающегося режиссера, писателя и многолетнего директора театра «Вспулчесны», в течение многих лет считавшегося лучшей сценой в Польше. «Сфера его литературных интересов была огромна, — читаем на странице галереи “Кордегардия”. — Он обращался к классикам — Словацкому, Гете, когда мог через их произведения сказать что-то важное о нашей текущей жизни. Был одним из главных постановщиков пьес Славомира Мрожека, начиная с канонической интерпретации “Танго” (1965). В 1976 году премьерой “Вечеринки для Бориса” он ввел на польские сцены творчество Томаса Бернхарда. Современную драматургию Аксер использовал, чтобы свести счеты с историей XX века: в “Беспокойном дежурстве” Е. Лютовского — с польским сталинизмом, в “Дознании” П. Вайса — с Холокостом». Девизом Аксера, чуткого к новым тенденциям в мировой драматургии, было «Удержать Польшу при Европе». Его театр «Вспулчесны» выполнял функцию неформального салона столицы, был местом встречи интеллигенции, серьезного разговора со зрителем. Наделенный литературным талантом, Эрвин Аксер оставил после себя замечательные театральные фельетоны и четырехтомный цикл личных записей «Упражнения памяти». На выставке в «Кордегардии» представлены фотографии сцен из избранных театральных спектаклей Аксера, фрагменты его эссе, а также юбилейная

марка Почты Польши и виртуальная экспозиция, подготовленная Институтом театра.

Выставка будет работать с 23 января по 19 февраля 2017 года.

Правобережная Варшава получит новый центр музыкального искусства, связанный с оркестром «Sinfonia Varsovia». Проект адаптирует старинные здания бывшего Ветеринарного института Главной сельскохозяйственной школы на улице Гроховской. Строительство института велось в 1899–1900 годах по проекту Владимира Николаевича Покровского, который был архитектором Варшавско-Холмской епархии (проектировал, в частности, церкви в Варшаве, Томашуве, Пултуске, ему принадлежит проект реконструкции дворца Сташица). В зданиях старой постройки найдут место кафе, ресторан, камерный зал и учебное пространство. Предусматривается строительство нового концертного зала. Комплекс будет окружен парком.

Оркестр «Sinfonia Varsovia» — ведущий польский оркестр, образованный в 1984 году на базе Польского камерного оркестра. В течение многих лет коллектив выступал в лучших концертных залах мира, не имея собственного помещения в Варшаве. Сейчас будет сооружен, по проекту австрийского архитектора Томаса Пухера, большой центр музыки, состоящий из пяти залов: главного на 1850 мест, малого зала на 300 мест и трех камерных залов приблизительно на 150 зрителей каждый. Работы общей стоимостью около 280 млн злотых будут завершены в 2022 году.

В Музее архитектуры во Вроцлаве представлена уникальная выставка фотографий Кременца 30-х годов прошлого века. Их выполнил уроженец Варшавы Людвик Гроновский (1904–1944), который приехал на Волынь как учитель Кременецкого лицея. Был мастером студийного портрета. С успехом выполнял также пейзажные и городские мотивы. О нем с восторгом пишет сегодня Рышард Горовиц, известный польский фотохудожник, работающий в Соединенных Штатах: «Снимки Людвика Гроновского — неповторимо уловленные им и прекрасно исполненные — передают почти сказочную атмосферу межвоенной эпохи. Здесь, среди иного, фрагменты пейзажей разных времен года и люди как их часть. Особенно заинтриговали меня портреты женщин, исполненные в стиле голливудских фотографий тридцатых годов». Экспозиция в

Музее архитектуры сопровождается двуязычным (польско-английским) каталогом, в котором репродуцируются все сохранившиеся работы мастера. Выставку «Людвик Гроновский. Фотографии. Кременец / Волынь 1930–1939» можно увидеть до 19 марта.

Прощания

10 декабря 2016 года умер Роберт Стиллер — писатель, поэт, эссеист, лингвист и литературовед, а также выдающийся переводчик. Он перевел, в частности, «Лолиту» и «Бледное пламя» Владимира Набокова, романы Яна Флеминга, «Монстров и критиков» Толкиена. «A Clockwork Orange» Энтони Берджеса он перевел на польский дважды — в версии Р (русской) как «Механический апельсин» и в версии А (английской) как «Заводной апельсин»^[1]. Ожидалась и версия Н (немецкая), которая должна была называться «Апельсин на пружинах», но эту работу он уже не успел выполнить. Роберт Стиллер в разной степени знал более 30 языков. Ему было 88 лет.

23 декабря 2016 года в Варшаве в возрасте 67 лет умер Станислав Велянек — вокалист, композитор, знаток городского фольклора, лидер «Черняковской капеллы», затем «Варшавской капеллы». В его наследии — 34 пластинки, в том числе 6 золотых дисков, а на его счету — около 4 тысяч концертов. Станислав Велянек собрал одну из крупнейших в мире коллекций нот, текстов песен и материалов, связанных с песнями старой и новой Варшавы.

29 декабря 2016 года в Кракове в возрасте 95 лет скончался Ежи Помяновский — писатель, переводчик, публицист, знаток России, главный редактор «Новой Польши».

1 января 2017 года в Варшаве умер Александр Яцковский, специалист в области культурной антропологии, этнограф и художественный критик, автор многочисленных работ о народном искусстве, новейших течениях, l'art brut и примитивизме. Многие годы был редактором ежеквартального журнала «Контексты. Польское народное искусство». Его перу

принадлежат, в частности, такие книги, как «Искусство, называемое наивным», «Цепелия. Традиция и современность», «Скорбный пейзаж. Придорожные часовни и кресты», «Польское народное искусство». Он был выдающимся знатоком творчества Никифора, а о его книге «Мир Никифора» рецензент писал: «С огромным уважением и восхищением Александр Яцковский относится к творчеству Никифора. Никто иной не смог с таким вниманием, проницательностью и деликатностью написать об искусстве Каспара Хаузера из Крыницы. Яцковский не считает Никифора Крыницкого художником стиля *art brut*, примитивистом, независимым от культуры. Напротив — он показывает связь Никифора не только с природой, но и с традициями европейской живописи, особенно религиозной». Александру Яцковскому было 97 лет.

3 января в Варшаве умер Михал Кулентый, композитор, инструменталист и педагог. Он играл преимущественно на саксофоне, поэтому критики часто называли его «польский Гарбарек» и «поэт саксофона». Играл также на фортепьяно, кларнете, различного вида флейтах, гобое и на народных инструментах. Его вдохновляли религия и польский фольклор. «В музыке меня интересует, прежде всего, духовная сторона, а поскольку ближе всего мне моя родина, я и играю польскую музыку», — сказал Михал Кулентый в одном из интервью. Ему был 61 год.

7 января в Гдыне умер Ежи Косселя, гитарист, вокалист, автор песенных текстов и композитор, один из основателей популярной группы «Червоне гитары». Ему было 74 года.

*

Умерла Кристина Пашек (1944–2017). Долгие годы она заведовала секретариатом «Новой Польши». Несмотря на трудные жизненные обстоятельства она всегда сохраняла присутствие духа и чувство юмора, щедро одаряя им всех вокруг.

Редакция «Новой Польши»

-
1. В своем романе Э. Берджес часто прибегает к смешению русского и английского языка. — Примеч. пер.

Лицо

1.

Виктор Ворошильский, один из самых выдающихся переводчиков русской поэзии, в книге о «своих москалях»^[1] подчеркивает: ««Бобэоби пелись губы»

[2]

[3]

[4]

[5]

[6]

[7]

[8]

— это единственное стихотворение Хлебникова, которое я попытался перенести в польский язык». Подчеркивания здесь особенно заслуживает слово «попытался». Ведь в случае Хлебникова, как, впрочем, и многих других поэтов, делающих предметом своего внимания язык — чаще всего, собственный, хотя бывает и иначе — трудно говорить о переводе в том понимании, которое присутствует при переложении на польский того же Пушкина или Мандельштама: задачи всегда похожи, только неравны степени трудности.

Но это к лучшему, что Хлебников — со своим «будетлянским» языком и «заумью» — переводится с трудом: именно здесь видно, как на ладони, что — вопреки тому, что говорят противники экспериментов и концептуальных поисков — что заниматься языком это, всегда и прежде всего, заниматься человеком.

Польская версия — точнее, польская версия Ворошильского — стихотворения Хлебникова выглядит (и звучит) следующим образом:

Bobeobi warg zaśpiewy
Weeomi wejrzeń śpiewy
Pijeeo brwi dośpiewy
Lijeeje owal zarys
Gzi-gze-gzo łańcucha śpiew
Tak na płótnie rozpiętym współzależności jakowychś

Poza wszelkim wymiarem żyła Twarz

Несколько иначе выглядит (и звучит) это стихотворение в польской версии Адама Поморского:

Bobeobi grają wargi.
Weeomi grają oczy.
Pieeo grają brwi.
Lieej gra oblicze.
Gzi-gzi-gzeo łańcuch gra.
Tak to na płótnie jakichś tam odpowiedników
Poza rozciągłością mieszkała Twarz.

В этом месте не стоит стараться анализировать «верность» переводов относительно оригинала, хотя проблема «перевода» эхололий, открывающих очередные строки, выглядит в звуковом слое довольно интересно: сравнение «Пиеэо» и «Лиеэе» Ворошильского с «Пиээо» и «Лиээй» Поморского — с учетом того, что, по сути дела, оба «переписывают» (с кириллицы на латиницу) слова русского текста — это не только проблема правильной (если таковая вообще существует, в конце концов, это вопрос условный) транскрипции, но еще и музыкальной структуры этого, признанного программным, произведения поэта. Эта структура, кажется, меньше всего интересует автора, пожалуй, старейшей польской версии этого стихотворения Хлебникова, Яна Спевака:

Bobeobi śpiewały się wargi,
Weeomi śpiewały wzroki,
Pieeo śpiewały się brwi,
Lieej śpiewało się oblicze,
Gzi-gzi-zgeo śpiewał się łańcuch,
Tak na płótnie jakichś współmierności,
Poza przestrzenią zamieszkiwała twarz.

Спевака интересует, прежде всего, возвратность пения (как в оригинале): звучность телесности — губ, взгляда, бровей, облика — сосредоточенная в Лице (по-русски с большой буквы: к этому вопросу мы еще вернемся).

Стоит внимательно вчитаться в эти отличные друг от друга версии — но не для того, чтобы решать, который из переводов «лучший» (более точный, правильный, более доступный поэтически), но чтобы, в особенности, не зная языка оригинала (ведь всех языков нам не изучить, так что мы полагаемся на работу переводчиков), но чтобы, имея в виду не подлежащую упрощению многозначность произведения, оправдывающую, тем самым, множественность прочтений, попытаться на

прочтение смысла этой поэтической фиксации и даже чего-то большего: смысла поисков в том искусстве слова, которое практиковал русский автор (стоит напомнить, что, как многие литераторы его круга, он также занимался, хотя лишь от случая к случаю, живописью).

2.

В этом случае, как и в любом другом, нужно, помимо поверхностного восприятия («нравится» произведение, либо, напротив, «не нравится»), погрузиться в пространство, создаваемое, если использовать популярное и неточное определение, «духом эпохи». А позади у нас уже — и в сфере русской поэзии тоже — опыт символизма, сущностью которого может быть утверждение, что языку не до конца удастся совладать с действительностью, но который еще и вызывает предчувствие, что здесь, «где-то под поверхностью», что-то есть. Об этом знают в то время — на рубеже XIX–XX веков — не только поэты, но и философы: впрочем, они всегда об этом знали, хотя прежде не могли найти достаточно эффективного способа проникновения вглубь. Нужно также сразу сказать, что, если философы довольно быстро нашли соответствующие и сознательно применяемые инструменты языкового анализа действительности, то поэтические поиски имели более интуитивный — или, может быть, на удивление более интересный — характер. (Кстати, стоит все же обратить внимание на тот факт, что представители обеих этих дисциплин находились в — порой скрытном — контакте друг с другом: анонимным благотворителем Рильке был автор «Логико-философского трактата» Людвиг Витгенштейн; русские кубофутуристы, в кругу которых оставался Хлебников, поддерживали дружеские отношения с одним из создателей пражской школы структурализма Романом Якобсоном).

То, что в «лингвистических» поисках Хлебникова кажется интересным, это разворот тех тропов, которые для обретения языковой завершенности велют двигаться не к прошлому — как, например, у мистиков, пытавшихся добраться до утраченного *lingua adamica*^[9] — но в противоположном направлении: здесь речь, скорее, не о восстановлении того, что затеряно в грешной истории, а о создании языка будущего. Это одна из основ специфики футуризма (кубофутуризма) этого поэта и близких к нему — во всяком случае, при постановке совместно с композитором Михаилом Матюшиным, поэтом Алексеем Крученых и сценографом Казимиром Малевичем

первой футуристической оперы «Победа над солнцем», к которой Хлебников написал авторский пролог. Уместно будет упомянуть о сотрудничестве с Владимиром Маяковским, вместе с которым он опубликовал скандальный манифест «Пощечина общественному вкусу» — этот последний в своей дальнейшей поэтической практике, несомненно, отступил от буквы написанного в 1919 году эссе Хлебникова «Наша основа»: «Общественные деятели вряд ли учитывали тот вред, который наносится неудачно построенным словом. Это потому, что нет счетоводных книг расходования народного разума. И нет путейцев языка». Можно только догадываться, что прозвище «путейца» языка будущего Хлебников мог бы связать с пробольшевистским творчеством автора «Облака в штанах», который принял продиктованную «общественными деятелями» роль «инженера человеческих душ».

Будущий язык — или иначе: язык будущего — сотворенный в поэтической практике, это язык, для которого он нашел определение «будетлянский». В процитированном эссе он сравнивает языкотворчество с детской игрой в тряпичные куклы: «Отсюда понимание языка как игры в куклы; в ней из тряпечек звука сшиты куклы для всех вещей мира. Люди, говорящие на одном языке, — участники этой игры. Для людей, говорящих на другом языке, такие звуковые куклы — просто собрание звуковых тряпечек. Итак, слово — звуковая кукла, словарь — собрание игрушек. Но язык естественно развивался из немногих основных единиц азбуки; согласные и гласные звуки были струнами этой игры в звуковые куклы. А если брать сочетания этих звуков в вольном порядке, например: «бобэоби» или «дыр бул щыл», или «Манч! Манч!» или «чи брео зо!» — то такие слова не принадлежат ни к какому языку, но в то же время что-то говорят, что-то неуловимое, но все-таки существующее» (подчерк. мое — Л.Ш.)

Строка «дыр бул щыл» взята из пятистишия Крученых — по сути, непереводаемого, однако, передаваемого по-польски не в оригинале, а (что можно, за неимением лучшего, признать переводом) в транскрипции:

Дыр бул щыл
убешщур
скуп
вы со бу
р л эз

Стихотворение сопровождалось авторским комментарием, в котором говорилось, что «в этом пятистишии больше русского национального, чем во всей поэзии Пушкина». Если

задуматься, в этой уверенности нет никакого преувеличения, однако, наверное, следовало бы уточнить понятие «национального», которое Крученых, очевидно, понимал, подобно Хлебникову, как языковой элемент или фактор: ведь в процитированном эссе речь идет о «людях, говорящих на одном языке» — «одном», то есть «данном». И хотя комментарий Крученых можно рассматривать как провокацию — особенно, когда он говорит о Пушкине — в конце концов, создание нового (через преобразование «данного») языка — это само по себе провокация. С этой точки зрения, такой провокацией является суждение Ярослава Марека Рымкевича, что Мицкевич — это «поэт немного другого народа и немного другого языка», нежели Кохановский, а также прочтение этого в качестве утверждения, что в «Крымских сонетах» «больше народных элементов, чем во всей поэзии Кохановского»: в сущности, это правда; тем более что ни Крученых не отвергал Пушкина, ни Мицкевич Кохановского. Но ничего не поделаешь: правда всегда провокационна.

3.

Очевидно, что Хлебников со своим пониманием футуризма двигался в ином направлении, нежели Маяковский, который — надо отдать ему должное — старался спасти поэзию своего умершего в 1922 году товарища, практически приговоренную «общественными деятелями» к небытию. Однако можно предположить и то, что основным пунктом едва артикулированного спора был вопрос о роли писателя как «инженера», которую Маяковский воспринял с немалой увлеченностью. Похоже, что «инженерские» амбиции он распознал в установках одного из «отцов» футуризма Филиппо Томмазо Маринетти. Обращаясь к нему в 1914 году в открытом письме, он в качестве будетлянина приветствовал его заголовком: «Бездарный болтун!». В написанной вместе с Бенедиктом Лифшицем заметке «На приезд Маринетти в Петербург», он в довольно патетическом — но и близком к мелодике «Скифов» Блока — тоне возвещал: «Сегодня иные туземцы и итальянский поселок на Неве из личных соображений припадают к ногам Маринетти, предавая первый шаг русского искусства по пути свободы и чести, и склоняют благородную выю Азии под ярмо Европы. Люди, не желающие хомута на шее, будут (...) спокойными созерцателями темного подвига. Люди воли остались в стороне. Они помнят закон гостеприимства, но лук их натянут, а чело гневается.

Чужеземец, помни страну, куда ты пришел! Кружева холопства на баранах гостеприимства».

Маринетти — как впоследствии Маяковский — это для Хлебникова не кто-то, создающий новые пути в будущий мир путем творения свободного слова (а ведь *parole in liberta*^[10] — один из лозунгов футуристического манифеста итальянца), а напротив: кто-то, отдающий свободное слово в услужение социальной инженерии, которая стремится сконструировать «нового человека». Иначе говоря — в литературе Маринетти он видел не столько новый язык свободного человека, сколько, давая определение с сегодняшней перспективы, новояз, цель которого — человека поработить. То, что свой спор с Маринетти Хлебников рассматривал как спор Востока с Западом, это вопрос, видимо, требующий отдельного, подробного исследования. Но в этом споре находит свое выражение некоторая, достойная внимания и осмысления — и в наше время, а, может быть, особенно в наше время — вера: это вера в культурный потенциал пробуждающейся на рубеже веков России как обители свободы.

В этом контексте стоит спросить, о каком Лице идет речь в стихотворении, приведенном в начале данного эссе. Если осознать тот факт, что возрождение, каким стал серебряный век литературы (но не одной литературы, а еще и живописи, и музыки) в России начала XX века, открыло перед писателями этой страны новые перспективы, нетрудно понять, что большевизм, наряду с другими своими преступлениями, привел, путем (в том числе физического) уничтожения русского авангарда — а затем, несколько позже, и в подчиненных себе странах Восточной Европы — к гибели живительного ментального фермента, представлявшего собой не столько, как это довольно упрощенно представлялось Хлебникову, противопоставление, сколько альтернативное дополнение поисков, предпринятых на Западе, и тем самым, возможно, еще на долгое время, к невозможности осуществления свободолюбивых надежд всей западной цивилизации, по-прежнему обреченной на ложную, схематичную разделенность. Но сказать, что Лицо, открываемое или показываемое в цитируемом стихотворении, это лицо свободного россиянина, создающего язык свободного человека, это указать лишь на одну из многих, вдобавок, довольно банальную интерпретацию.

С определенной точки зрения, «вопрос Хлебникова», по меньшей мере, настолько же, насколько «вопрос Мандельштама», составляет фундаментальный опыт всей европейской культуры. Крах европейского авангарда — в значительной мере присвоенного тоталитарными режимами: будь то случай Маринетти в Италии, или Готфрида Бенна в Германии, или, наконец, Маяковского в России — это одна из открытых ран, которая все еще не зарубцевалась. Тем более что безжалостному уничтожению подвергалось всё, что не удавалось использовать политически или хотя бы идеологически: это было не только уничтожение «дегенеративного искусства» нацистами, но еще и охота соцреалистов на представителей «реакционного» искусства.

Тем, что представляло собой полную противоположность поискам Будетлянина, было политическое (ведь, в конце концов, именно о политических действиях шла речь, когда он писал о вреде, который приносит «неудачно построенное слово») сужение культуры и жизни. Хлебников принадлежал к тем авторам, для которых — говоря словами Шимборской — «радость писания» была и радостью открывания новых пространств для человеческого разума. Много пишется о родстве такого рода авангардных поисков с тогдашними научными изысканиями — это достаточно очевидные связи: пойдет ли речь о неевклидовой геометрии Лобачевского или о теории относительности Эйнштейна. Правда, это было поверхностно — да, художники знали, что, как говорил Тадеуш Пейпер, «менялась кожа мира», но такие как Хлебников осознавали в то же время, что не меняется его сущность, и не меняется положение человека в нем. То, что мы охватываем разумом — а охватываем мы всё больше, в чем были убеждены художники того периода ускоренной эволюции исследований — это именно та поверхность. Для Хлебникова — не только для него — было важно то, что скрыто под ней, в глубине. Однако для «поверхностных» это было, как принято это называть до сих пор, «нерационально».

Извечно мистики — хотя не только они — пытались постичь, каков скрытый облик мира: они знали, что он существует, его реальность не вызывала и не вызывает у них сомнений. Так же — пусть, может быть, более интуитивно — искали этот облик художники, не только поэты, хотя они, возможно, с особым ощущением призвания к этому: ведь слово — сам язык — явление таинственное. Таинственна его природа: тем более что познанное до сих пор филологами оказывалось именно чем-то поверхностным. Хотя и не всегда. Когда Осип Мандельштам рассуждал о специфике русского опыта, он писал: «Чаадаев,

утверждая свое мнение, что у России нет истории, то есть что Россия принадлежит к неорганизованному, неисторическому кругу культурных явлений, упустил одно обстоятельство, именно: язык. Столь высоко организованный, столь органический язык не только дверь в историю, но и сама история. (...) «Онемение» двух-трех поколений могло бы привести Россию к исторической смерти. Отлучение от языка равносильно для нас отлучению от истории. Поэтому совершенно верно, что русская история идет по краешку, по бережку, над обрывом и готова каждую минуту сорваться в нигилизм, то есть в отлучение от слова».

Дело, предпринятое Хлебниковым, это, прежде всего, стремление к закланию России — в слове: но в слове свободном, самовитом, индивидуализированном, и одновременно подчиненном неким непререкаемым принципам, к которым принадлежит «заумь». Только путем соблюдения этих принципов Россия может остаться «провокацией» для мира — «провокацией», являющейся призывом к творчеству, к творению. Отсюда, впрочем, столь резкая и беспощадная реакция на деструктивную — как он ее понимал — программу итальянского футуризма, воплощенную в поэзии Маринетти. Конечно — центральным пунктом этой поэтической концепции стало включение России в космическое пространство (определенно, не только человеческое) через приход к «естественному» (для поэтов) «грядущему мировому языку». Нарратив, создаваемый на этом языке — все еще проектируемом, с принципом доминирования звука, являющегося при этом общей собственностью всех «данных» языков, а значит, указывающим для всех одну и ту же основу — должен стать повествованием, открывающим пространство будущего («взаимозависимостей коих-то», «каких-то там соответствий», «каких-то соизмерений»), открывающего — как на холсте — Лицо, населяющее его: Лицо мира, быть может, Лицо Бога — непостижимое: его губы, взгляд, брови, облик «поются» в лицах человеческой цепи.

Перевод Владимира Окуня

-
1. «Мои москали» — книга избранных переводов русской поэзии Виктора Ворошильского вышла в 2006 году — Здесь и далее примеч. пер.
 2. Бобэоби пелись губы,
 3. Вэзоми пелись взоры,

4. Пиэзо пелись брови,
5. Лиэээй — пелся облик,
6. Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
7. Так на холсте каких-то соответствий
8. Вне протяжения жило Лицо.
9. *lingua adamica* (Адамов язык, лат.) — мифический язык, на котором якобы говорили первые люди.
10. Слова на свободе (итал.)

Русские цыганские романсы в «Завороженном танцзале» поэзии Галчинского

*И жизнь, как пенье,
как прежний тон струны моей цыганской,
прекрасный, словно облаков кипенье (...).*

Константы Ильдефонс Галчинский. «Возвращение к
Эвридике» [1946]. (Перевод А. Нехая)

*Нота цыганско-блоковских напевов заметна в стихах
Галчинского, она многое определяет. (...) В этой русскости
наверняка таится корень бесшабашности, безответственности,
бесформенности Галчинского как художника.*

Анджей Дравич. «Константы Ильдефонс
Галчинский», Варшава, 1968

Пожалуй, самое интересное свидетельство присутствия русско-цыганской музыкальной культуры в межвоенной Польше — это поэзия Константы Ильдефонса Галчинского. Правда, Казимеж Вежинский тоже пытался обобщить свои воспоминания о годах, проведенных в России, в стихотворении «Русский романс» (из книги «Корец мака», 1951), которое и названием, и настроением близко этому музыкально-поэтическому жанру. Атмосфера декадентских «жестоких» романсов ощутима и в «Арлекинаде» (1933) Хаскеля Элленберга, или — на что сразу обратил внимание любитель и рафинированный знаток русской культуры и литературы Кароль Виктор Заводзинский — в «Дансинге» (1927) Марии Павликовской-Ясножевской (хотя, следует заметить, в этом сборнике речь идет о фокстротах, банджо, саксофоне, джаз-банде, блюзе, чарльстоне, танго — но не о русских романсах).

Однако именно «греко-цыганский» поэт, как назвал Галчинского Владислав Броневский (стихи «Памяти К.И. Галчинского»), связан с русской цыганщиной теснее всего. Впрочем, читатели поэзии «мага в цилиндре» (определение Януша Рогозинского, явно отсылающее к одному из немногих

снимков Галчинского, созданному летом 1946 г., — в широком плаще, на террасе дома в усадьбе Недзельских, в Следзейовицах близ Велички) сами это явственно ощущали. Ежи Загурский, редактор журнала «Жагары», вспоминает, к примеру, как в тридцатые годы в Легатишках на реке Вилии (Нерис), под Вильно, в так называемом «Студенческом лагере», читали «Конец света» Галчинского, а присутствовавший на вечере Милош, изумленный мелодичностью поэмы, заметил, что в ней есть некое кружение ритмов «популярных полупольских-полурусских песенок»^[1]. Упомянутый уже Заводзинский (а он был чуток к малейшим следам ассоциаций с русской литературой), рецензируя изданные в 1937 году «Поэтические произведения» автора «Порфириона», даже назвал его «веселым декадентом à la russe», отметив, как сильно повлиял на эти стихи «темный морок цыганских песен». Об отношении Галчинского к цыганским романсам не раз писали близкие и друзья поэта. Стефан Флюковский подчеркивал, например, что стихотворение «Надену черные кладбищенские брюки...» было «осознанным смешением сентиментального лиризма и сатирической пародии. (...) Романсом, высмеивающим романс, издевкой над модными шлягерами. Насмешкой над всякой хандрой и сплином»^[2]. Дочь Галчинского, Кира, вспоминает, как у них дома, по вине женщин, влюбленных в «кокаиновые» песенки Вертинского (т.е. матери — Натальи и ее самой) раздавались звуки «Сумасшедшего шарманщика», вызывая лавину иронии, шуток и немилосердных издевок отца^[3]. Ведь, следует подчеркнуть, восприятие русской цыганщины в творчестве Галчинского было вписано в рамки свойственного его поэтике тяготения к сатирическому гротеску и того, что Эразм Кузьма назвал «межжанровой интертекстуальностью» (она проявлялась в обращении к популярной культуре, ярмарочным жанрам). Словом, восприятие это во многом опиралось на пародирование цыганского романса, этого своего рода кабацкого экстракта русской культуры^[4].

Одним из аспектов проблемы, который относительно легко вычленишь и охарактеризовать, оказывается частый у Галчинского прием — введение в поэтический текст фрагментов (названий, отдельных строк, рефренов) русских народных песен и цыганских романсов. Обычно поэт берет их в кавычки, приводит в оригинальном звучании, поэтому идентифицировать их легко. Встречаются, однако, и такие, выявить которые уже сложнее, поскольку это свободные парафразы, далекие от первоисточника, а порой лишь напоминающие о нем сходной эмоциональной атмосферой. Цитаты, введенные таким образом, функционируют как

символы, концентрат русского духа, как позывные, наделенные исключительной способностью пробуждать самые разные ассоциации, складывающиеся в авторское видение русской культуры. Русскость часто возникает в контексте гротескной насмешливости, в то же время ей присущи лиризм и задумчивая нежность. Присмотримся к этим русско-цыганским блескам, сливающимся в интертекстуальную гирлянду.

В бутафорских «Пяти доносах» (1934), к примеру, речь идет о невыносимых соседках — это «пять вдов генералов царских», у которых — «едва блеснет на небе месяц» — слышен звон гитар и пение «*Razbiéj bakál!*». Инкрустирующая рассказ иноязычная фраза отсылает к одной из самых характерных деталей русских романсов, где часто поется о том, как рюмки бьют на счастье, а еще чаще о том, как их бьют в минуты особенно горького отчаяния. Это восклицание из популярного «жестокое» романса «Налей бокал», написанного Львом Дризо до 1917 г., а в двадцатые годы XX века более всего известного в исполнении знаменитого, жившего тогда в Польше, Юрия Морфесси. В романсе настойчиво звучит мотив полного глубокой безнадежности самоубийственного осознания бессмысленности жизни после утраты возлюбленной, которая ушла с другим:

*Ах, если в жизни всё вино
Любви твоей испито,
Разбей бокал свой — всё равно
Вся жизнь уже разбита.*

*Разбей бокал! В нём нет вина.
Коль нет вина, так нет и счастья.
В вине и страсть, и глубина,
Забвенье мук и призрак счастья.*
(«Налей бокал», слова В. Овчаренко, Л. Дризо, музыка Л. Дризо)

Галчинский наверняка знал этот романс, а вероятней всего, ему вспомнилось и одно из его любимых стихотворений Александра Блока из цикла «Страшный мир», выдержанное в столь же отчаянном, неврастеническом настроении. Речь о том, как «в кабинете ресторана/ за бутылкою вина» среди «визга цыганского напева» и «дальних скрипок вопля туманного» звучат слова:

*Жизнь разбей, как мой бокал!
Чтоб на ложе долгой ночи
Не хватило страстных сил!
Чтоб в пустынном вопле скрипок*

Перепуганные очи

Смертный сумрак погасил.

(«Из хрустального тумана...», 6 октября 1909^[5])

В поэзии Галчинского, в атмосфере той же, что в «Пяти доносах», лирической насмешливости и подтрунивания над русским декадентством (что маскирует уже не высмеиваемую, поистине блоковскую, русскую романтическую раздвоенность), возникают и образы из других знаменитых романсов. В стихотворении «Радиопередача для интеллигенции» (1933) на образ зимней вьюги, наколдованный мечтающим о снеге диктором, накладывается ностальгический образ польской луны: «как еврейский напев в русском сердце эмигранта-саксофониста», — и звучание популярного романса «Гайда тройка, снег пушистый...»^[6]: где-то далеко тройка рысью мчится в серебристую снежную ночь, потом возвращается, чтобы поутру увезти смущенную любовницу, обуреваемую тревожным сомнением в подлинности или просто прочности любви, в искренности страстных ласк, которыми ее одарили. Подчеркнем, что луна, буря, снег, ветер, фонари, сани с трупом поэта, тошнотворное отчаяние, «свинское рыло мира» то ли развеявшееся, то ли застывшее в лютой стуже вьюги, ненависть ко всем тем оппортунистам, кому «живется нынче распрекрасно», пока другие «мрут без работы», — все это элементы не только типичные для русских романсов, но и сходные с блоковскими тоскливыми видениями демонического зимнего Петербурга с его бродягами и проститутками (как в циклах «Страшный мир» или «Город»). Эти тексты сближает сходное чувство поражения, но и не угасший окончательно, отчаянный, в осознании катастрофы, бунт против унижения и безнадежности.

Среди прочих — почерпнутых из русских романсов и песен — строк, на которые стоило бы обратить внимание: введенный Галчинским в стихотворение «Россия» татарско-монгольский рефрен «Aj, dierbień-dierbień kaługa» из известной частушки; обороты «Ах, что за боль...» или «Бей в струны, бей...» (из стихотворения «Романс»), словно готовыми взяты из романсов, которые пел Пётр Лещенко (в Польше в 1939 г. были доступны импортные записи этого популярного исполнителя); рефрен «ты не сердись/ прими меня в объятья и не выдай миру» в «Бале у Соломона» — напоминающий знаменитое «поцелуем дай забвенье» («Под чарующей лаской твоею» Николая Зубова); фрагмент колыбельной «spi, mładeniec moj priekrasnyj. / Bajuszki-baju» («Писательская колыбельная» в стиле «Баю, баю, мил внучонок» Александра Островского и Владимира Кашперова, «Колыбельной песни» Константина

Бальмонта или известной колыбельной на музыку Римского-Корсакова. Здесь же и гротескно спародированные фрагменты в «Песенках начальника похоронного бюро», где есть и Тамара, и несчастный влюбленный с гитарой под ее окном (как в цыганском романсе Якова Пригожего «Милая»), и револьвер, и егерская рубашка, и порванные струны, и угроза: «Ты еще заплачешь,/ увидав меня в гробу...», и возглас «Прощай!» (сравни есенинский романс «Зеленая прическа...»). К списку можно добавить и русские вкрапления из позднейших стихов, а также обратить внимание на «киплинговское» стихотворение «Если» (1946), куда введен характерный оборот «Волга-Волга» из песни о Стеньке Разине («Из-за острова на стрежень...»)^[7], или на строку «с бубенчиками романсище “Твои пальцы пахнут ландышами”», саркастически отсылающий к песне Вертинского «Ваши пальцы пахнут ладаном» (то есть вовсе не ландышами, а церковным кадилом).

Перечисление можно продолжить и показать, например, как поэт заимствует некоторые основные романсные темы и мотивы — когда пребывает в кругу воспоминаний, памяти, забвенья, или когда говорит о ночи, луне и пении соловья, о садах и беседках — месте встречи влюбленных. Однако в мои задачи не входит составление каталога песенно-романсовых ассоциаций в стихах Галчинского. Хотелось бы, скорее, лишь подчеркнуть тот факт, что многие произведения поэта — такие, скажем, как «Сапфирный романс» (1935), «Роман о трех сестрах-эмигрантках» (1928), «Серенада» (1939), а особенно «Эй, по широкой дороге...» (1938) и «Песенки начальника похоронного бюро» (1936) или «À la russe» (1937), — это великолепные стилизации и подражания декадентским цыганским романсам, которые в Польше пели в межвоенные годы (обычно в переводе Зофьи Байковской, но довольно часто и в оригинале), таким, как: «Не уходи», «Хризантемы», «Пара гнедых», «Калитка» или «Уголок». С русским романсом эти произведения связаны не только благодаря введению фрагментов оригинальных романсов (как у Блока, инкрустировавшего стихи эпиграфами из «Утра туманного») или привлечению мелодраматического антуража (гитара, балалайка, самоубийства, алкоголь, любовные разочарования), усиливающего ауру трогательных, сентиментальных мелодий, но и через музыкальную организацию стиха по образцу романса. Вероятно, отсюда у Галчинского столько вздохов типа «Эй, под Вавром, эй, на шоссе, на люблинском...», «Унынье в небе. Но какое!...» («À la russe»), «Эй, по широкой дороге, да сам, да один, да с гармошкой...» или «Эй, звёзды!» («Эй, по широкой дороге...»), «Эх, играли, так уж играли эти прохвосты...» («Бал у Соломона»), «Эй, по широкой дороге ничейной...» («Башмаки

сапожника Шимона»), «Ах, что за боль...» («Романс» — «Голос женский в берёзах...»). Так начинались и русские романсы: «Ну же, ямщик, поскорей...», «Ну, быстрее летите, кони...», «Ах, люби меня без размышлений...», «Ах, я влюблён в глаза одни...», «Эх, ямщик, гони-ка к “Яру”...», «Эх, душа моя, мы с тобой не пара...», «О, верь моей любви...», знаменитое «О, говори хоть ты со мной...», «Ох, тошно мне...», — если вспомнить лишь некоторые примеры.

Насыщение романсов восклицаниями усиливало экспрессию, придавало им патетическую возвышенность и в то же время было как бы свидетельством подлинности воспеваемых чувств. Восклицания, подражающие вздохам, стону, смеху или плачу являли собой соответствие не выраженным чувствам, достигая их динамики и силы выразительности. Галчинский, чьи стихи «имели истоком эмоцию», как заметил Юзеф Чехович^[8], сознательно пользовался магией чувств, скрытой в восклицаниях, не пренебрегая и их недооцениваемой звучностью.

Еще один элемент, сближающий (лишь до известной степени, ибо эта черта может свидетельствовать и о многих других вещах) некоторые произведения Галчинского с русскими цыганскими романсами, это обращения к адресату, адресатке, которые драматизируют лирическое повествование, делают стихи похожими на диалог (на эту черту лирики Блока указывал Юрий Тынянов): «Ты меня не любишь. Я знаю...», «У меня револьвер есть. Ты знаешь. / Хорошо ты знаешь, Тамара...», «Ты еще заплачешь...», «А вот увидишь...», «Прощай же, Тамара...» («Песенки начальника похоронного бюро»); «Пой же, брат... Жми на клавиши, / нота за нотой...» («Эй, по широкой дороге...»). Типичный романс всегда был обращен к «ты», всегда изобилует императивами; как писал знаток жанра: «каждый романс — словно сжатая миниатюрная мелодрама, рассказанная в напевных стихах одним ее участником — другому»^[9].

Однако связи с русской цыганской музыкой не ограничены в творчестве Галчинского буквальными, парафразированными или спародированными цитатами из популярных шлягеров, какими были в межвоенный период цыганские романсы; они не сводятся и к подражанию их песенно-романсовой мелодичности — через восклицания или оноματοпоэтическую стилизацию песни под гитару (вспомним хотя бы «Романс» — «Женский голос в берёзах...» или фрагмент «Бала у Соломона», где возникает Гулистан, где есть попытка подражать бряцанью струн, где вставленное словечко «говорит» — как метко

заметил в уже цитированном тексте Чехович — звучит как аккорд, и «уже начинается серебристая музыка слова». Еще один существенный аспект, на который надо обратить внимание, это явное использование — чаще всего на правах пародийной имитации — эмоциональной атмосферы, специфической для данного жанра: того, что Пушкин назвал «разгулем удалым» и «сердечной тоской». При этом дело не только в характере чувств, к которым апеллирует романс, но и в их масштабе. Ведь предписанные каноническим романсным текстам своего рода чувственные котурны, усиленная эмоциональность были связаны со своеобразным максимализмом, который можно выразить в трех словах: «везде, всегда, никогда», — или суммировать строкой из забытого романса Николая Северского «Едва меня узнали»: «Ведь для меня и муки, и рай... всё — вы...» (музыка Аркадия Абазы). То есть: если речь шла о любви — то только до гроба, навсегда, единственной на свете; если о нарушении обещанья — то только о разящем наповал и самом что ни на есть неожиданном, всё превращающем в игру; если о памяти — то в сопровождении клятвы, что это никогда не будет забыто — будет забыто всё остальное, но только не это... Максималистским требованиям сопутствовал фаталистический взгляд — диктовавший автору популярного романса «Чудный месяц плывет над рекою...» (по мотивам стихотворения Василия Немировича-Данченко «Ты любила его всей душою...», 1882) такую, например, фразу: «Нам теперь уж с тобой не сойтися,/ Верно, так уж угодно судьбе». «Роковая страсть», «роковая любовь», «роковой час», «роковые обстоятельства», «роковое свидание», «поединок роковой», «дар судьбы», «не судилось», «так суждено» были неотъемлемыми опознавательными знаками «жестокého романса».

Многие из названных выше стихотворений Галчинского построены именно по такому принципу: в них созданы смысловые структуры, подобные типичной для романса мозаике отчаяния, депрессивной печали, реже — надежды. Особенно это касается текстов, в которых развиты мотивы, так сказать, алкогольно-кабацкие: «На странный и неожиданный отъезд поэта Константия», «Сервус, мадонна», «Бал у Соломона» или «Виленское imbroglío», — вообще многих стихов, написанных в Вильно. Правда, показ (сокрытие?) отчаяния в костюме гротеска (из застенчивости?) приводил к тому, что некоторые читатели не замечали глубины «блоковско-романтической» раздвоенности поэта, этого «громáдного чемодана тоски» («Заметки о моем неудавшемся посте в Париже»). Ян Блонский, к примеру, отказывал

цыганскому настрою Галчинского в декадентском унынии. Были, однако, и те, кто отлично чувствовал, что кроется под маской шута и насмешника. Один из таких внимательных читателей, Болеслав Мицинский, писал: «Есть всё же некая категория творцов, которые, похоже, переворачивают привычный порядок, страдание заковывают в ритм безмятежного менуэта и улыбаются, чтоб выразить боль. Так улыбались Моцарт и Мюссе. Так улыбается Галчинский. (...) Прежде надо уловить главный мотив его творчества, понять таинственную перестановку эмоциональных знаков, чтоб за усмешкой буффона и ирониста открылась бездна печали, страдания и тревоги»^[10]. Нечто подобное писал Казимеж Выка, видя в позиции насмешки попытку снять чары всевластного испуга^[11].

Печать русского декадентства, лежащую на цыганском романсе, Галчинский, как и его мастер Блок, воспринимал не только как самое верное выражение русской души^[12], но и как экспрессию наиболее личных, глубоко сокровенных сердечных истин. В противном случае реки в стихах Галчинского не плакали бы так «черно, темно, по-русски» («Ночь в Вильно»), русская женщина не была бы той, кому ведома тайна печали («Пять доносов»), а музыка бы не «выла вурдалаком, напившимся крови под флейту цыгана» («Бал у Соломона»).

Цыганские романсы Юлиана Тувима

*Гитара милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь такое,
Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни покоя.
Сергей Есенин. Русь уходящая [1924]*

Поэзия Галчинского — исключительно подходящий материал, на его основе можно не только проследить отразившиеся в нем музыкальные и литературные интересы самого автора, но и выяснить, каковы были популярные объекты предпочтений массовой культуры двадцатых-тридцатых годов XX века. Следует, тем не менее, в очередной раз подчеркнуть, что эта

поэзия — не единственное свидетельство. Русский цыганский романс «слышен» и в других произведениях, у других поэтов, например, у Юлиана Тувима. Вспомним хотя бы о напевающей романс аптекарше в стихотворении «Моя тоска» (из книги «Цыганская библия») или о «сентиментальной поэме» «Пётр Плаксин», которая — подобно многим стихам Галчинского — являла собой полную юмора и иронии шутливую картинку из истории восприятия цыганского романса в Польше. Можно даже сказать: поэма о безответно влюбленном телеграфисте со станции Хандра Унынская — это очередная маленькая антология мотивов, известных из цыганских романсов. Трагедия, описанная в поэме, связана, правда, не с семиструнной гитарой и не с шарманкой, а — на правах гротеска — с кларнетом. Именно благодаря умению играть на кларнете конкурент главного героя, техник Влас Фомич Запойкин покоряет сердце буфетчицы Ядзи, покоряет — исполняя цыганские романсы и русские песни. Запойкин — как мы читаем — играл на кларнете, увы, «превосходно»:

*Тоска его ела страшная,
И когда было грустно очень, —
Брал кларнет, выдувая протяжно:
«Последний нонешний денёчек...»
(«Пётр Плаксин». Перевод Е. Рашковского)*

«Последний нонешний денёчек» — русская песня рубежа XIX–XX веков, прославившаяся, в частности, благодаря замечательному исполнению Саши (Александра Михайловича) Давыдова, прозванного опереточным Мадзини (запись 1911 года на крупнейшей фирме грамзаписи в Польше и в Российской империи — «Сирена-Рекорд»). Эта песня пользовалась необычайной популярностью, было много ее вариантов: женский, солдатский, матросский, казацкий, революционный (о событиях 1917 года), тюремный (блатной). Изначально это была песня о призыве на солдатскую службу, о расставании с близкими, потом она стала музыкальным прощанием с рекрутом, уходящим на войну, а еще позднее — романсом об утрате любви, об обещании вечно хранить ее в памяти. Как бы там ни было, во всех вариантах много слёз:

*Последний нонешний денёчек
Гуляю с вами я, друзья!
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя семья.*

*Не плачьте, мать моя родная,
Отец, и братья, и сестра,*

*И ты не плачь, о дорогая,
Расстаться нам пришла пора.*

Когда погода за окном не способствовала хорошему настроению, когда по полям гулял ветер и ревела метель, кларнет звучал еще жалобнее, и тогда Влас Фомич, сыграв «Последний денечек», продолжал: «Ох, и жаль мне тебя, Расея!», — но эти, похожие на строфы Есенина, ноты не всегда нравились панне Ядзе. Она явно предпочитала, когда соблазнитель, стряхнув с себя русскую тоску, снова «дивно» играл на кларнете:

*Порой были вкрадчиво-нежны
Мелодии грустной чары,
И вдруг — разудалая песня
Про Тулу и самовары.
(«Пётр Плаксин». Перевод М. Ландмана)*

Только тогда у буфетчицы, усердно разливающей водку по рюмкам, «таяло сердце блаженно», и она шептала: «Играете вы несравненно...». Песня про Тулу, это, вероятней всего, уже упоминавшаяся в связи с Галчинским частушка «Тульская гармонь», видимо, весьма популярная в ресторанах межвоенных лет. Что же до самовара, речь наверняка идет о польском фокстроте, сочиненном в 1931 году Фанни Гордон (псевдоним Фаины Квятковской) на слова Анджея Власта для ревю «Путешествие на Луну» в кабаре «Морское Око». Записанный два года спустя немецкой фирмой «Полидор» по-русски (в автопереводе Фанни Гордон, присвоенном затем Лебедевым-Кумачом) — и вскоре душевно исполненный знаменитым Леонидом Утесовым, он стал одной из популярнейших русских песен. Будучи в оригинале фокстротом, песня функционировала как цыганский романс, поскольку была близка ему и настроением, и тематикой:

*У самовара я и моя Маша,
А на дворе совсем уже темно.
Как в самоваре, так кипит страсть наша.
Смеётся месяц весело в окно.*

*Маша чай мне наливает,
И взор её так много обещает.
У самовара я и моя Маша —
Вприкуску чай пить будем до утра!*

Так что за действенность ухаживаний тувимовского Запойкина явно в ответе музыкальный репертуар — вроде таких обожаемых тогда в Польше романсов, как «Калитка», «Уголок»

или «Не уходи, побудь со мною». А вот другому — обиженному судьбой — герою, хоть он не умел играть ни на кларнете, ни на гитаре, ни на гармошке, ближе романс «жестокий». Сердцу Плаксина — полному бессильного отчаяния (кто знает — по причине ли только любовной неудачи, а может, просто такова была плаксинская вторая натура), безвинной муки, бескрайней, безнадежной боли, ужасающей скорби и тоски — были ближе романсы в стиле «Лебединой песни» («Я грущу, если можешь понять...»), «Забытых лобзаний» («Забыты нежные лобзанья...»), «Хризантем» или вещей типа «У камина», «Нищая» («Зима, метель, и в крупных хлопьях...»), «Пожалей» или «Жалобно стонет ветер». В том-то, видно, и крылась причина победы соперника: ведь буфетчица была не какой-то склонной к русской тоске Таней, Анисьей, Ольгой, Авдотьей, Настасьей, Верой, Анютой, Наташей, Марией Павловной или Семёновой Машей (перечисление имен из поэмы), — а полькой, не дающей утянуть себя на дно отчаяния!

Поэма Тувима содержит отсылки к определенным, конкретным романсам и песням, но она и сама подобна «жестокому романсу» (особенно главка шестая могла бы с успехом функционировать как романс). Ведь история тихой трагедии телеграфиста — типичный рассказ о печальной и коварной судьбе, о безответной, безнадежной любви, завершившейся самоубийством. Когда Пётр Плаксин в письме к Ядзе признается в своей полной тоски влюбленности (повторяя жест пушкинской Татьяны, влюбленной в Онегина или, скорее, подражая Желткову, герою рассказа Куприна «Гранатовый браслет»), он пишет о русской осени, сером небе, далеких полях, трёх кривобоких деревьях и вздыхает:

*Есть безысходная горечь
В этих страданиях банальных,
В этих печальных взорах,
В этих словах прощальных.*

*О, сердце, разбитое сердце,
О, стоны в ночи бессонной,
О, слёзы любви горячей,
Тоскливой, неразделённой!..*
(«Пётр Плаксин». Перевод М. Ландмана)

Описанные в трех строках вздохи, с характерным перечислением модельных деталей, создающих атмосферу русской тоски, отсылают к классическим романсам — хотя бы к тем, что были сложены пианистом-аккомпаниатором московского ресторана «Яр» Яковом Федоровичем Пригожим.

Быть может, к апухтинским «Ночам безумным», с популярной строфой, где в одном ряду перечислены:

*Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые...
Ночи, последним огнём озарённые,
Осени мёртвой цветы запоздалые!*
(А. Апухтин. «Ночи безумные, ночи бессонные...»)^[13]

А может — к «Ночам осенним» из репертуара Екатерины Юровской:

*Ночи осенние,
Ночи ненастные,
Ветра холодного
Стоны глубокие,
Слезы горячие,
Стоны напрасные,
Счастье минувшего,
Грёзы далёкого,
Ночи осенние.
Мёртвы и мрачны
Долины соседние,
Грустно поблёкли
Цветы благовонные,
В сердце угасли
Молитвы последние!
Ночи осенние,
Ночи ненастные!*
(«Ночи осенние», музыка и слова Я. Пригожего)

Как я уже упоминала, таких реминисценций из русских цыганских романсов, аллюзий на их поэтику можно найти в польской литературе гораздо больше. Сегодня они уже, скорей, не воспринимаются как таковые, никто уже не узнаёт записанного в стихе звона бубенцов или семиструнной гитары, хотя они для нас все еще — эмблема русскости (взять хотя бы символическую сцену из «Любви в Крыму» Славомира Мрожека, где один из героев, поручик Петр Алексеевич Сейкин, поет по-русски романс Якова Фельдмана на стихи Николая фон Риттера «Ямщик, не гони лошадей...»). И все же вспомнить о них стоит, поскольку осознание русского музыкального контекста позволяет открыть неопознанные смыслы, заключенные в отдельных произведениях. Помимо обогащения возможностей интерпретации, речь идет о выявлении связей, соединявших польскую поэзию межвоенного двадцатилетия с русской культурой. Ведь без учета польско-русского диалога

невозможно вполне понять литературу того времени, так же, как невозможно проникнуть в глубинную суть позднейшего творчества художников, связанных с той эпохой. В «Русском романсе» Казимежа Вежинского («Корец мака», 1951) без этого не удалось бы разглядеть следы, ведущие от упоминаний о Шагале к скрытому там обожанию поэзии Блока и цыганских романсов, с их смертной хандрой, ожерельем отчаяния, безнадежной российской скукой, бегущей от зимних вьюг в экзотический рай любви.

Но прежде всего данное следствие по делу цыганских романсов призвано служить доказательством того, что популярная культура (а частично и культура высокая) начала XX века, особенно межвоенных лет, была весьма основательно вписана в цыганско-русский контекст. Отношение ко всему цыганскому некоторым образом определялось отношением к русскому. Поучительным и горьким последствием русификаторской политики царизма было стойкое отторжение цыганской культуры — представители этого народа считались носителями наследия, являющегося частью культуры, чуждой европейской цивилизации. Однако для многих деятелей польской культуры межвоенного двадцатилетия, воспитанных в русских гимназиях и русских университетах, воспринятая *à la russe* цыганская тема, с которой так сильно срослись культура и литература России, стала частью собственной или, по крайней мере, очень близкой традиции.

Во всяком случае, освоенный русской литературой и музыкой цыганский мир входил в польское восприятие все глубже. Он был связан с русской культурой, понимаемой как культура ориентальная (с одной стороны — сентиментальная и наивная, с другой — дикая и варварская), и потому отвергался, был окружен недоверием, неприязнью, враждебностью. Но при этом вызывал интерес, восхищение, желание подражать ему — как иному, нездешнему, а тем самым — открывающему возможность бегства от нежеланного «здесь и сейчас».

-
1. *Prawdy i legendy*, [w:] *Wspomnienia o K. I. Gałczyńskim*, pod red. A. Kamieńskiej i J. Śpiewaka, 1961.
 2. *Konstanty, świat, muzy*, [w:] *Wspomnienia o K. I. Gałczyńskim*, 1961.
 3. K. Gałczyńska, *Srebrna Natalia*, 2006.
 4. Удивительно, но до сих пор никто из исследователей не

уделял этому вопросу особого внимания, хотя общепризнано, что творчество Галчинского глубоко укоренено в русской литературе. Не раз подчеркивался факт, что в нем происходит диалог с поэзией Пушкина, Блока, Есенина, Гоголя, Пастернака, Маяковского, однако до сих пор нет ни одной работы, где глубоко рассматривалась бы эта проблематика. Собственно, мы располагаем только отдельными, в несколько фраз, часто довольно невнятными и лишенными аргументации замечаниями и единственным, не вполне убедительным, текстом на эту тему, принадлежащим русскому исследователю Виктору Хореву. Среди скромных отступлений и мелких упоминаний о воздействии русской культуры на творчество Галчинского, обратим внимание на краткий комментарий из монографии о художнике (1968), написанной бесспорно выдающимся, знатоком и интерпретатором русской литературы Анджеем Дравичем. Находим там, в частности, такие, весьма существенные, констатации: «Нота цыганско-блоковских напевов заметна в стихах Галчинского, она многое определяет»; «под балаганно-ярмарочной феерией переодеваний, обезьянничанья, экспромтов, шарлатанских штук, цыганско-школярских напевов “шута-импровизатора” лицо поэта часто искажалось болью, голос надрывало отчаяние». К сожалению, как уже сказано, проблематика этой цыганско-блоковской инспирации до сих пор не разработана, а поскольку она действительно «многое определяет», стоит приглядеться к ней внимательней. См. также упоминания о вдохновляющей роли русской культуры в творчестве автора «Зачарованных дрожek», в таких текстах, как: *Wspomnienia o K. I. Gałczyńskim, przedmowa i redakcja A. Kamieńska, J. Śpiewak, Warszawa 1961*; A. Bazylewski, *Rosja w życiu i twórczości Konstantego Ildefonsa Gałczyńskiego, „Poezja” 1987, nr 11/12*; M. Wyka, wstęp w K.I. Gałczyński, *Wybór poezji*, oprac. M. Wyka, Wrocław 2003; T. Wilkoń, *Poematy Konstantego Ildefonsa Gałczyńskiego*, Katowice 2010.

5. С. М. Салинский вспоминает, как однажды автор «Двух гитар», не задумываясь, продекламировал эти стихи в своем переводе, но тогда, увы, никому не пришло в голову этот экспромт записать. (См.: S. M. Saliński, *Gwiazda*, [w:] *Wspomnienia o K. I. Gałczyńskim*, pod red. A. Kamieńskiej i P. Śpiewaka, 1961).
6. Музыка и слова — «короля романса» рубежа XIX–XX веков Максимилиана Штейнберга. Романс этот более всего был известен в исполнении Анастасии Вяльцевой.
7. Вспомним, что песни о Волге были в России очень

популярны; выражение «Волга-матушка» выступало в них очень часто.

8. J. Czechowicz, *Dwa aspekty*, [w:] *idem*, *Wyobrażenia stwarzająca. Szkice literackie*, wstęp, wybór i opracowanie T. Kłak, Lublin 1972, s. 182.
9. М. Петровский. «Езда в остров любви», или Что есть русский романс // Вопросы литературы. – 1984. – № 5. – С. 83.
10. *Pochylmy się nad wierszami Gałczyńskiego*, „Prosto z Mostu” 1936, nr 13.
11. См.: *Tragiczność, drwina, realizm*, [w:] *idem*, *Pogranicza powieści*.
12. Заметим, что демократизм этого музыкального жанра, его связь с популярной культурой были немаловажны как для Блока, так и для Галчинского, играли не последнюю роль в их увлечении.
13. Именно на эти слова писали музыку многие: Пётр Чайковский (1886), Яков Пригожий (версия, переделанная Лялей Черной, получила название «Смятые розы»), Н. Сервиз (1873), А. Сологуб (1890), Е. Вильбушевич (ок. 1890). Однако наиболее известно это стихотворение как цыганский романс на музыку А. Спиро (1873).